

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РФ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИЗАЙНА И ТЕХНОЛОГИЙ**

**КАФЕДРА
«СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ»**

С.Н. ГАВРОВ

**ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗМЕНЕНИЕ
ИНСТИТУТОВ СЕМЬИ И БРАКА**

Учебное пособие
по специальностям 040201 (020300)
«Социология» и 040102 (350100)
«Социальная антропология»

Утверждено в качестве учебного пособия
Редакционно-издательским советом МГУДТ

МОСКВА

МГУДТ

2009

УДК 314.04:314.146:314.186

М 99

Работа рассмотрена на заседании кафедры социологии и социальной антропологии и рекомендована к печати.

Куратор РИС

к.т.н., доцент В.И. Фомичев

Зав. кафедрой:

д.и.н., проф. М.Г. Котовская

Автор:

д.филос.н., проф. С.Н. Гавров

Рецензенты:

д.п.н., проф. А.Ю. Бутов

д.филос.н. проф. Л.Н. Воеводина

Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие/ Гавров С.Н. - М.: НИЦ МГУДТ, 2009. – 134 с. **ISBN 5-87055-108-0**

Учебное пособие посвящено проблематике макросоциальных изменений института брака и семьи. Эти изменения особенно ускорились в эпоху модерна – модернизация изменила и продолжает изменять мир вокруг нас, изменив и нашу повседневную жизнь, отношения между людьми, в том числе брак и семью. Автор рассматривает также проблематику воспитания, исторически обусловленные изменения целей и приемов социализации и инкультурации человека.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 040201 (020300) «Социология» и 040102 (350100) «Социальная антропология», а также всех тех, кто интересуется вопросами гендерных отношений, эволюцией институтов семьи и брака, семейных отношений.

УДК 314.04:314.146:314.186

ISBN 5-87055-108-0

© С.Н. Гавров, 2009

©Московский государственный университет
дизайна и технологий, 2009

Предисловие

Макросоциальные процессы, направленные на переход от традиционного общества к обществу современному (модерну), совокупность которых принято называть модернизацией, изменили сначала облик Европы, а затем и всего мира. Формирование модерна (современности) явилось следствием многих политических, экономических и интеллектуальных трансформаций, взаимно усиливающих и обуславливающих друг друга.

Нас более всего интересуют модернизационные изменения, происходящие в сфере семейных и брачных отношений. Естественно, что процессы макросоциальных изменений нельзя рассматривать без сравнения с тем, что было до модерна, с формами бытования семейных и брачных отношений в период премодерна, традиционного общества. Иными словами, нам важно понять, от чего, от каких институциональных форм семьи мы идем, и что произошло с ними в процессе модернизационных трансформаций.

Известный американский социолог и футуролог Э. Тоффлер характеризует современное общество как общество «второй волны», перехода от доминирования сельскохозяйственного производства к промышленной революции. Из характеристик Тоффлера, данных им обществу модерна, нам более всего интересна **современная нуклеарная семья, состоящая из двух поколений (родители и дети)**¹.

Эта характеристика новой двухпоколенческой, состоящей только из родителей и детей нуклеарной семьи кажется на первый взгляд чуть ли не случайной, но она выражает в себе самый главный процесс и результат модернизации. Человек модерна все больше становится личностью, все более эгоистической и все менее склонной жить в парадигме служения любым социальным общностям, будь то нация, соседская община, или даже семья. Это случилось не сразу, не единомоментно. Это результат длительного, многовекового процесса модернизации.

В рамках нашей монографии мы и рассмотрим, как все это происходило, как эволюционировал институт семейных отношений.

Возникшие в процессе модернизации гражданское общество и государство формируют взаимно поддерживающие друг друга институциональные структуры. Процессы формирования воли и

---

¹ Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ / Науч. ред. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 1999. С. 51–201.

мнений в рамках гражданского общества лучше всего отвечают трем нормативным условиям: **эгалитарной взаимности, добровольному самопричислению, свободе выхода и ассоциации**².

Сказанное в полной мере относится и к человеку в рамках современной семьи. Эгалитарная семья (семья, основанная на равенстве участников) сегодня стала нормативной в ареале христианской/постхристианской цивилизации, свобода выхода – развода и прекращения семейных обязательств – также получила максимальное распространение, так же, как свобода самопричисления – свобода выбора брачного партнера, вне зависимости от его (ее) принадлежности к определенной страте общества.

Мы знаем, что история Европы и Америки с конца Средних веков – это история все большего обособления индивида. Этот процесс начался в Италии в эпоху Возрождения и, по-видимому, достиг своей наивысшей точки только сейчас. Потребовалось больше четырехсот лет, чтобы разрушить средневековый мир и освободить людей от самых явных ограничений. Во многих отношениях индивид вырос, развился умственно и эмоционально; степень его участия в культурных достижениях приобрела невиданные прежде масштабы³.

Важно помнить, что общество модерна состоит из граждан, обладающих различными правами: гражданскими, политическими, социальными, и универсализация этих прав стала результатом борьбы тех, кто был их лишен. А современник и коллега К.Г. Юнга, психолог и психотерапевт доктор Э. Нойманн утверждает, и мы вполне солидарны с его позицией, что **анализ обнаруживает западную личность в постоянном движении как вперед, так и назад, но с устойчивым продвижением в направлении, определенном в самом начале: к освобождению человека от природы и сознания от бессознательного**⁴.

Действительно, все более выделяясь из природного окружения, человек получает все большую степень свободы, его деятельность во все более незначительной степени зависит от запрограммированности природных ритмов. Это великое освобождение человека, как и любой сложный макросоциальный процесс, несет в себе разное, то, что

---

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: Пер. с англ. / Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С.39.

³ Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе / Сост. и авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С. 209.

⁴ Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 391.

можно оценивать не только как достоинства, но и как естественно вытекающие из них недостатки.

В переплетении модернизационных процессов для нас особенно важны революция в солидарности и идентичности личности, поскольку большинство форм, в которых обычно проявляет себя солидарность, в том числе **брак и семья, больше не получают адекватной поддержки в общественном мнении и опираются только на индивидуальное моральное чувство или желание признания**⁵.

Еще раз подчеркнем самое важное. **Сегодня человек в ареале христианской/постхристианской цивилизации во все большей степени становится личностью, неспособной жертвовать во имя любых социальных общностей, ставить общие (групповые) интересы выше частных. Чем выше уровень образования и материального комфорта, прежде всего среди женщин, тем ниже уровень рождаемости, эта корреляция абсолютна, проявляясь в разных регионах земли, в том числе и в странах третьего мира.**

Семья представляет собой относительную, но не абсолютную цель. Абсолютная цель природы человека заключается в том, чтобы стать личностью⁶.

Одновременно диверсифицируются формы семейных отношений, в некоторых странах Европы и Северной Америки легализованы однополые браки, причем нетрадиционные семьи получают тот же объем юридических прав, что и традиционные, в том числе и право усыновления детей. Эти процессы ставят под сомнения ценностные основания, на которых длительное историческое время основывалась западная цивилизация.

Но несмотря на всю глубину и масштабность наблюдаемых социокультурных трансформаций, все больше меняющих человека и общество, гендерные роли, семейные отношения и содержательное наполнение семьи, она «остается местом наиболее глубоких и значимых человеческих связей, местом наиболее долгосрочных надежд и наиболее бескомпромиссных конфликтов»⁷.

---

⁵ Зорбо Х.У. Золотой берег и трупобой (избранные главы) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: РАН ИНИОН, 2004. № 4. С. 172.

⁶ Менегетти А. Женщина третьего тысячелетия: Пер. с ит. Изд. 2-е. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003. С. 47.

⁷ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика. Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 221.

Сегодня скорость исторической и социокультурной динамики перманентно возрастает, наиболее развитая часть мира переходит от индустриальной к постиндустриальной экономике и соответствующему новому положению вещей типу социальной организации. Эти процессы самым серьезным образом сказываются на семье и семейных отношениях. Потому и важность научного анализа и изучения в рамках специализированных учебных курсов эволюции институциональных форм семейной организации и отношений, современного состояния семьи в ареале христианской/постхристианской цивилизации, в том числе и в России, не вызывает сомнений.

В процессе работы над монографией нами использовались следующие научные методы: структурно-функциональный; динамический; сравнительно-культурный (исторический), основываясь на законах и принципах диалектики, историзма и системности, позволяющих раскрыть внутреннюю логику изменений института семьи и семейных отношений.

Одним из наиболее важных социологических принципов является принцип историзма. Он гласит: для того, чтобы понять любое современное явление, необходимо обратиться к его истокам и процессам, которые его породили. Невозможно понять современные взгляды на социальные изменения без знания того, из каких более ранних концепций они вытекают и каким теориям противопоставляются. В учебном монографии мы следуем этому принципу как содержательно, так и структурно.

Проблемное поле, в рамках которого написана это учебное пособие, имеет выраженный междисциплинарный характер, включая в себя проблематику, разрабатываемую в рамках социологии и антропологии. Достаточно вспомнить классическое и в рамках избранной нами тематики примечательное определение антропологии, которое дал Б. Малиновский: «Антропология – это изучение того, как мужчины обнимают женщин»⁸.

В монографии рассматривается также проблематика, свойственная педагогике и социальной психологии, демографии, истории, кросскультурным исследованиям по межкультурной коммуникации и диалогу культур, проведен контент-анализ значительного массива научных публикаций по избранной тематике.

---

⁸ Изложено по: Мур Г. Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 582.

Так, известный английский социолог-феноменолог Д. Уолш вполне справедливо полагает, что характеристики явлений, исследуемых демографией (возрастная структура, размер семьи, миграция, численность населения), представляются так, будто это строго объективные данные. Однако анализ показывает, что и для их объяснения необходима интерпретация связанных с ними социальных значений⁹. Таким образом, сегодня предмет изучения демографии включает в себя также изменение мнений, мотивов, установок, ценностных ориентаций, причем не только в инструментальном аспекте достижения цели или удовлетворения потребности.

Рассматривая столь сложную и всеобъемлющую тему, как исторически обусловленная трансформация институтов брака и семьи, мы не можем пройти и мимо огромного массива гендерных исследований. Мы знаем, что актуализированные в XIX в. процессы женской эмансипации дали мощный толчок как собственно самому женскому движению, так и многочисленным научным исследованиям, посвященным «женскому вопросу», даже паллиативное решение которого оказало самое серьезное влияние на трансформацию семьи и семейных отношений.

Самое серьезное влияние на само существование семьи и ее эволюцию оказала секуляризация общества и культуры. Секуляризация проявилась и в повседневной жизни человека, позволив реализовывать жизненный проект без необходимости как-то учитывать в своих действиях мир сверхъестественного, исходить из его возможного одобрения или осуждения. Секуляризация общества кроме всего прочего означала, что семья теряет сакральную, божественную легитимацию, а браки больше не совершаются на небесах.

Это крайне болезненный процесс, на который остро реагировали современники событий. Так, например, известный российский писатель консервативного направления К.Н. Леонтьев задавался вопросом о том, что такое семья вообще и русская семья в особенности, без христианской веры как основы своей легитимности; что такое семья, построенная на секулярных основаниях: «Семья? Но что ж такое семья без религии? Что такое русская семья без христианства?»¹⁰.

---

⁹ Изложено по: Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 25.

¹⁰ См.: Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891)/ Сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; Вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 96.

Мы знаем, что процесс секуляризации, самым серьезным образом сказавшийся на процессе эволюции семьи, зародился отнюдь не в России. Примерно с конца средних веков западное человечество постепенно отходит от представления о человеке как о Божественном творении. Это длительный, со своими коррекциями-возвращениями многовековой процесс секуляризации, получивший серьезное ускорение во второй половине XX века. Следствием этого процесса стало выведение трансцендентного «за скобки» бытия, нацеленность массового человека западного общества не на стяжание жизни вечной, а на обретение материального успеха в земной жизни. XX век, особенно в период после окончания Второй мировой войны, прошел в обывательских разговорах и научных рассуждениях, призывавших к социальному, национальному, сексуальному освобождению человека. Оно рассматривалось в качестве цели философских и социальных усилий, как уменьшение социальной и культурной репрессии, как воспитание более свободного, и, казалось многим, более счастливого человека.

Сегодня это освобождение, уменьшение социальной и культурной репрессии фактически произошло. И, соблюдая все меньше ограничений, ранее накладываемых культурой и обществом, все более основывая свое поведение на биологическом, остается ли человек человеком в онтологическом смысле? И в своей повседневной жизни стал ли такой массовый человек более укорененным в ней, не говоря уже о большем «градусе» счастья? Вопрос, пожалуй, риторический. Усилия по почти безграничному расширению границ социальной нормы привело к открытому бытованию ранее осуждаемых и скрываемых девиантных социальных практик. Не делает человека не только счастливым, но и просто довольным жизнью, ни приращение материального богатства, ни свобода девиантных личностных практик, ни отказ от религиозных и социокультурных традиций. Например, в США, согласно социологическим опросам, около 80% населения не ощущает довольства жизнью, а тем более счастья. А в Индии, доходы населения которой много ниже американских, картина повторяется с точностью до наоборот: 80% населения жизнью довольны и даже счастливы.

Это кажущееся противоречие, отсутствие корреляции между материальными условиями жизни и счастьем, можно объяснить довольно просто. В массе своей индийцы живут в своих исторических и социокультурных традициях, исповедуют традиционные религии, американцы эти традиции во многом потеряли.

Наша религиозные и социокультурные традиции сформировали ментальность, представление о мире, о добре и зле, должном и не должном у русского человека. И эти представления, переживая, естественно, некоторые исторически обусловленные трансформации, в какой-то мере живы и поныне. Да, за десятилетия советской власти произошло серьезное обмирщение этих представлений, и все же они по-прежнему отчасти определяют картину мира, мироощущение россиянина. Это наши представления о добре и зле, о праведном и неправедном, нормы, ценности, достаточно широкое распространение докапиталистических моделей поведения. Следование этим социокультурным традициям собственно и делает человека человеком, дает его желаемый, идеальный, вневременной, высший образ «по образу и подобию Божию»¹¹.

Предваряя более детальное изложение и анализ заявленной проблематики, отметим, что источником инноваций, динамики семейных отношений и форм организации семьи являются как внешние (экзогенные), так и внутренние (эндогенные) факторы. И наблюдаемый в период модернизации западных и незападных обществ перманентно ускоряющийся процесс цивилизационного, межкультурного, социального метаболизма вызывает все большую неопределенность, амбивалентность в состоянии социокультурных систем, открывая тем самым дорогу переменам, конкурирующей множественности инноваций. Семья как первичная социальная группа оказывается на острие этих макро- и микросоциальных трансформаций.

---

¹¹ См. Гавров С.Н., Никандров Н.Д. Образование в процессе социализации личности// Вестник УРАО, 2008, № 5 (43) С.24-25.

Глава I. Модернизация и семья

Параграф 1. Модернизация: основные определения и характеристики

Под модернизацией мы понимаем макропроцесс перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерна.

Сегодня понятие модернизации рассматривается преимущественно в трех различных значениях:

1) как внутреннее развитие стран Западной Европы и Северной Америки, относящееся к европейскому Новому времени;

2) догоняющая модернизация, которую практикуют страны, не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать;

3) процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), т.е. модернизация как некий перманентный процесс, осуществляющийся посредством проведения реформ и инноваций, что сегодня означает переход к постиндустриальному обществу.

Мы знаем, что культурная антропология возникла в процессе изучения традиционных, архаических форм сосуществования людей. Достаточно вспомнить работы классиков культурной антропологии А. Крёбера, Л. Уайта, М. Херсковица, Э. Тайлора.

В культурной антропологии эволюция множества традиционных локальных культур осуществлялась преимущественно в двух формах:

1) как линейно-стадиальная эволюция прогрессивного характера от относительно простых обществ ко все более сложным. Это понимание коррелирует с классическим пониманием модернизационных процессов. Эти взгляды в большей или меньшей степени разделяли в Англии – Г. Спенсер, Дж. Мак-Леннан, Дж. Лебок, Э. Тайлор, Дж. Фрезер; в Германии – А. Бастиан, Т. Вайц, Ю. Липперт; во Франции – Ш. Летурно; в США – Л.Г. Морган;

2) как многолинейное развитие различных типов культур. В последнем случае больший акцент делался на своеобразии модернизационных процессов и вариантов модерна, которые вследствие этого возникают. Модернизация рассматривается, скорее, как реализация разнообразных исторически обусловленных типов. Так, известный специалист в области модернизационных трансформаций Ш. Эйзенштадт полагает, что в настоящее время существует и развивается множество цивилизаций. Проблема состоит в том, что эти цивилизации, имея много сходных компонентов и постоянно находя

точки пересечения между собой, продолжают развиваться, рождая новые варианты различных аспектов модернизма, каждая из которых предлагает собственную программу культурного развития. Все это способствует диверсификации подходов к пониманию модернизма и к оценке культурных программ, выдвигаемых различными частями современных обществ.

Говоря о генеалогии самого слова «modern», немецкий философ Ю. Хабермас отметит, что оно впервые используется в Европе в конце V в. в целях разграничения получившего официальный статус христианского настоящего и языческого римского прошлого. В последующие эпохи содержание этого понятия менялось, но лишь эпоха Просвещения и затем романтизма наполнила его смыслом, соотносимым с современным. Модерным, современным с тех пор считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени.

В результате ускорения имманентного развития в период Нового времени в Европе сложилась особая цивилизация модерна, радикально отличающаяся от традиционного общества. Она возникла в Западной Европе благодаря формированию протестантской трудовой этики, рыночной экономики, бюрократии и правовой системы. В Западной Европе макропроцесс модернизации – перехода от традиционного (доиндустриального) общества к обществу модерна занял несколько столетий (промышленный переворот в Англии, укрепление буржуазии и обретение ею политической власти в результате английской 1640–1642 г., американской 1776 г. и Великой французской 1789 г. революций).

Обычно выделяют три периода модернизации: I период – конец XVIII – начало XX в.; II период – 20–60-е годы XX в.; III период – 70–90-е годы XX в. Ряд авторов, в частности Ю. Хабермас и Э. Гидденс, полагают, что эпоха модерна продолжается сегодня, как продолжается и процесс модернизации. Некоторые авторы полагают, что модерн (современность) не может быть завершен в принципе. Так, сенегальский социолог С. Амин утверждает, что «современность (modernity) незавершена, она открывает двери в неизведанное. Современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент его истории».

Генеалогически модерн восходит к западной цивилизации Нового времени, в различных регионах мира распространяются присущие ему институциональная среда и элементы ценностно-нормативной системы. Модернизация как процесс и модерн как ее

следствие, возникнув в западном мире, в XX в. стали распространяться в глобальном масштабе. Э. Гидденс полагает, что никакие иные, более традиционные, общественные формы не могут противостоять ей, сохраняя полную изолированность от глобальных тенденций. Является ли модернизм исключительно западным феноменом с точки зрения образа жизни, развитию которого способствуют эти две великие преобразующие силы? Прямой ответ на этот вопрос должен быть утвердительным¹².

Согласно мнению известного израильского социолога Ш. Айзенштадта, исторически модернизация есть процесс изменений, ведущих к двум типам социальных, экономических и политических систем, которые сложились в Западной Европе и Северной Америке в период между XVII и XIX вв. и распространились на другие страны и континенты¹³.

Современное общество включает в себя четыре базовых института: конкурентную демократию, рыночную экономику, государство всеобщего благоденствия и массовую коммуникацию. Рыночная экономика – основа автономного гражданского общества – преодолевает все границы и создает открытое общество. В отличие от столь подробно изученного в культурной антропологии традиционного общества общество модерна построено на принципах избирательного права; законности; универсализации прав граждан; институционализации социальных изменений; светской культуре и секуляризации общества; урбанизации; автономии подсистем; рационализации; доминировании рыночной экономики; бюрократизации; профессионализации; массовом распространении грамотности и средств массовой информации, росте социальной и профессиональной мобильности.

Общество модерна состоит из граждан, обладающих неотчуждаемыми правами: гражданскими, политическими и социальными. Научная революция XVII в. и технический прогресс привели к превращению членов местных общин в граждан «воображаемой общности» – национального государства.

Отличительными чертами модерна являются: в сфере политической – демократическое конституционное государство; в сфере государственного строительства – переход к национальному государству; в сферах науки и образования – формирование автономной науки; в экономической сфере – переход к капитализму.

---

¹² Гидденс Э. Последствия модернизации // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 119.

¹³ Изложено по: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С.173.

Согласно определению известного английского специалиста в области модернизационных трансформаций В. Мура, модернизация «является тотальной трансформацией традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для “продвинутых”, экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада»¹⁴.

Профессор социологии Мюнхенского университета У. Бек полагает, что модернизация ведет не только к образованию централизованной государственной власти, к концентрации капитала и все более утонченному переплетению разделений труда и рыночных отношений, к мобильности, массовому потреблению и т.д., но и – тут мы подходим к обобщенной модели – к тройной «индивидуализации»: освобождению от исторически заданных социальных форм и связей в смысле традиционных обстоятельств господства и обеспечения («аспект освобождения»), утрате традиционной стабильности с точки зрения действенного знания, веры и принятых норм («аспект разволшебствления») и – что как бы инвертирует смысл понятия – к новому виду социокультурной интеграции («аспект контроля и реинтеграции»)¹⁵.

Во втором значении под модернизацией понимают разнообразные процессы догоняющего развития в менее развитых или развивающихся обществах, модернизации как реакции на вызов западной цивилизации модерна, на который каждое общество дает или не дает ответ в соответствии со своими принципами, структурами и символами, заложенными в результате длительного развития. В этом значении термин «модернизация» относится к слаборазвитым обществам и описывает их усилия, направленные на то, чтобы догнать ведущие, наиболее развитые страны, которые сосуществуют с ними в одном историческом времени, в рамках единого глобального общества.

В этом случае понятие «модернизация» описывает движение от периферии к центру современного общества. Теории модернизации, неомодернизации и конвергенции оперирует термином «модернизация» именно в этом узком смысле. О различиях между досовременными (доиндустриальными) и современными обществами модерна писали Г. Спенсер, О. Конт, Г. Мэн, Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Э. Гидденс, Ш. Айзенштадт, С.Н. Гавров.

Наконец, в третьем значении модернизация понимается как процесс инновационных трансформаций наиболее развитых стран

---

¹⁴ Изложено по: *Кравченко И.И.* Модернизация сегодняшней России // Этатистские модели модернизации. М., 2002. С. 16–17.

¹⁵ *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000. С. 189.

Европы и Северной Америки, которые первыми начинали процесс модернизации и давно укоренились в модерне.

Модернизация как социокультурный макропроцесс имеет свое теоретическое обоснование. Его представляют теории модернизации, на становление которых оказали влияние эволюционизм, функционализм и диффузионизм. Основополагающий вклад в формирование научных концепций, объясняющих макропроцесс модернизации, т.е. перехода от традиционного к современному обществу, внесли О. Конт, Ч. Спенсер, К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Теннис, Ч. Кули, Г. Мейн. Теории модернизации в их классической форме получили научное и общественное признание в 50-е – середине 60-х годов XX в., когда широкую известность получили работы М. Леви, Э. Хагена, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Д. Лернера, Д. Аптера, Ш. Эйзенштадта, П. Бергера, У. Росту.

Среди исследований функционалистов следует отметить работы классика американской и мировой социологии Т. Парсонса, рассматривавшего процессы сегрегации импортируемого социокультурного опыта в странах, осуществляющих модернизацию. Т. Парсонс полагает, что в постоянных попытках подразделить импортируемый инокультурный опыт на приемлемый и неприемлемый проявляется тенденция к сохранению ценностей культуры «высшего уровня, открывая в то же время дорогу радикальным изменениям на следующем уровне ценностной спецификации, т.е. на уровне основных функциональных подсистем»¹⁶.

Эволюционисты, прежде всего Г. Спенсер (1820–1903) – английский философ, биолог, психолог и социолог, главный акцент в своих теоретических построениях делали на анализе того, как развиваются общества. Наиболее полно Г. Спенсер изложил свои взгляды на эволюцию общества в фундаментальной работе «Основы социологии». Он и его последователи обращали пристальное внимание на поступательность социальных изменений, прогрессивно-позитивные результаты эволюционного процесса, на эволюционный характер модернизационных процессов. Они полагали, что модернизационные трансформации однолинейны: менее развитые страны должны пройти по тому же пути, по которому уже прошли развитые страны модерна, изменения имеют постепенный, накопительный и мирный характер.

Они подчеркивали важность экзогенных, имманентных причин и описывали движущие силы изменений терминами «структурная» и

---

¹⁶ Парсонс Т. Очерк социальной системы // О социальных системах. М., 2002. С. 662.

«функциональная дифференциация», «адаптивное совершенствование» и аналогичными эволюционистскими понятиями. Профессор Ягеллонского университета в Кракове П. Штомпка отмечает, что с точки зрения эволюционистов – сторонников теории модернизации, она должна была принести всеобщее улучшение социальной жизни и условий человеческого существования. Модернизация и конвергенция рассматривались как необходимые, необратимые, эндогенные и благотворные процессы. Путь модернизационных трансформаций состоит из последовательных этапов-отрезков, или стадий, например, «традиционная – переходная – современная», «традиционная – стадия достижения предварительных условий для начала изменений – начало непрерывного роста – созревание – достижение уровня массового потребления»¹⁷.

Классические теории модернизации сосредоточили свое внимание на контрасте между «первым» и «третьим» мирами. Авторы, тяготеющие к классическим теориям модернизации, в целом сходились в следующем. Идеология прогресса, приобретая все более секулярное наполнение, в течение всего периода модерна определяла европоцентризм исторического процесса, предполагая движение различных народов по восходящей лестнице к рационализму и экономикоцентризму. Известный американский политолог Роберт Нисбет, обобщая взгляды классиков социально-политической мысли на прогресс, говорит о том, что в целом классическую концепцию можно рассматривать как идею постепенного освобождения человечества от страха и невежества, движения по пути ко все более высоким уровням цивилизации. В этом случае теории модернизации являются частным проявлением парадигмы прогресса¹⁸.

Диффузионисты (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер) трактовали процессы развития, а некоторые их последователи и процессы модернизации, как преимущественно диффузионные, а не эндогенно-эволюционные по своей природе. В отличие от трактовки модернизации как спонтанной тенденции, эволюции, саморазвивающейся «снизу», диффузионисты полагали, что он начинается и контролируется «сверху» интеллектуальной и политической элитой, которая стремится преодолеть отсталость своей страны с помощью планируемых, целенаправленных действий.

Диффузия выступает в качестве механизма модернизационных изменений. Взаимодействие между более развитыми,

---

¹⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 172.

¹⁸ Изложено по: Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М., 1998. С. 136.

модернизированными и менее развитыми, модернизирующимися обществами является решающим фактором модернизации. В трансформирующихся странах в качестве желаемой цели модернизации рассматриваются развитые страны западной цивилизации. Следовательно, модернизация – это не просто спонтанное развитие в прогрессивном направлении. В этом понимании модернизация представляет собой прямой и желательно более точный перенос инокультурных норм, ценностей, институтов, моделей труда и проведения досуга из стран референтной группы в свои собственные. Модернизация не является самоподдерживаемым, самопрогрессирующим процессом. Скорее, это импорт образцов, моделей и достижений развитых стран.

В контексте рассматриваемой нами проблематики наиболее важным представляется то, что модернизационные трансформации часто представляют собой имплантацию на национальную почву чужих культурных наработок. Во многом вследствие этого меняются нормы, ценности, модели поведения, труда и досуга, принятые в данном обществе. Меняется сама семья, ее социокультурные основания. И эти изменения представляют собой не только достижения и победы, связанные с «приобщением» к чему-то более цивилизованному и желанному. Эти перемены несут в себе неуверенность, разочарование, падение уровня демографического воспроизводства населения, проблему одиночества, наконец. Все это требует серьезного обсуждения, анализа, заинтересованной дискуссии.

Вопросы к параграфу

1. Дайте определение модернизации.
2. Каковы временные рамки модернизации и ее этапы.
3. Влияние на процессы модернизации и межкультурного взаимодействия.
4. Взгляды эволюционистов, диффузионистов и функционалистов на процессы модернизации.
5. Какие подпроцессы входят в макропроцесс модернизации?
6. Модернизация как процесс тройной «индивидуализации». Какие изменения места человека в обществе вообще, в том числе в браке и семье, видит профессор социологии Мюнхенского университета У. Бек?

7. Влияние модернизации на трансформацию института семьи безболезненно? Почему эти изменения вызывают бурные научные и общественные дискуссии?

Параграф 2. Семья как социокультурный феномен

Мы знаем, что семья представляет собой одну из наиболее древних форм социальной общности людей, более раннюю, чем государство и тем более нация. Именно семья стала первой социальной системой, основанной на естественном разделении труда между мужем и женой, родителями и детьми. Взгляд на семью как на древнейшую форму социальной общности людей, ее первичность в отношении более крупных социокультурных образований, в том числе государства, господствовал далеко не всегда. Так, еще Аристотель писал, что «первичным по природе является государство по сравнению с семьей и каждым из нас; ведь необходимо, чтобы целое предшествовало части»¹⁹.

Социальная значимость семьи несомненна, поскольку преимущественно в ее рамках происходит процесс воспроизводства человека, воспитание детей, их социализация и инкультурация, восприятие основ социокультурной традиции, адаптация к локальному (этническому) и национальному сообществу. В процессе исторического развития отношения семьи и общества, с одной стороны, и семьи и личности – с другой, систематически изменялись, прежде всего, в зависимости от характера господствующего в данном обществе способа производства и социокультурных традиций. Семья связана с другими сферами и сторонами общественной жизни весьма сложной системой связей, идет ли речь о воздействии общества на семейную группу и отдельные аспекты семейных отношений или же о воздействии семьи на общество.

Семья является системообразующей формой человеческой общности, первичной социальной группой общества, основанной на супружеском союзе и родственных связях, т.е. отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство на основе единого семейного бюджета. Так, известный английский социолог Ч. Кули следующим образом определяет первичную социальную группу. «Под первичными группами я подразумеваю группы, характеризующееся тесными, непосредственными связями (associations) и сотрудничеством. Они первичны в нескольких смыслах,

---

¹⁹ Изложено по: *Ямпольский М.* Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 440.

но главным образом из-за того, что являются фундаментом для формирования социальной природы и идеалов индивида»²⁰.

Но возникает вполне закономерный вопрос, насколько сама семья является частным делом человека, и в какой мере она сама выступает в качестве субъекта общественного воздействия, проводимой государством социокультурной политики? Семья считается частным делом в том смысле, что строго регулируется обычаями родства и брака и не рассматривается как предмет общего интереса... С точки зрения либерального государства семья является публичным институтом, в котором правила брака и развода определяются и регулируются политическими и правовыми нормами. Государство устанавливает налоговый и экономический статус семьи путем определения налогового статуса тех, кто считается ее членами. Не признавая браком однополые союзы, государство также отстаивает определенную концепцию семьи. Таким образом, раз семья рассматривается как институт современного государства, в ней нет ничего «частного»²¹.

А Г.Ф. Гегель, рассматривая, что же такое Истинный дух, нравственность (*Der wahre Geist, die Sittlichkeit*), полагает первенство интересов государства в отношении семьи: «Семья – накопительница сил для Государства, собственное действие которого – Война – отрицает Семью, так как убивает ее членов»²². В истории человечества мы постоянно видим воспроизводство отмеченного положения вещей, когда семья выступает создательницей жизни, наращивания витальности общества, умножения его членов, а «мегамашина» государства черпает из этого, как ей кажется, бездонного человеческого резервуара для осуществления своих проектов, войн, завоеваний, великих строек фараонов.

Жизнь семьи протекает как в материальной, так и духовной сферах, именно в ее рамках сменяются поколения людей, в ней человек рождается, именно в ней достигается основное биологическое и социокультурное воспроизводство человека и человечества. Семья, ее формы и функции напрямую зависят как от общественных

---

²⁰ См.: Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 328.

²¹ *Иноземцев В.Л.* Испытание культурой // Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. XLIV.

²² Изложено по: *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публикация Реймона Кено; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. С. 125.

отношений в целом, так и от достигнутого в то или иное время уровня социокультурного развития общества. Заметим, что более высокий уровень имманентной культуры общества и степень ее институализации предполагает и более высокий уровень культуры семьи.

Изучение семьи и брака является одной из приоритетных задач, которые могут быть решены при помощи социологии. Мы знаем, что главными концептуальными понятиями социологии семьи являются семья, родство и брак. Приведем классическое определение семьи и брака, представленное одним из крупнейших современных английских социологов Э. Гидденсом. Семья – это группа людей, связанных прямыми родственными отношениями, взрослые члены которой принимают на себя обязательства по уходу за детьми. Родство (родственные узы) – это отношения, возникающие при заключении брака либо являющиеся следствием кровной связи между лицами (отцы, матери, дети, бабушки, дедушки и т.д.). Брак можно определить как получивший признание и одобрение со стороны общества сексуальный союз двух взрослых лиц.

Но брак возможен не только между мужчиной и женщиной. Известный английский ученый Д.Д. Фрэзер в своей классической работе «Золотая ветвь: Исследование магии и религии» рассказывает о браке человека с деревьями. Если охраняемое им ценой жизни дерево служило воплощением Дианы (что представляется вероятным), жрец мог поклоняться ей не просто как богине, но и обнимать ее как супругу... Даже в эпоху Плиния один благородный римлянин именно так обращался с прекрасной березой в другой священной роще Дианы на Альбанских холмах. Он обнимал и целовал ее, лежал в ее тени и поливал вином ее ствол. Этот римлянин явно принимал дерево за богиню. Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах²³.

Индивиды, вступившие в брак, становятся родственниками друг другу, но их брачные обязательства связывают родственными узами гораздо более широкий круг людей. При заключении брака родители, братья, сестры и другие кровные родственники одной стороны становятся родственниками противоположной стороны²⁴.

---

²³ См.: Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. С. 16.

²⁴ Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 362.

Мы рассматриваем трансформацию семьи и динамику семейных отношений на фоне длящегося уже два с половиной тысячелетия исторического соперничества любви и брака как социальных институтов, в равной мере формирующих интимный союз мужчины и женщины. В первом случае основывающийся на эмоциях и персонифицированном сексуальном влечении (любовь), а во втором – преимущественно на совместном хозяйстве, воспитании детей и законодательных актах, регулирующих брачно-семейные отношения (брак).

Так, А. Шачар, известный социолог, занимающаяся преимущественно рассмотрением сходств и различий национального семейного права, отмечает, что разные религиозные (и национальные) сообщества традиционно используют регулирование браков и разводов таким же образом, как современное государство использует закон о гражданстве: чтобы четко установить, кто относится к коллективу и кто остается вне его. Такую разделительную функцию выполняет семейное право, обозначая в качестве легитимных в правовом отношении только определенные виды браков и рождений, одновременно относя все прочие к категории незаконных²⁵.

Это соперничество на протяжении всей истории сопровождалось противостоянием, борьбой с любовью как с чувством, лишь частично регулируемым социокультурной традицией, обычаями, государственной властью и официальной религией.

Мы полагаем, что эволюция семейных отношений во многом совпадает с процессом эмансипации любви и свободы приватной жизни людей, являясь частью длительного исторического процесса становления светской культуры. И речь в частности идет о завоевании принципиальной свободы личности и права на приватную жизнь, не подверженную непрерывному контролю со стороны семьи, общины, власти, церкви и т.п. Кроме того, мы считаем, что основой современного брака в ареале христианской/постхристианской цивилизации становятся не экономические или статусные, а эмоциональные характеристики межличностных отношений.

Для нас важно акцентировать внимание читателя на том обстоятельстве, что семья отнюдь не является раз и навсегда застывшей конструкцией, она, как и общество в целом, находится во власти перманентно ускоряющейся исторической и социокультурной динамики.

---

²⁵ Изложено по: Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ.; Под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. 150.

Например в современной Германии единство и постоянство понятий «семья», «брак», «родители», «мать», «отец» и т.д. замалчивает и маскирует растущее многообразие положений и обстоятельств, которые за всем этим кроются. Здесь и разведенные отцы, отцы отдельных детей, отцы-одиночки, внебрачные отцы, отцы-иностранцы, отчимы, отцы-безработные, отцы-«домохозяйки», отцы в совместно проживающих группах, отцы «по уикендам», отцы в семьях с работающими женами и т.д.²⁶. Иными словами, содержательное наполнение всех этих понятий не статично, оно меняется, и наиболее интенсивно эти изменения происходят в ареале христианской/постхристианской цивилизации.

Мы знаем, что изучение семьи и семейных отношений имеет достаточно длительную историю, ведь семья является одним из древнейших социальных институтов. Так, собрав и систематизировав формы родства у разных народов, классик американского эволюционизма Л.Г. Морган выделил следующие стадии развития семьи в истории человечества:

▼ кровнородственная семья – первая форма семьи, следующая за состоянием промискуитета и предполагающая брачные отношения между родными и оллатеральными (побочными, двоюродными) братьями и сестрами, но запрещающая браки между родителями и детьми;

▼ пуналуальная семья, основывающаяся на групповом браке нескольких сестер с общими мужьями или нескольких братьев с общими женами;

▼ парная, или синдиасмическая, семья («без исключительного сожителства»);

▼ патриархальная, т.е. полигамная, семья;

▼ моногамная семья современного вида.

Предложенная Л.Г. Морганом в книге «Древнее общество» классификация основывалась на большом количестве эмпирических данных, в том числе на родословных, которые он сам составлял в процессе полевых исследований. В этой классификации Л.Г. Морган выделяет несколько стадий социального развития, каждая из которых характеризуется наличием определенных социальных институтов. С его точки зрения, сохранившиеся сегодня малочисленные туземные общности представляют нам те же стадии развития, через которые много веков назад прошли цивилизованные народы Европы. Л.Г. Морган полагает, что из всех классифицированных форм семьи

---

²⁶ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 149–150.

наиболее устойчивыми и важными были первая, вторая и пятая и что именно они породили основные формы существующих ныне семейных отношений²⁷.

Ряд специалистов, работающих в области социологии семьи, выделяют четыре типа семейных отношений: традиционные; нетрадиционные; эгалитарные; матриархальные. Заметим, что профессиональная карьера обоих супругов способствует установлению в семье эгалитарных отношений.

Великий немецкий философ Г.Ф. Гегель выделяет три типа взаимоотношений внутри Семьи: между Мужчиной и Женщиной, Родителями и Дети́ми, Братом и Сестрой.

Первый лишен человечности: взаимное «признание» Мужчины и Женщины носит чисто природный характер (животная сексуальность). Людями их делают только воспитание ребенка и общий труд (семейное достояние).

Несовершенство взаимоотношений второго типа: отец испытывает *Rührung* /умиление/, видя, как развивается сознание ребенка, а ребенок видит, что получает свое «в себе» («натуру», «характер») от сознания исчезающего, и иного, нежели его собственное.

Третий тип: взаимоотношения Брата и Сестры. У них – одна и та же кровь, но они не вожделеют друг друга (во всяком случае, они превосходят Вождение, отрицают его, чем и объясняется подлинно человеческий характер их взаимоотношений). Сестра как таковая в высшей мере предвосхищает нравственное сознание: в лице сестры семейное существование достигает своей вершины, по сравнению с остальными членами семьи в ней меньше всего «природного»²⁸.

Мы знаем, что семейные отношения могут быть как преимущественно индивидуальными, так и групповыми, в том числе между родителями и детьми или между супружескими парами в патриархальных семьях. Под структурой семьи понимается совокупность отношений между ее членами, включая помимо отношений родства и систему духовных, нравственных отношений, в том числе отношений к власти, авторитета, семьи делятся на авторитарные (патриархальные) и демократические (эгалитарные). Сегодня эгалитарные семьи в большей или меньшей степени

---

²⁷ Морган Л.Г. Древнее общество. СПб.: Просвещение, 1903. С. 234–239.

²⁸ Изложено по: Кожев А. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публикация Реймона Кено; Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. С. 125.

нормативны для стран Европы, Северной Америки, вообще в ареале христианской/постхристианской цивилизации.

Сегодня существуют следующие общие принципы выделения типов семейной организации. В зависимости от формы брака различают моно- и полигамию. В моногамной семье на одного мужчину приходится одна жена, в отличие от полигамии, которая часто трактуется как многоженство. В зависимости от структуры родственных связей выделяют различные типы семей. Сегодня наиболее распространенным типом в ареале христианской/постхристианской цивилизации является простая (нуклеарная) семья, представляющая собой супружескую пару с детьми, не состоящими в браке.

Расширенную (сложную) структуру семья приобретает в случае, когда кто-то из детей вступает в брак. Она может включать в себя несколько поколений и нуклеарных семей, живущих вместе и ведущих общее хозяйство. Для типологии семей, в частности нуклеарных, важно наличие обоих супругов, образующих основу семьи. В зависимости от этого выделяют полную семью с обоими супругами и неполную, с отсутствием одного из них.

В результате многочисленных трансформаций, которые сегодня переживают семья и семейные отношения, постепенно «густеют джунгли родительских взаимоотношений: мои, твои, наши дети и связанные с этим различные урегулирования, щекотливые ситуации и конфликтные зоны для всех участников»²⁹.

Значительный интерес в рамках нашего дискурса представляет данная Э. Гидденсом систематизация форм семьи. Как нуклеарные семьи, так и сложные, по отношению к рассматриваемому индивиду могут подразделяться на родительские и репродуктивные семьи. К первому типу относится семья, в которой человек рождается, ко второму – семья, которую человек образует, став взрослым, и внутри которой воспитывается новое поколение детей. Когда супружеская пара переезжает к родителям жены, семья называется матрилокальной, в случае переезда к родителям мужа – патрилокальной³⁰.

Если о моногамии мы уже говорили, то отметим теперь и то, как Э. Гидденс понимает полигамные семейные отношения, которые он подразделяет на полиандрию и полигинию.

---

²⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 149.

³⁰ Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 364.

Итак, согласно Э. Гидденсу, существуют два типа полигамии: полигиния, при которой мужчина может состоять в браке одновременно более чем с одной женщиной, и менее распространенная полиандрия, при которой женщина может состоять одновременно в двух и более брачных союзах с разными мужчинами. Полиандрия порождает ситуацию, не встречающуюся при полигинии – биологический отец ребенка, как правило, неизвестен. Так, в южноиндийской культуре тодов мужья, видимо, не интересовались установлением биологического отцовства³¹.

Согласно традиционным представлениям, долгое время господствовавшим не только в европейской социологии и науке вообще, но и в сфере обыденного знания, семья складывается из двух гетеросексуальных партнеров – мужчины и женщины, которые выполняют как генетическую, так и социальную функции, связанные с рождением и воспитанием детей. Современные социокультурные трансформации и новые репродуктивные технологии вносят определенные изменения в эти традиционные представления³².

Социокультурные, в том числе и законодательные, изменения все чаще легализуют не только гетеросексуальные, но и гомосексуальные семейные союзы. А новые репродуктивные технологии создают такие нетрадиционные ситуации, при которых генетическая мать и мать, вынашивающая плод, могут быть различными людьми, так же как могут быть различны генетическая мать и «социальная» мать; кроме того, социальным родителем ребенка может быть лишь один человек или два человека одного пола³³.

Тем не менее представитель теории функционализма, классик европейской социологии Т. Парсонс полагает, что семейные, родственные структуры обладают значительной устойчивостью по отношению к географическим и темпоральным факторам. Во все времена существует табу на инцест: сексуальные отношения и брак, по крайней мере для огромного большинства населения, внутри ядерной семьи, а часто также и внутри более широких единиц родства, допускаются только между двумя супругами, а подобные отношения с другими членами семьи запрещены.

---

³¹ Там же.

³² Более подробно о теме использования новых биотехнологий и этических аспектах такого использования см., например: *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.

³³ *Летов О.В., Стронг К.* Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М.: РАН ИНИОН, 2000. С. 86.

Законы не обязательно требуют совпадения сексуальных отношений с брачными, но они никогда не исключают дискриминации в сексуальном отношении то одной, то другой стороны, вступившей в брак. «Всегда существуют различия в привилегиях на сексуальные отношения, и сексуальные отношения на стороне после вступления в брак, как правило, ограничиваются гораздо сильнее, чем до него, как в выборе партнеров, так и в условиях»³⁴.

Для семьи как первичной социальной группы людей характерен ряд выполняемых функций, а также воспроизводство и изменение собственной структуры и воспроизводство/изменение ролевого поведения своих членов. Мы знаем, что ролевое взаимодействие в семье представляет собой совокупность норм и образцов поведения одних членов семьи по отношению к другим. А некоторые авторы полагают, что подлинная социальная группа может существовать лишь в рамках семьи. Благодаря процессу массовой агрегации, подлинная группа продолжает существовать только в форме семьи; но и здесь мы уже можем различить дезинтегрирующую тенденцию, все больше ограничивающую эффективность семейной группы и определяющую ей место только в детстве или, скорее, только в младенчестве³⁵.

Можно предположить, что трудности в отношениях между мужчиной и женщиной обусловлены, в сущности, половыми различиями. Но это не так. Отношения между мужчиной и женщиной (между мужчинами и женщинами) – это прежде всего отношения между людьми. Все, что есть хорошего в отношениях между одним человеческим существом и другим, следует считать хорошим и в отношениях между мужчиной и женщиной, и все, что плохо в отношениях между людьми, является также плохим в отношениях между мужчиной и женщиной³⁶.

Важнейшими функциями семьи являются: репродуктивная, социализации и инкультурации (воспитания), рекреации (восстановления физических и интеллектуальных способностей человека) и хозяйственная функция, заключающаяся в потреблении и производстве. Сразу оговоримся, что рассмотрение семьи как

---

³⁴ Парсонс Т. Социальная система // О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 244–245.

³⁵ См.: Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания / Пер. с англ. А.П. Хомик. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 1998. С. 442.

³⁶ Фромм Э. Мужчина и женщина // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной; Сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 113.

производящей структуры относится преимущественно к доиндустриальному (аграрному) типу социальной организации.

Этими функциями возможности семьи не ограничиваются, существуют и более подробные, полные классификации возможных семейных функций:

✓ воспитательная (удовлетворяет индивидуальные потребности в отцовстве и материнстве, контактах с детьми, их воспитании, самореализации в детях);

✓ хозяйственно-бытовая (удовлетворяет материальные потребности членов семьи – в пище, крове и т.д.);

✓ эмоциональная (функция удовлетворения членами семьи потребностей в симпатии, уважении, признании, эмоциональной поддержке, психологической защите);

✓ функция духовного общения (удовлетворение потребностей в совместном проведении досуга, взаимном духовном обогащении);

✓ первичного социального контроля, первичной социализации и инкультурации (обеспечение выполнения социальных норм членами семьи, в особенности теми, кто в силу возраста, заболевания и т.д. не обладает в достаточной степени способностью самостоятельно строить свое поведение в полном соответствии с социокультурными нормами);

✓ сексуально-эротическая (удовлетворение сексуально-эротических потребностей членов семьи).

Но при любых определениях и степени дробности классификаций, более или менее полно охватывающих различные семейные функции, совершенно аксиоматичным остается тот факт, что никакое общество не может существовать, не создавая особый механизм, обеспечивающий непрерывную замену выбывающих членов общества другими, рождающимися. Семья как социообразующий институт выполняла эту функцию по физическому и отчасти культурному воспроизводству новых членов общества, репродуцируя человека, обеспечивая преемственность поколений благодаря достаточно длительному процессу, известному как инкультурация и социализация подрастающего поколения.

И именно семья имеет первостепенное значение для предсознательной и надличностной психологии ребенка. Очевидно, что именно на семье лежит ответственность за воспитание у детей способности к адекватному социальному общению, поскольку именно в рамках семьи происходит первичная социализация и инкультурация ребенка, а следовательно, и формирование личности.

Человек живет в обществе, и поэтому социальная интегрированность является чрезвычайно важным фактором его

социального успеха или поражения, что определяет качество всей его жизни. Индивиду необходимо определенное умение приспособливаться к обществу, иначе велика вероятность возникновения и развития устойчивой неспособности к адекватному социальному общению с окружающими, что постепенно ведет к изоляции, мизантропии и одиночеству. Индивидуальное развитие каждого человека начинается с его постепенной адаптации и интеграции в окружающий мир.

Мы знаем, что ребенок рождается в группе людей, среди которых уже определены практически все общие типы ситуаций, которые возникали ранее и с большой долей вероятности возникнут в будущем, развиты соответствующие этим ситуациям правила поведения. Именно в процессе социализации и инкультурации ребенок сталкивается с репрессивными механизмами культуры и социума, поэтому ему крайне сложно давать свои определения бесчисленным артефактам окружающей природной и социокультурной реальности и в полной мере следовать многообразию своих спонтанных желаний.

В рамках нашего дискурса важно отметить, что социум непосредственно и опосредованно делегирует семье эту репрессивную функцию, которая может простирается от словесного увещания с элементами диалога и объяснения до прямого физического насилия³⁷, которое в некоторых случаях приводит к гибели ребенка. Семья представляет собой государство в миниатюре, в котором ребенок должен научиться приспособливаться к социальным условиям. Необходимо осознавать, что структура личности в основном формируется путем погружения сексуальных запретов и страхов в живую субстанцию сексуальных импульсов³⁸.

Традиционно считается, что семья является базовой социальной единицей и первичным посредником, через которого как данное локальное сообщество, так и общество в целом определяют поведение человека. Репрессированные культурой и социумом родители имеют устоявшуюся картину мира, «свое», т.е. внушенное обществом представление о должном и недолжном, поэтому как только ребенок овладевает свободой движений, родители и/или другие родственники начинают определять, маркировать многообразие возникающих жизненных ситуаций посредством вербальной характеристики и других элементов оценки и давления.

---

³⁷ «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его». См.: Притчи 13, 24.

³⁸ Изложено по: Райх В. Психология масс и фашизм / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб: Университетская книга; М.: АСТ, 1997. С. 55–56.

Как сами желания ребенка, так и его деятельность начинают сегрегироваться, конвенциональное (нормативное) в рамках данного социокультурного сообщества поощряется, а ненормативное репрессируется. В результате многоступенчатой системы репрессий и поощрений, в которую входят семьи, сверстники, локальное сообщество, продуцируемый общественными институтами поток печатной и аудиовизуальной информации, формальные наставления и неформальные знаки одобрения и порицания, растущий член общества усваивает его формальные и неформальные нормы, ценности, модели поведения.

С раннего детства человек усваивает принятые модели поведения, нормы и ценности, причем этот процесс продолжается до тех пор, пока не будет достигнут должный (типичный для данного общества) уровень адекватности и автоматизма не только действий, но и психических реакций на раздражители окружающего мира.

В определенной мере человек «воспроизводит» своих родителей, принятые ими нормы, ценности, модели поведения, и это наследование было достаточно типично в рамках традиционной семьи, существовавшей и воспроизводившейся в рамках доиндустриального типа социальной организации.

Так, великий мыслитель древности Гермес Трисмегист в дошедших до нас отрывках из своей книги «Афродита» задается вопросом о том, почему потомство либо похоже на своих родителей, либо в нем проявляются семейные черты? «Когда в момент вспенивания возвращающейся обратно крови происходит рождение потомка, случается так, что из всего тела и из его членов исходит некая сущность, соответствующая божественной энергии, поскольку возникает тот же самый человек, и, вероятно, то же самое случается с женщиной.

Итак, когда то, что истекло из мужа, преобладает и остается неприкосновенным, потомок рождается похожим на отца, а когда происходит обратное, он похож на мать. И если возникло превосходство какой-либо части тела, то ей уподобится соответствующая часть. Случается, что и в течение многих поколений потомство воспроизводит облик прародителя, если тот занимает положение декана в тот час, когда его жена зачала»³⁹. Это очень древнее толкование, мы привели его как одно из первых в истории человечества, естественно, среди тех, что дошли до наших дней.

---

³⁹ Высокий герметизм / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 327.

Сегодня мы знаем, что ребенок входит в социум и усваивает свойственную ему культуру путем получения необходимого для этого массива знаний, норм, ценностей, образцов и навыков поведения. На выходе процессов социализации и инкультурации как локальное сообщество, так и общество в целом получает человека, адаптированного к существующим в них условиям жизни. Этот процесс отнюдь не одномоментен, и основная причина его длительности заключается в том, что общественное поведение человека не запрограммировано природой. Представитель каждого нового поколения вынужден заново обучаться тому, как понимать окружающий мир, в какой форме и с каким знаком реагировать на его многообразные проявления.

Содержательно понятия инкультурации и социализации в определенной мере пересекаются, поскольку оба подразумевают усвоение людьми культурных форм-паттернов того общества, в котором они живут. Под культурными формами-паттернами обычно понимают устойчивые совокупности технологий мышления, поведения, взаимодействия, последовательности действий, построения суждений, различные культурные формулы и символы, отражающие определенные представления о реальности.

Так же, как и в социальной культуре общества, где культурные формы играют роль кирпичиков, заключающих в себе основное функциональное и семантическое содержание культуры, из которых складываются постройки культурных систем, и в культуре личности ее ментальность (а по существу, все те же культурные нормы, формы, паттерны, только усвоенные до автоматизма воспроизводства и реализуемые в индивидуально-вариативном – чаще всего в повседневном виде) являются такими же кирпичиками, из которых складывается личностная социальная и культурная система каждого индивида в его обыденном социальном поведении.

Получая в повседневной практике информацию о самых разных сторонах общественной жизни, человек формируется как личность, социально и культурно адекватная обществу. Таким образом, под социализацией понимается адаптация индивида к социальной среде, усвоение им норм, ценностей, моделей поведения, свойственных обществу, в котором он живет.

Родители – за редкими исключениями – не только применяют шаблоны воспитания, принятые в их обществе, но и собственной личностью представляют социальный характер своего общества или класса. Они передают ребенку то, что можно назвать психологической

атмосферой, духом общества; передают уже одним тем, что они таковы, каковы они есть, они – представители этого духа. Таким образом, семью можно считать психологическим агентом общества⁴⁰.

В процессе усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей происходит превращение человека в социального индивида, и семья играет в этом не меньшую роль, чем макросоциальные институты, семья играет культуротворческую роль.

Мы полагаем, что семья должна рассматриваться не только как первичная социально-хозяйственная ячейка общества, но в первую очередь как субкультурная система, ибо обладает определенной спецификой жизненного уклада, образа жизни, оценочных и интерпретативных установок по любым вопросам. Именно в семье происходит первичная социализация и инкультурация следующего поколения, и поэтому семья играет роль, не уступающую по значимости школе и вузам.

В отличие от социализации инкультурация представляет собой обучение человека традициям, нормам, ценностям, моделям стереотипного поведения, принятыми в данной культуре. Обычно выделяют две основные стадии инкультурации – начальную (первичную), охватывающую периоды детства и юности, и взрослую (вторичную), охватывающую период зрелости.

Известный французский социолог П. Бурдьё отмечает, что люди часто придают непропорционально большое значение раннему опыту, тому, что мы обозначили как первичная стадия социализации/инкультурации. Проявляется инерционный эффект, для которого характерна пролонгация стереотипизированного поведения людей, пытающихся использовать адаптационные модели поведения, которые были достаточно эффективны в прошлом, но потеряли свою эффективность в новых условиях развития общества и культуры.

Первичная стадия этого процесса начинается с рождения ребенка и продолжается до окончания подросткового возраста. Она представляет собой процесс воспитания и обучения детей. Т. Парсонс замечает, что со времени еще дочеловеческих стадий развития сохранился очень важный эталон – возложение почти всего ухода за ребенком в самом раннем его возрасте на мать. Это обстоятельство, а также неспособность женщины к работе в период беременности и то, что способы кормления грудных детей, лишившихся материнского

---

⁴⁰ Егорова И.В. Философская антропология Эриха Фромма. М.: ИФРАН, 2002. С. 40–41.

питания, распространились только в самое последнее время, лежит в основе дифференциации ролей, связанных с полом⁴¹.

В период раннего детства человек усваивает важнейшие начальные элементы культуры. По мнению известного американского культурного антрополога М. Херсковица, ребенок хотя и не является пассивным субъектом инкультурации, но выступает здесь скорее как объект, нежели как взаимовлияющий субъект.

Мы знаем, что феномен детства рассматривается преимущественно в рамках субдисциплин (социология семьи, образования, здоровья и т.п.). При этом доминирующая в социальных науках модель социализации акцентирует роль внешних факторов, приобщающих детей к миру взрослых (семья, школа, макросоциальные структуры), тогда как собственно дети – в качестве самостоятельных и самодостаточных «единиц бытия» – практически не принимаются в расчет. В итоге детство неизбежно рассматривается как явление со знаком минус – недостаточная компетентность, незрелость, отсутствие навыков, необходимых в мире взрослых.

В социальных науках сложился стереотип толкования детства как стадии «становления взрослым» – безотносительно к социальной значимости и качественной специфике этой области социального бытия как таковой⁴². Взрослые, применяя систему наказаний и поощрения, ограничивают его возможность выбора или оценки. Кроме того, дети не способны к сознательной оценке норм и правил поведения, они усваивают их некритично, дети вынуждены выполнять правила того мира, в котором они живут, и эти правила становятся правилами преимущественно в рамках семьи, усваиваясь в процессе повседневного общения с родителями и другими родственниками.

Но в то же время сегодня отношения между родителями и детьми в процессе первичной социализации и инкультурации – это, при всех возможных оговорках, объектно-объектные отношения. Ребенок воспринимается теперь как личность, обладающая статусом, определенной направленностью действий, совокупностью потребностей и различий, т.е. «как социальный актер... этот новый феномен – “ребенок как бытие“ – может и должен пониматься, исходя

---

⁴¹ Парсонс Т. Социальная система // О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 246.

⁴² Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: Новые направления социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2002. № 3. С. 106.

из него самого; к нему не следует подходить с заранее заготовленными представлениями о недостатке компетентности, рациональности или значения»⁴³.

В контексте нашего дискурса важным представляется способность детей к критическому отношению по отношению к сугубо рационалистическому взгляду на разум, предполагающему существование единственной идеальной формы разума – рационалистического *logistikona* платоновско-аристотелевской традиции, в интерпретации современной европейской философии.

Западный разум симметричен социополитике патриархального индоевропейского класса воинов, основанной на доминировании с помощью разделения и исключения. В подобной политике женщины, дети и подчиненные социальные группы считаются носителями иррационализма, похотливости, моральной порочности и чрезмерной эмоциональности⁴⁴. Иными словами, каждое новое поколение воспроизводит и интерпретирует актуальную часть социокультурной традиции, привнося в нее инновационные элементы.

Первичная семейная социализация и инкультурация способствуют сохранению и воспроизводству национальной социокультурной традиции, поскольку этот процесс заключается в воспроизводстве наличных социокультурных образцов. Таким образом, именно начальный этап социализации/инкультурации индивида происходящий, как правило, в рамках семьи, является наиболее важным для адаптации человека к окружающему миру.

Тем не менее следует помнить, что в истории человеческой мысли и социокультурной практике семью далеко не всегда рассматривали как предпочтительное, или просто приемлемое место для воспитания (социализации и инкультурации) подрастающего поколения. Здесь можно вспомнить социокультурную практику греческой Спарты в воспитании спартанцев, утопические работы социалистов/коммунистов и многое другое. Иными словами, попытки оторвать человека от семьи, свести ее роль в процессе социализации и

---

⁴³ Холлоуэй С., Валентайн Дж. Пространство и детство: Новые направления социальных исследований // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11, Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН, Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2002. № 3. С. 106.

⁴⁴ Кеннеди Д. Философия для детей и реконструкция философии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.3, Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М., 2001. №4. С. 122.

инкультурации человека к минимуму, переложить всю ее тяжесть на государственные институты, фаланги, серии имеет древнюю историю.

Свидетельства тому вполне многочисленны и репрезентативны, но мы приведем лишь небольшой отрывок из работы Ш. Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб». Итак, в семейном быту дети «заняты лишь тем, что режут, ломают, ссорятся и отказываются от всякой работы, и что те же дети, будучи введены в прогрессивные серии, или серии групп, заняты там только производительным трудом, без всякого внешнего побуждения соперничают в соревновании, что они вполне по собственному своему желанию обучаются земледельческим работам, промышленному труду, наукам и искусствам; что они создают продукцию и дают доходы, в то же время полагая, что развлекаются. Когда отцы увидят этот новый порядок, они найдут, что их дети достойны обожания в сериях и отвратительны в бессвязных семьях»⁴⁵.

В послереволюционной Советской России 20-х годов прошлого века жена одного из большевистских лидеров Зиновьева, служащая Наркомпроса Злата Лилина, утверждала, что детям пойдет только на пользу, если их отнять у родителей. Не является ли родительская любовь в большей своей части любовью, идущей во вред ребенку?.. Семья индивидуальна и эгоистична, и дитя, воспитываемое ею, по большей части антисоциально, преисполнено эгоистических стремлений... Дело воспитания детей не частное дело родителей, а дело общественное. На советской Украине, пошедшей в этом направлении еще дальше, планировалось детей в возрасте 4 лет отнимать у родителей и помещать в интернаты, где бы им прививалась любовь к социалистическим идеалам. Подобным намерениям не суждено было сбыться из-за нехватки средств и персонала⁴⁶.

Мнение З. Лилиной было далеко не единичным; в определенной мере выражало главенствующую линию, которую отстаивало большинство партийного и советского руководства постреволюционного государства. Так, в резолюции по социальному воспитанию детей партийного совещания по вопросам народного просвещения, принятой в 1920 г. социальной комиссией ВЦСПС отдельным пунктом, признается прогрессирующий процесс распада семьи. В резолюции утверждалось, что «формой, наиболее

---

⁴⁵ Фурье Ш. Теория четырех движений и всеобщих судеб // Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. Ред. А.И. Володина. М.: Политиздат, 1982. С. 255.

⁴⁶ Пайнс Р. Россия при большевиках / Пер. с англ. Н.И. Кигаи, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1997. С. 398.

отвечающей цели социального воспитания детей, должен быть теперь признан Детский дом, который охватывает полностью жизнь, воспитание и обучение ребенка в обстановке детской, общественной, без разлагающего влияния индивидуалистической семьи»⁴⁷.

Тем не менее с развитием модернизационных процессов проективная и достижительная личность постепенно вытесняет на социальную периферию, в маргинальную область индивида, поведение и принятия решений которого в основном определяется системой внешнего контроля. Личность, обладающая значимым самоконтролем, характерна для общества модерна, человек, для которого естественно принимать решения под влиянием преимущественно внешнего источника контроля, обычен в традиционном обществе, в том числе и советском, как переходной формы к обществу модерна. Самоконтроль, готовность ввести свое поведение в рациональные, законные рамки – необходимое условие функционирования и воспроизводства гражданского общества.

Но более подробно говорить об этой проблематике мы будем в наших следующих параграфах, а сейчас вернемся к некоторым особенностям семьи как социокультурного феномена.

Мы полагаем, что с социологической точки зрения основной интерес представляет не физический возраст индивида, а восприятие социально конструируемых категорий возраста: «молодой», «человек среднего возраста», «пожилой» и т.д. Так, в модели социального психолога Э. Эриксона жизненный цикл человека состоит из восьми стадий. На каждой стадии в жизни индивида возникает специфический кризис, а переход от одной стадии к другой происходит в результате преодоления этого кризиса. Первые четыре стадии приходятся на детство.

Пятая стадия – юность – связана с выбором профессии, поиском подходящей работы, выбором спутника жизни. На шестой стадии (начало взрослого периода) основное значение приобретают ухаживание и брак. Дальнейшее развитие индивида определяет разрешение конфликта между интимностью и одиночеством. На седьмой стадии (средний возраст) человек осваивает определенную деятельность и родительские функции, а на восьмой стадии (старость) подводит итоги своей жизни, переосмысливает и переоценивает ее основные события⁴⁸.

---

⁴⁷ Изложено по: *Киселева Т.Г.* Женский образ в социокультурной рефлексии: Монография. – М.: МГУКИ, 2002. С. 180.

⁴⁸ Изложено по: *Смелзер Н.* Социология: Пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 110–111.

Представим также классификацию жизненных циклов человека, предложенную А. ван Геннепом. Человек в своей жизни последовательно проходит некие этапы, и окончание одного этапа и начало другого образуют системы единого порядка. Таковыми являются: рождение, достижение социальной зрелости, брак, отцовство, повышение общественного положения, профессиональная специализация, смерть⁴⁹.

Так, известный американский социолог М. Цейтлин утверждает, что классы «конституируются свободными браками» представителей семей, занимающих различное положение в системе общественного производства и отношений собственности, но имеющих сходные экономические возможности, социальные интересы и обладающих определенной «психологической совместимостью». В то же время О. Конт полагал, что семья занимает скорее промежуточное положение между обществом и индивидом. Между обществом и индивидом находится семья, которая представляет собой «истинное единство» в отличие от самого общества, которое выступает как «внешняя», принудительная сила⁵⁰.

Рассматривая семью как социоконструирующую микросоциальную группу, следует учитывать, что в своем темпоральном и социокультурном развитии семья проходит несколько этапов, из которых складывается ее жизненный цикл.

Выделяется различное число фаз этого цикла. Это образование семьи – вступление в первый брак; начало деторождения – рождение первого ребенка; окончание деторождения – рождение последнего ребенка; «пустое гнездо» – вступление в брак и выделение из семьи последнего ребенка; прекращение существования семьи – смерть одного из супругов.

Жизненный цикл также называют моделью развития семьи, которая исследуется по шкале возраста супругов (или одного из них). Жизненный цикл семьи раньше начинается в Индии (средний возраст женщины при этом 14,6 лет), так же как и кончается. Пример США показывает зависимость развитости общества и увеличения жизненного цикла семьи.

---

⁴⁹ Изложено по: Хренов Н.А. Культура в эпоху социального хаоса. М: Едиториал УРСС, 2002. С. 119.

⁵⁰ См.: История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. С. 67.

С точки зрения потребления товаров и услуг, что относится к потребительской функции семьи, в ее жизненном цикле выделяют четыре основных этапа жизни.

✓ Этап I – этап холостой жизни. На этом этапе человеку свойствен повышенный интерес к моде, приобретению мебели, автомобилей, путешествиям как по территории страны, так и за ее пределами.

✓ Этап II – молодожены без детей, начальная фаза существования семьи. Возрастает интенсивность приобретений, в том числе и в кредит, что в полной мере относится и к товарам длительного пользования.

✓ Этап III – условно обозначаемый как «полное гнездо». На этом этапе появление детей ведет к росту расходов, когда приобретаются товары длительного пользования и товары для детей. Несмотря на ухудшение финансового положения в связи с многочисленными крупными тратами семья приобретает жилье (как правило, в рассрочку). По мере роста благосостояния приобретается все больше товаров, которые не являются предметами первой необходимости.

✓ Этап IV – условно обозначаемый как «пустое гнездо». Дети выросли и живут отдельно. Но пока глава семьи работает, большинство семей довольны своим финансовым положением. Растет интерес к путешествиям, покупкам предметов роскоши. Однако после выхода на пенсию доходы семьи резко падают. С увеличением возраста членов семьи экспонентно растет спрос на медицинские товары и услуги⁵¹.

Теперь несколько слов о других функциях семьи. Хозяйственно-потребительская функция семьи охватывает различные аспекты семейных отношений. Это ведение домашнего хозяйства, соблюдение домашнего бюджета, управление семьей, проблема женского труда... Более подробно мы рассмотрим эту важную функцию семьи в рамках третьей главы нашего исследования, где речь пойдет об особенностях семейного хозяйства в России.

Рассмотрев основные представления, связанные с понятием семьи и семейных отношений, мы можем перейти к вопросу об их эволюции в историческом и социокультурном контексте с учетом культурно-цивилизационной специфики.

Подчеркнем при этом, что исторические, политические, социологические и экономические аспекты данной проблемы будут интересовать нас преимущественно в контексте иллюстрирования,

---

⁵¹ Котлер Ф. Основы маркетинга: Пер. с англ. М.: Бизнес-книга, 1995. С. 156.

пояснения и дополнения психолого-педагогического, социологического и философско-культурного ракурса трансформации семьи и семейных отношений как части длительного исторического мегапроцесса по освобождению человека из природного и социального окружения, преобладания интересов формирующейся личности над интересами общества в любых его проявлениях. Такова общая схема; как эта схема проявляется в истории, мы рассмотрим в наших следующих параграфах.

Вопросы к параграфу

1. Охарактеризуйте основные этапы жизненного цикла семьи.
2. Какова роль семьи в социализации и инкультурации человека?
3. Охарактеризуйте роль семьи как первичной социальной группы.
4. Какова роль аграрного труда в сохранении и воспроизводстве большой патриархальной семьи.
5. На прошлое или будущее, на детей или предков ориентируется патриархальная семья?
6. Где, в каких регионах мира, на Западе или Востоке раньше начинается жизненный цикл семьи?
7. Перечислите основные функции семьи

Глава II. Трансформация семейных отношений в рамках христианской/постхристианской цивилизации

Параграф 1. Семья в эпоху преמודерна

Экономическую основу общества преמודерна, т.е. традиционного (доиндустриального) общества, составляют охота, собирательство, земледелие, рыболовство, то есть использование того, что может дать кормящая и вмещающая человека биосфера. Хозяйственная деятельность в рамках доиндустриального общества находится под определяющим воздействием/влиянием социокультурной традиции, зависит от следования обычаям и традициям и от природного плодородия почв, пригодных к использованию при примитивном техническом/технологическом

оснащении, окружающим человека животным и растительным миром, климатическими условиями. Само хозяйство может базироваться на охоте и собирательстве, земледелии и рыболовстве, реже на добыче полезных ископаемых и примитивном лесном хозяйстве.

Человек традиционного общества сохраняет единство с природой, задающей и обуславливающей технологии личностного и группового выживания и экономической активности. Человек традиционного общества подчиняет свою экономическую и, отчасти, социальную активность циклическим процессам, прежде всего связанным со сменой времен года. Земля является главной экономической ценностью, определяющей социальную стратификацию общества. Основу экономической системы составляют производство и потребление в рамках домохозяйств, товарно-денежные отношения не получают значительного развития, существуя в значительной мере на периферии экономической системы.

Жизнь этого общества, в том числе и экономическая активность его членов, определяется циклическими природными процессами, такими, как смена времен года, приливы и отливы в приморских регионах и т.д. При переходе от присваивающей экономики собирательства к производящей экономике сельского хозяйства главной ценностью для людей становится пригодная для использования земля. Средневековое время было прежде всего временем аграрным. В мире, где самым главным была земля, с которой жило – богато или бедно – почти все общество, первым хронологическим ориентиром был аграрный⁵². С течением времени владение землей определяет способ социальной стратификации. Тяжелые условия ручного труда требуют относительно большего числа работников, широко распространен семейный труд.

В доиндустриальном обществе эндогенный фактор перемен доминирует над экзогенным, последний выполняет часто лишь дополнительную, компенсаторную роль. Абсолютное доминирование социокультурной традиции радикально замедляет интенсивность происходящих в социуме процессов. Социокультурная традиция легитимизирует примат коллектива (общины) над личностью, для традиционного общества характерно отсутствие демократии, кроме некоторых низовых народных форм.

Пассивность общества и личности сопровождается отношениями подданства, временной ориентацией на «сегодня», т.е. жизнь

---

⁵² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 167.

сегодняшним днем, невозможность работать ради «отложенного спроса», воспроизводство традиций: «что всегда было, то всегда будет», господство мировоззрения над технологией. В рамках традиционного общества традиция «как броня» прикрывала индивида, освобождая его от многочисленных ситуаций личностного выбора и ответственности за него. В отсутствие (или при ослабленной) традиции человеку требуется уже иной уровень ощущения своей личностной ценности и самодостаточности, чтобы самому сделать все необходимые выборы⁵³.

Мы знаем, что для общества доиндустриального типа социальной организации характерен особый тип социальности («Gemeinschaft»), основывающийся на особом способе разделения труда, приводящем к механическому типу социальной солидарности. Механическая солидарность характеризуется сходством индивидов, одинаковостью их отношений к обществу. Индивидуальное сознание подчиняется коллективному, люди уподобляются «социальным молекулам». Такой человек максимально несвободен, хотя и не осознает, как правило, своей несвободы, «я» ищет и находит растворения в «мы».

Солидарность, вытекающая из сходств, достигает своего максимума тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю. Но человек тем более свободен как личность, чем меньше эта область совпадения общественного сознания совпадает с сознанием отдельного индивида.

Чем обширнее эта область, тем сильнее связь, вытекающая из этой солидарности. Действительно, с одной стороны, каждый тем теснее зависит от общества, чем более разделен труд, а с другой – деятельность каждого тем личностнее, чем она более специализирована... Здесь индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей; общество становится способнее двигаться согласованно, в то время как каждый из его элементов производит больше собственных движений⁵⁴.

Организация общества на началах органической солидарности «Gesellschaft» характерна уже для эпохи модерности.

Важным в понимании того, как функционирует общество доиндустриального типа социальной организации, является понимание

---

⁵³ Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. М.: Академический Проект, 2000. С. 130.

⁵⁴ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 138.

того, что им соответствуют ориентированные на предков и традиции постфигуративные культуры. Постфигуративная культура – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деда, держа на руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей.

Для того чтобы сохранить такую культуру, старики были нужны, и не только для того, чтобы иногда вести группы людей на новые места в периоды голода, но и для того, чтобы служить законченным образцом жизни, как она есть. «Ответы на вопросы: Кто я? Какова суть моей жизни как представителя моей культуры? Как я должен говорить, двигаться, есть, спать, любить, зарабатывать на жизнь, встречать смерть?» – считаются предрешенными.

И эта предрешенность определяла функционирование и воспроизводство, повседневную жизнь человека и общества в целом, включая его различные подсистемы, микро- и макросоциальные группы, в том числе и семью. Иными словами, патриархальная семья отличалась огромной устойчивостью, воспроизводясь без видимых (существенных) изменений из поколения в поколение. Человек, живущий в обществе доиндустриального типа социальной организации, не мог себе представить иного положения не только для себя, но и для многих, если не для всех, существ его окружающих, тех, кем он сам себя окружил в сказках, сказаниях, поверьях...

Например, болотные черти живут семьями: имеют жен, плодятся и множатся, сохраняя свой род на бесконечные времена. С их детьми, бойкими и шустрыми чертенятами (хохликами), такими же черными (в отличие от немецких красненьких), мохнатыми и в шерсти, с двумя острыми рогами на макушке головы и длинным хвостом, не только встречались деревенские русские люди, но и входили с ними в разнообразные сношения⁵⁵.

Так воспринимал устройство окружающего его мира еще в середине XIX века русский крестьянин. Сравним, как охарактеризовал образ жизни и семейные отношения других мифологических существ – циклопов за несколько тысячелетий до этого Гомер: «Нет между ними ни соборщ народных, ни общих советов; В темных пещерах они иль на горных вершинах высоких Вольно живут; **над женой и детьми**

---

⁵⁵ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила // Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила. Смоленск: Русич, 1995. С. 248.

безотчетно там каждый Властвует»⁵⁶. Характерно, что циклопы властвуют в своих семьях, животные также имеют подобие семей. Мы видим, что начиная со времени Гомера ничего не меняется, патриархальная семья воспроизводится в своих привычных формах, власть мужа-циклопа абсолютна и безраздельна.

Мы видим, что человек в рамках общества доиндустриального типа социальной организации воспринимает семью как высшую ценность, он готов служить ей, готов жертвовать во имя ее благополучия, сохранения и воспроизводства своим временем, силами, здоровьем, а иногда и жизнью. Мы знаем, что инстинкт самосохранения у членов кровнородственной группы/семьи часто принимал/принимает форму не страха за себя, а страха за «другого».

В социобиологии есть специальный термин, определяющий аналогичное поведение – «непотизм». У человека, как природного существа, существует генетическая предрасположенность к родственному отбору, ориентация на кровнородственную группу/семью, а не на собственную личность.

Объяснение подобного альтруистического поведения заключается в следующем: человек может принести себя в жертву для защиты группы, с членами которой он осознает свою общность, при этом человек, защищающий интересы кровнородственной группы/семьи, теряет возможность передать свои гены следующему поколению «напрямую», но резко возрастает возможность косвенной передачи генов через спасенных, защищенных членов группы. Именно из этого «первобытного», первоначального непотизма в процессе исторического развития человечества возникли его более сложные формы, в том числе гуманизм, распространяющийся сегодня на биосферу планеты, различные виды живых существ.

Альтруистическое поведение достаточно длительное время поддерживалось эволюционно, в процессе естественного отбора, поскольку делало человеческую общность более устойчивой к различным испытаниям, давая ей тем самым эволюционное преимущество перед теми человеческими группами, где альтруистическое поведение отсутствует. Согласно социобиологическим представлениям, неальтруистичные человеческие группы, состоящие из одних эгоистов, длительное время существовать не могут.

---

⁵⁶ Изложено по: Ямлюцкий М. Физиология символического. Книга 1. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 440.

Говоря о системе эгоистических приоритетов уместно вспомнить знаменитую сентенцию, в которой герой Ф.М. Достоевского выразил квинтэссенцию подобного отношения к жизни: миру провалиться или мне чаю не пить. Человек в процессе истории часто выбирал и выбирает личные интересы, причем этот процесс приобретает экспоненциальный характер, что в определенной степени отличает современное человечество.

Традиционная семья основывалась именно на непотических инстинктах, когда ее интересы, как правило, рассматривались человеком как доминантные в отношении личных интересов, более того, интересы семьи зачастую и являлись выражением этих личных интересов.

Отметим, что непотическое поведение человека в рамках патриархальной семьи является одним из знаковых фамилистических феноменов. Заметим, что термин «фамилистический» произведен от латинского familia – семья, являясь синонимом всего семейного. Иногда фамилистикой называют комплекс наук о семье. Термин «фамилизм» употребляется для характеристики просемейных систем ценностей, где наивысшее значение по сравнению с остальными благами жизни придается семье и детям.

Непотическое поведение членов патриархальной семьи становится более понятным, если вспомнить, что она выполняла и функцию социального призрения, включавшую в себя уход за больными и престарелыми, рождение, уход и воспитание (социализация и инкультурация) детей, поскольку государственная система социальной помощи была практически неизвестна в традиционном обществе. Чем больше было в семье детей, тем надежнее представлялось положение человека в старости.

М. Фуко, рассматривая проблему душевных болезней, безумия и его лечения/сдерживания в классическую эпоху, отмечает ключевую роль семьи. Место, отведенное самой природой для излечения, – это не госпиталь, но семья или, во всяком случае, непосредственное окружение больного. И подобно тому как бедность исчезает при свободном обращении рабочей силы, болезнь должна отступить перед теми заботами, которые самопроизвольно оказывает человеку его естественная среда: Если общество стремится к подлинному милосердию, оно само должно принимать в нем возможно меньшее участие и в той мере, в какой это от него зависит, привлекать к этой деятельности силы частных лиц и семей⁵⁷.

---

⁵⁷ Изложено по: Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб: Университетская книга, 1997. С. 410.

Это служение семье и императивное соблюдение ее интересов, их безусловный приоритет над возможными интересами индивидуума много требовало от человека, но и много ему давало.

Вот как известный социолог А. Шуц в своей классической работе «Возвращающийся домой» характеризует особенности традиционной семейной человеческой жизни. Жизнь дома означает... жизнь в актуальных или потенциальных первичных группах, т.е. в общем с другими пространстве и времени, в общем окружении объектов как возможных целей, средств и интересов, основанных на непрерывной системе релевантностей.

Жить дома – это значит воспринимать другого как уникальную личность в живом настоящем, разделять с нею антиципации будущего в качестве планов, надежд и желаний, наконец, это означает шанс восстановить отношения, если они прерваны. Для каждого из партнеров чужая жизнь становится частью его автобиографии, элементом личной истории⁵⁸.

Теперь обратимся к теме экономических оснований, на которых существовала, а в ряде регионов мира и по сей день существует патриархальная семья. Мы знаем, что в условиях сельскохозяйственного, по преимуществу, производства семья выполняла функцию важнейшей производственной ячейки, была экономической структурой, в рамках которой создавались и аккумулировались материальные ресурсы: большинство мужчин и женщин вынуждены были работать на земле; труд этот был тяжел и неблагодарен⁵⁹.

Функционирование семьи как производственной ячейки общества привело к ее самому активному участию в распределении и перераспределении материальных ресурсов, наследовании социальных ролей, нищеты и богатства, власти и привилегий. До начала индустриализации большинство семей являлись производственными ячейками, они обрабатывали землю или занимались ремеслом.

До создания собственных репродуктивных семей люди, как правило, входили в состав других семей, с членами которых вместе жили и работали. Выбор будущего супруга обычно определяли не любовь и романтические увлечения, а социальные и экономические

---

⁵⁸ Изложено по: Хорошее общество: Социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М.: ИФРАН, 2003. С. 18.

⁵⁹ Кёнигсбергер Г.Г. Средневековая Европа, 400–1500 годы / Пер. с англ. А.А. Столярова, предисл. Д.Э. Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. С. 94.

интересы, диктовавшие необходимость бесперебойного функционирования семейного производства и заботы об иждивенцах⁶⁰.

Данную Э. Гидденсом характеристику патриархальной семьи и особенностей взаимоотношений людей в ее рамках подтверждает огромный массив как первичной (эмпирической), так и вторичной (обобщающей и анализирующей) информации.

Дабы не утомлять внимания читателя перечислением многочисленных примеров, приведем только свидетельство Х. Арендт, относящееся к периоду до Второй мировой войны. В еврейских семьях, а еврейская семья очень долго сохраняла классические патриархальные черты, индивид рассматривался прежде всего как член семейства, его обязанности определялись в первую очередь семейством, которое было важнее жизни и достоинства индивида⁶¹.

В малоразвитой в сравнении с Античностью и современным ей исламским Востоком средневековой Европе, как, впрочем, и в подавляющем большинстве регионов тогдашнего мира, естественным образом существовала и воспроизводилась патриархальная семья. Человек в ее рамках осознавал свою коллективную идентичность в отношении этой локальной кровнородственной группы, но **кроме чувства сопричастности и гарантии от одиночества она встраивала индивида в жестко иерархические отношения господства и подчинения, и подчиненной стороной этой микросоциальной конструкции были женщины и дети.**

Обществу доиндустриального типа социальной организации принадлежит и разделение труда между полами, и жесткое противопоставление всех видов деятельности и орудий труда согласно тому, какому полу они пристали, и структура пространства с его оппозицией публичных мест (рынок, место собраний), являющихся мужскими, и мест частных, «внутри» дома, предоставленных женщинам. Та же оппозиция мужского и женского воспроизводится и внутри дома, где есть мужское место – у очага – и женское, поближе к воде, животным и растениям⁶².

---

⁶⁰ Гидденс Э. Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 365.

⁶¹ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др. М.: Центр Ком, 1996. С. 71.

⁶² Сокулер З.А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё. (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С. 42.

В рамках нашего дискурса крайне важным обстоятельством является то, что **доиндустриальное общество является обществом классического патриархата**. Вот как характеризуют особенности патриархата наиболее радикальные феминистские авторы. Женщин угнетают, мужчин – нет. Эта специфическая форма жизни называется патриархатом.

Мужчина присваивает себе лучшие социальные роли и держит женщину в положении подчиненной и эксплуатируемой. Радикальный феминизм определяет патриархат как «систему власти, при которой именно мужчине принадлежит верховная власть и экономические привилегии... В частности, мужчины контролируют женскую сексуальность и доминируют в социальных институтах, что поощряет обесценивание женщин и продлевает их подчинение»⁶³.

Чтобы дать еще более развернутое представление об этом социально-конструирующем явлении, приведем точку зрения известной американской феминистки А. Рич, которую она представляет на суд общественности в своей книге «Рожденная женщиной». Мы полагаем, что она дает вполне подробное и оценочно окрашенное определение патриархата, определение, вполне нами разделяемое.

Патриархат – это власть отцов. Социально-родовая, идеологическая, политическая система, в которой мужчины при помощи силы, прямого давления или посредством сложившегося ритуала, традиции, закона и языка, обычаев, этикета, образования и разделения труда решают, какую роль отводить (или не отводить) женщине в их игре. В данной системе женское всегда и везде подчинено мужскому. Это вовсе не значит, что женщины не имеют власти или что всем женщинам данной культуры недоступен определенный тип власти.

«В условиях патриархата я могу жить на женской половине или водить грузовик; могу стать главой государства по праву наследования или в результате выборов, или мне может выпасть участь обстирывать жену миллионера; я могу прислуживать своему мужу в глинобитной берберской хижине, поднося ему утренний кофе, или шествовать в процессии академиков.

Но каков бы ни был мой статус или как бы ни сложились обстоятельства, к какому бы экономическому классу я ни принадлежала, я живу под властью отцов и имею доступ лишь к той

---

⁶³ Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 106.

части привилегий или влияния, которую пожелает предоставить мне патриархат, и только до тех пор, пока я плачу сполна за согласие с ним»⁶⁴.

Обращаем внимание читателя на следующее важное обстоятельство. Выраженные мужские характеристики, такие, как физическая сила, агрессивность, асертиативность, формирует тип доминантного самца – А (мачо). В художественной литературе он часто обыгрывается как тип полуграмотного, ограниченного, но мужественного и непреклонного «армейского командира». В мировой истории к подобному типу личности принадлежали многие политические диктаторы и организаторы военных путчей.

Сегодня мужчины в политике все чаще выступают в ином облики – за счет правополушарной интуиции и образного целостного видения реальности они могут быть стратегами, предсказателями будущего, референтами, консультантами и просвещенными, окрыленными политическими деятелями – особенно если их мужское «правополушарное» дарование дополняется присутствием логически и вербально развитой женщины как спикера, секретаря, полномочного представителя⁶⁵.

Эта иерархичность семьи, подчинение женщин и детей мужчине в своей генеалогии имеет как биологические, так и социокультурные, прежде всего религиозные и символические основания.

Известный французский социолог П. Бурдьё заметил, что всегда видел в мужской гегемонии и в том способе, каким она внедряется и каким ей подчиняются, образцовый пример этого парадоксального подчинения, результат того, что называют символическим насилием, насилием мягким, нечувствительным, невидимым даже для самих его жертв, осуществляющимся главным образом в чисто символических формах коммуникации, знания (хотя последнее скорее следовало бы назвать неузнаванием), признания и даже чувств.

Это необыкновенно обыкновенное социальное отношение наиболее полно показывает логику господства, осуществляемого от имени символического принципа, знакомого и признаваемого как теми, кто господствует, так и теми, кто подчиняется, от имени языка (или определенного выговора), от имени стиля жизни (или способа

---

⁶⁴ Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. Д. Викторовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 78–79.

⁶⁵ См.: Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские политологические и практические аспекты. М.: ЦОП ИФРАН, 2001. С. 287–288.

мыслить, говорить или действовать) или, в более общем виде, от имени некоторого определенного свойства, выступающего как эмблема или стигмат⁶⁶.

Мы знаем, что массово распространенные монотеистические религии, такие как иудаизм, христианство, ислам, санкционируют неравенство между мужчиной и женщиной, делегируя мужчине в рамках семьи куда больше полномочий, чем женщинам и детям. Согласно удачному определению Симоны де Бовуар: «человек – это мужчина... и он определяет женщину не через ее саму, но через ее отношение к нему; она не рассматривается как автономная сущность... Он – это Субъект, он – Абсолют; она же – Другой»⁶⁷.

Вначале было слово, практической монополией на которое долгое время обладали мировые религии, и это слово надолго определило гендерные роли мужчины и женщины.

Вот как определяет традиционные характеристики, приписываемые мужчинам и женщинам, В. Шубарт.

Мужской склад – это воля к власти, доминирование идеи права над идеей любви, действия над созерцанием, рассудка над чувством. Женский склад – самоотдача, благоговение, смирение, терпение. Мужчине свойственны критика, рационализм. Женщине – интуиция, восприимчивость к внушению, вера. Мужчине присущи обособленность, принцип деления, механистичность.

Женщине – принцип целостности, органичность. Преимущество мужчины – количественное, однако оно таит в себе и опасность: оно дает мужчине в руки бразды правления, но угрожает сковыванием вольно текущей жизни. Мужчина отделяется от всеобщего и стремится к автономии. В результате становится одиночкой, монадой, личностью.

Женщина, напротив, чувствует свою соединенность с целостным миром. Она укоренена в природе, словно растение. Мужчина воспринимает свое тело как инструмент, средство, оружие, с которым он вступает в борьбу. Женщина ощущает тело как первоисточник и

---

⁶⁶ Изложено по: Сокулер З.А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё. (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С.40.

⁶⁷ Лауретис де Т. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетей, 2001. С. 43.

первооснову своей сущности, как сосуд, в котором она укрыта от опасностей.

Для мужчины жить значит бороться, убивать, уничтожать жизнь; для женщины жить значит продолжать род, рожать, обновлять жизнь. Мужской принцип есть принцип смерти, женский – принцип вечной жизни. Поэтому женские образы являются у народов символом их вечности и плодородия (Ева, Хава, еврейское имя прапаматери человечества, означает жизнь)⁶⁸. Господствующие религии подчеркивают мужские прерогативы.

Это, прежде всего, монотеистические религии: ислам и христианство. Что касается монотеистических религий иудаизма и христианства, то мы обратимся к первоисточникам, к Ветхому и Новому Заветам: «И сказал Господь Бог: “Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему“. Потому оставит человек отца своего и мать свою, и соединится с женою своею; и будут одна плоть⁶⁹; «Жёны, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, жизнью жён своих без слова приобретаемы были, когда увидят вашу чистую, богобоязненную жизнь»⁷⁰.

Мы не будем во множестве приводить библейские цитаты, связанные с ролью мужчины и женщины в семье и в процессе воспитания детей, мы лишь укажем всем тем, кто желает более полно рассмотреть этот вопрос, список из корпуса библейских текстов⁷¹. Естественно, что на эту тему существует еще более обширная литература, написанная христианскими авторами после создания классических новозаветных текстов.

Такое понимание процитированных библейских первоисточников вполне подкрепляется также взглядами на проблему мужского превосходства, получившего столь явную религиозную легитимацию, многих видных философов, социологов, психологов XX века: «Бог сотворяет мир своим словом, чтобы убедительно подчеркнуть превосходство патриархальной культуры над

---

⁶⁸ Изложено по: *Шубарт В.* Европа и душа Востока / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправленное изд. 2000. С. 179.

⁶⁹ Бытие 2,18 и 24.

⁷⁰ 1-е послание Петра 3,1–2.

⁷¹ См., например: Бытие 39; 2-я Царств 11 и 12; Матфея 19, 3–9; Притчи 6, 23–33; Притчи 7; Притчи 9,13–18; Марка 6,17–28; Колоссянам 3, 18–21; Колоссянам 3, 5; Исход 2,1–10; Числа 27,8–11; Иисус Навин 24,15; 1-я Царств 1; Иов 1,5; Псалом 77,1–8; Псалом 143,12–15; Притчи 17,6; Притчи 20,11; Притчи 29,15 и 17; Марка 10,13–16; Луки 2,41–52; 2-е Тимофею 1,5; 2-е Тимофею 3,15;

матриархальной, и библейская история сообщает нам о происхождении Евы из ребра мужчины, а не мужчины от женщины»⁷².

Свидетельства тому многочисленны, но мы приведем здесь характерную для раннего Средневековья выдержку из работы Астерия Амасийского, относящейся к IV веку. Он писал о том, что женщина это друг, помощник и слуга человека, а человек это мужчина.

Женщина – это как бы часть тебя самого, это помощь твоя, утешение твое в жизненных испытаниях. Она ухаживает за тобой в болезни. Она унимает твою боль. Она ангел-хранитель твоего очага; защитница твоих прав. Она страдает твоими страданиями, радуется твоими радостями. Она сохраняет твое богатство.

Если же беден ты, она умеет правильно использовать даже самые скромные средства. Когда счастье тебе изменит, ты замыкаешься, падая духом. Твои ложные друзья исчезают, твои рабы покидают тебя. И только жена остается слугою мужа в его страданиях, оказывая уход, в котором ты нуждаешься. Она осушает твои слезы, перевязывает твои раны, если тебе нанесли их, и следует за тобою в темницу⁷³.

Сегодня человек в рамках ареала христианской / постхристианской цивилизации постепенно выходит за рамки классического патриархата, но он и сегодня находит свое убежище в иных культурно-цивилизационных ареалах, в частности в ареале мусульманского мира.

Итак. Мужчина-мусульманин может жениться на христианке или еврейке, но христианин или еврей не могут жениться на женщине-мусульманке... Мужчина-мусульманин может иметь одновременно четыре жены, но женщина-мусульманка может иметь только одного мужа. Мужчина-мусульманин может развестись со своей женой или какой-либо из своих жен, приняв решение о разводе (талак) в одностороннем порядке, без объяснения причин и не приводя никаких оправданий представителю власти или вообще кому-либо.

Напротив, женщина-мусульманка может получить развод только с согласия своего мужа или же по решению суда, которое выносится лишь при наличии ряда оговоренных условий, например, если ее муж не способен или не желает ее содержать. При наследовании имущества женщина-мусульманка получает меньшую долю наследства, чем

---

⁷² Фромм Э. Мужчина и женщина // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетово́й, С.В. Карпушиной, сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 115.

⁷³ Изложено по: Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправ. изд. 2000. С. 183.

мужчина-мусульманин, если они оба имеют равную степень родства с покойным⁷⁴.

Исторически обусловленная социализация и инкультурация женщины в некоторых регионах мусульманского мира происходит со всей степенью жестокости, о чем свидетельствует и традиция так называемого «женского обрезания». «Женское обрезание» («female circumcision», или «female genital mutilation») представляет собой операцию, практикуемую в ритуальных целях в основном в исламских странах Северной и Центральной Африки. Во многих из них девушки, не прошедшие эту процедуру, не могут выйти замуж. В течение нескольких последних десятилетий международные правозащитные организации ведут активную кампанию против этого обряда.

Семейные отношения в рамках мусульманского мира также меняются, но изменения эти более медленные, подчас малозаметные стороннему наблюдателю, но даже и они вызывают крайнее сопротивление со стороны ревнителей исламской социокультурной традиции.

Так, в середине 90-х годов XX века малайзийский премьер-министр Махатхир Мохамад опубликовал вместе с японским политиком Синтаро Исихара книгу, озаглавленную «Голос Азии», в которой ее авторы, ссылаясь на О. Шпенглера, вновь обвинили Запад в гедонизме.

Меркантилизм, чувственное наслаждение и эгоизм – обычные явления. Наше общество пошло на уступки индивиду и его желаниям. Неизбежным следствием этого стал развал существующих институтов и снижение уважения к браку, семейным ценностям, старшим и другим важным обычаям и традициям. Они были заменены новым комплексом ценностей, как правило, не имеющих отношения к духовной вере и общинной жизни⁷⁵.

В арабских странах и теперь наблюдается культивирование патриархальной морали, которая не признает безбрачия, любых нетрадиционных репродуктивных технологий, планирования семьи, в том числе прерывания беременности (абортов), использования противозачаточных средств.

За женщиной вообще не признается право на самостоятельное решение вопроса о численности детей. Она должна рожать с момента

---

⁷⁴ Изложено по: *Ан-Наим А.А.* На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право) / Пер. с англ. О. Фадиной; Отв. ред. Д. Фурман. М., 1999. С. 197.

⁷⁵ Изложено по: *Коукер К.* Сумерки Запада. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 204.

полового созревания и до тех пор, пока не закончится ее фертильный возраст. Лишь мужчина имеет право регулировать семейную жизнь. Патриархальная семья является сильной, несравненной производителем.

Она владеет инстинктом самосохранения, который толкает ее на использование максимума физиологических способностей ее членов. Она обеспечивает себя гарантией против опасности исчезновения. Не о фатализме мусульманской патриархальной семьи нужно говорить, а скорее о доверии и уверенности в будущем, так как всякое рождение – благословение в том смысле, что это знак роста достояния семьи⁷⁶.

Многочисленные исламские фундаменталисты и сегодня выступают категорически против предоставления женщине всей полноты гражданских прав, в том числе против предоставления репродуктивной свободы для женщины. Так, например, доктор Мохи ад-Дин ас-Сафари Джелани утверждает, что «долг женщины рожать детей, делать из них мужчин»⁷⁷.

Иными словами, в понимании Мохи ад-Дин ас-Сафари Джелани люди – это мужчины⁷⁸. Но женщина, которая не имеет возможности пользоваться репродуктивной свободой, женщина, выступающая в роли живой машины для рождения детей – практически не имеет шансов на социальное освобождение, ей крайне трудно получить хорошее образование и практически невозможно построить успешную профессиональную карьеру.

Ее «профессиональная карьера» заключается в служении семье, мужу и детям. Но, рассматривая женщину в парадигме служения, ни о каком освобождении половины человечества говорить не приходится, женщина, становясь машиной для деторождения, быстро разрушается физически, в большой мере такое положение вещей является узаконенным рабством одной половины человечества в отношении другой.

В качестве наглядного эмпирического примера подобному физическому износу можно привести большие таджикские сельские семьи, где женщину окружают дети «мал, мала, меньше», семьи,

---

⁷⁶ Шайдуллина Л.И. Социальные доктрины ислама о женщине и современность // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 350.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ «Жены ваши – нива для вас: ходите на ниву вашу, когда ни захотите, но предварительно делайте что-либо и в пользу душ ваших». Изложено по: Шибарина Е.М. Феминизм как одно из идеологических направлений международного женского движения // Женщины в современном мире. М.: Наука, 1989. С. 322–323.

которые в последние годы мы так часто видим на улицах российских городов.

Как обобщающее определил в начале 30-х годов XX века отношение человека традиционного общества к физическим и метафизическим сущностям немецкий консервативный революционер К. Гуттен: «Брак как связь, семья как долг, родина как ценность в себе, мораль как авторитет, религия как обязанность, источником которой является вечность»⁷⁹.

Мы полагаем, что подобное понимание должного в отношении человека, семьи, родины выстраивает жизнь в парадигме служения не только для женщин, но и для мужчин, оно задает сверхличностные цели для человека вообще, невзирая на его социальную, этническую/национальную, половую принадлежность. Но процессы, которые привели к ускоренной эволюции семьи и семейных отношений и освобождению человека из жестко нормативных, задаваемых социокультурной традицией рамок патриархальной семьи и традиционных гендерных ролей, мы подробно рассмотрим в следующем параграфе.

Но сейчас мы вернемся к традиционному обществу и анализу патриархальной семьи. Патриархальная семья получила широкое распространение в доиндустриальную эпоху благодаря экономической востребованности, в том числе необходимости большого количества рабочих рук при проведении сельскохозяйственных работ, отсутствии системы социального обеспечения, прежде всего пенсий по старости, давлению социокультурной традиции, выражавшемся, в частности, во всепроникающей системе контроля и репрессий.

Вот, например, выдержка из правил парижских приходских благотворительных обществ, относящихся к концу XVII – началу XVIII века: «Надлежит с помощью наводящих вопросов вызнать, как они ведут себя в семье, живут ли в согласии между собой и с соседями, воспитывают ли детей в страхе Божьем... не укладывают ли взрослых детей разного пола вместе или к себе в постель, нет ли в их семьях распущенности и разврата, особенно по отношению к взрослым дочерям. Если возникнет сомнение в том, состоят ли они в законном браке, то надо потребовать, чтобы предъявили свидетельство о браке».

Но не следует полагать, что приверженность к патриархальной модели семьи и ориентация культуры на сверхопытные, метафизические ценности, воспитывают ли детей в страхе Божьем, изощренная система контроля и репрессий приводила в

---

⁷⁹ Изложено по: *Райх В.* Психология масс и фашизм / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб: Университетская книга. М.: АСТ, 1997. С. 153.

средневековой Европе к следованию моральным установлениям христианской церкви и упорядочиванию семейной жизни⁸⁰.

Этот поучительный исторический документ. Заметим, что подобное детальнейшее изложение «грехов» не может прийти в голову законодателю априорно, доопытно, оно может следовать за жизнью, кодифицируя только то, что распространено в реальной жизни.

Итак, рассмотрев особенности функционирования семьи и семейных отношений в обществе доиндустриального типа социальной организации, отметим, что социальные процессы⁸¹, которые привели к

---

⁸⁰ Так, римский папа Иоанн XXII ввел следующий тариф наказаний для людей, преступивших христианские заповеди и светские законы своего времени, мы приводим здесь не весь этот весьма обширный список, но выборку, коррелирующую с нашей тематикой.

I «Если церковник согрешит плотским грехом с монахиней, либо двоюродной сестрой своей, племянницей, либо крестницей, либо, наконец, с какой-либо другой женщиной, – виновный получит отпущение греха своего, уплатив 67 ливров, 12 су».

II «Если, кроме любострастного греха, он испрашивает отпущение греха противоестественного, либо скотоложного, да уплатит он 219 ливров, 15 су; но, если грех сей совершен им с отроками или животными, но не с женщиной, то пеня уменьшается до 131 ливра, 15 су». «Священник, лишивший девушку невинности, платит 2 ливра, 8 су». «Муж, который жестоко избьет жену, вносит в суммы казначейства 3 ливра, 4 су; если он жену убьет – он заплатит 18 ливров, 15 су; если он сие преступление учинил, чтобы жениться на другой женщине, он кроме того, доплатит еще 32 ливра и 9 су».

III «Сообщники мужа в его преступлении платят за отпущение по 2 ливра с головы». «Тот, кто задушит ребенка своего, платит 17 ливров, 15 су; если мать и отец убили ребенка по обоюдному согрешению, они платят 27 ливров, 1 су за отпущение греха». «Женщина, которая убьет дитя свое во чреве своем и отец его, который будет способствовать ей в сем преступлении, платят каждый по 17 ливров, 15 су». «Тот, кто способствует выкидышу, не будучи отцом ребенка, платит на 1 ливр меньше. За убийство брата, сестры, матери или отца платит 17 ливров 15 су».

IV «Священники за позволение сожительствовавшие с родственниками платят 76 ливров, 1 су». «Всякий любострастный грех, совершенный мирянином, отпущен будет по взносе пени в 27 ливров, 1 су; за кровосмешение прибавляется 4 ливра». «Жена прелюбодейка, испрашивающая отпущение, дабы освободиться от всякого преследования и иметь дозволение на продолжение своих незаконных сношений, платит папе». Цит. по: Дэнсон Э. О боге и черте / Пер. с фр. А. Шпицберга. – М.: Красная новь, 1923. – С.59–61.

⁸¹ Напомним, что классическое определение социального процесса дал Питирим Сорокин (1889–1968): «Под процессом понимается любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или “эволюции”, короче говоря, любое изменение данного изучаемого объекта в течение определенного времени, будь то изменение его места в пространстве, либо модификация его количественных или качественных характеристик». Изложено по: *Штомпка П.*

трансформации традиционной семьи и семейных отношений, в большей части относятся уже к европейскому Новому времени, времени формирования европейской модерна.

Вопросы к параграфу

1. Семья в традиционном обществе. Какая она?
2. Насколько справедливы распространенные в обыденном сознании представления о высокой духовности, следования религиозным заповедям и нормам морали людей традиционного общества?
3. Равными ли правами по юридическому и обычному праву обладают мужчина и женщина в семье?
4. Каких взглядов на мужчину и женщину, семейные отношения придерживались приверженцы монотеистических религий (христианства, ислама, иудаизма)?
5. Что такое патриархат и матриархат?
6. С чем бы вам в традиционных семейных отношениях хотелось бы не согласиться, поспорить?

Параграф 2. Семья в эпоху модерна

Переход от традиционного к современному обществу драматичен как для общества в целом, так и для отдельного человека. Меняются почти все жизненные представления, система приоритетов, тип рациональности, психический склад личности, доминирующей в обществе.

Масштабность требуемых перемен столь велика, что их успешная реализация предполагает нечто большее, не ограничивающееся аутентичным переносом ценностей, отношения к миру, рациональности, социокультурных институтов. Следствием развития этих процессов стало то, что **«общественное» не стремится больше колонизировать «частное».** Теперь дело обстоит как раз наоборот: **именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может**

быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей⁸².

Сказанное в полной мере относится к все более явственно артикулированной тенденции к признанию приоритетности интересов индивида над интересами любых макро- и микросоциальных групп, в том числе и по отношению к патриархальной семье.

Мы позволим себе привести известную точку зрения на эволюцию семьи в условиях упрочивающегося капитализма К. Маркса: «Новая форма семьи, новые условия в положении женщины и в воспитании подрастающих поколений подготовляются высшими формами современного капитализма: женский и детский труд, разложение патриархальной семьи капитализмом неизбежно приобретают в современном обществе самые ужасные, бедственные и отвратительные формы.

Но тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства, вне сферы домашнего очага, женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между полами»⁸³.

Именно ориентация на личность или на коллектив, приоритет частных либо общественных (групповых) интересов во многом определяет различие в традиционном и современном обществах, а также различие в отношении человека к семье и семейным отношениям. Так, Т. Парсонс классифицирует и определяет это различие в нормах, ценностях и ориентациях, которым определяют поведение индивида следующим образом.

▼ Ориентация на себя: ожидание релевантных акторов, что для исполнителя рассматриваемой роли допустимо в данной ситуации отдать предпочтение своим собственным интересам любого мотивационного содержания и качества независимо от того, имеют ли они отношение к интересам и ценностям коллектива, членом которого он является, а также к интересам других акторов.

▼ Ориентация на коллектив: ожидание релевантных акторов; данный актер обязан как исполнитель данной роли принимать во внимание в первую очередь ценности и интересы коллектива, в котором он играет эту роль, являясь его членом. Если существует

---

⁸² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 135.

⁸³ Изложено по: Ленин В.И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5. Т.26. М.: Политиздат. С. 43–81.

потенциальный конфликт с его собственными интересами, от него ожидается, что в данном выборе он отдаст предпочтение интересам коллектива. Это применимо также и к его действию в репрезентативной роли в пользу данного коллектива⁸⁴.

Мы полагаем, что человек модерна с течением времени все больше и больше ориентируется на себя, он становится личностью, чьи интересы приоритетны по отношению к любым социальным общностям. Основаниями, на которых базируется этот процесс, являются все более улучшающиеся условия жизни, в том числе радикальный рост потребления, уменьшение рабочего времени, рост оплаты труда, и что для нас особенно важно – повышение уровня образования и профессиональной подготовки человека, а также развитие частногосударственных программ социального обеспечения: пенсий по старости и инвалидности, лечение по системе медицинского страхования, уход за детьми, больными и престарелыми в специализированных учреждениях.

Таким образом, можно со всей уверенностью констатировать, что основную часть функций, которые выполняла патриархальная семья, взял на себя сам индивид, а также государство (государственное пенсионное обеспечение) и общество, в лице благотворительных организаций и бизнеса в социальной сфере.

Кроме того, оказались подорваны и экономические основы существования патриархальной семьи. В промышленности человек трудился в отрыве от семьи, этот труд уже не был семейным трудом, да и такого большого количества рабочих рук, как при семейном выполнении сельскохозяйственных работ, больше не требовалось. Еще более радикализировался этот процесс отказа от производственных функций семьи при переходе к постиндустриальному типу социальной организации. Суммируя сказанное, можно утверждать, **что человек стал профессионально и экономически независим от семьи, он может столь же хорошо выполнять свои профессиональные функции, строить карьеру, получать все большую оплату за свой труд независимо от своего семейного статуса, независимо от наличия или отсутствия семьи.**

Кроме того, при всех сложностях и оговорках, которые часто сопровождают анализ этих тенденций, нельзя не признать, что

---

⁸⁴ Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. Часть 2. Ценности, мотивации и системы действия // О структуре социального действия / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 504.

современная семья существует на иных материальных основаниях, чем в рамках традиционного, доиндустриального общества, когда само понятие семьи было связано с наследством и репутацией.

Возможность хранить и приумножать собственность в рамках семьи есть одно из наиболее ценных и интересных качеств, ей принадлежащих; это качество является наиболее способствующим вечной сохранности самого общества. Оно ставит наши слабости на службу нашей добродетели, оно сообщает благотворность даже алчности. Обладатели фамильного богатства и того достоинства, какое имеет наследственная собственность (как самый почтенный вид собственности), являются естественным обеспечением ее передачи из поколения в поколение⁸⁵.

А вот какую трактовку семейным формам наследования земли дает в книге «Демократия в Америке» Алекс де Токвиль. У тех народов, у которых закон о наследовании исходит из права первородства, земельные владения наиболее часто переходят от поколения к поколению, не подвергаясь дроблению. Таким образом, владение землей порождает фамильный дух. Семья – это земля, которой она владеет, земля – это семья; земля увековечивает фамилию рода, его происхождение, его славу, его могущество и его добродетели. Она является бессмертным свидетелем прошлого и ценным залогом будущего существования семьи, рода⁸⁶.

Мы признаем, что и сегодня факторы наследования имущества и символического капитала играют важную, но уже не определяющую роль в процессе создания семьи, доминантность этих факторов несколько нивелирована, как и всего того, что связано с материальной стороной жизни семьи.

В то же время человек эпохи модерна пытается в рамках личной биографии разрешить трагическое противоречие между потенцией индивидуального разума и конечностью физического существования. И в качестве паллиатива для решения этой задачи вполне подходят различные трансвременные структуры, в большей или меньшей степени устойчивые к течению времени, более длительные в сравнении с индивидуальной продолжительностью человеческой

---

⁸⁵ См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции и о прениях в некоторых лондонских обществах касательно сего события, содержащиеся в письме, предполагавшемся быть отправленным некоему благородному господину в Париж / Пер. с англ. С. Вакслер, под ред. А. Бабича. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. С. 121–122.

⁸⁶ См.: Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. С. 58.

жизни. Для решения этой задачи вполне подходит семья, где воспроизводятся новые поколения людей.

В качестве подтверждения сказанного обратимся к авторитету Э. Фромма, полагавшего, что если человек не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл; в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способность действовать, а значит, и жить⁸⁷.

В контексте нашего дискурса важным представляется также процесс секуляризации, «обезбоживания» человеческой жизни. Мы знаем, что с началом Нового времени в Европе ускорился процесс десакрализации мира, часть функций, которые ранее безраздельно находились в ведении церкви, постепенно стали переходить к возникшему национальному государству.

Все более актуализуется возможность более свободного, чем раньше, выбора индивида, расширяются границы стереотипного поведения, облегчается распространение социокультурных инноваций, поскольку аргументы о божественном санкционировании всего вокруг, в том числе и социального порядка, макро- и микросоциальных институтов больше не действуют.

Если раньше, в условиях средневековой Европы до Реформации повседневная жизнь, поступки человека определяли его место в вечности, то кальвинистская реформация Римско-католической церкви изменила эти представления о возможности самоспасения человека как ограничивающие полноту божественного суверенитета. Безысходность предопределенности человеческого места в вечности обесценила все усилия по соотнесению повседневной жизни, человеческих дел и помыслов с трансцендентным, позволив человеку в конечном счете поступать так, как будто ничего разумного, находящегося могущественнее человека, просто не существует.

Как и все многообразие окружающей человека социокультурной эмпирики, в том числе и облаченной в институционализированную форму, определение истинности и ложности событий, фактов, институций стало верифицируемо, подлежа подтверждению или опровержению эмпирическим путем. Именно в этот период истории

---

⁸⁷ Фромм Э. Бегство от свободы // Догмат о Христе / Сост. и авт. предисл. П.С. Гуревич. М.: Олимп, АСТ-ЛТД, 1998. С. 197.

возникающие инновации расширяют границы социально приемлемых жизненных практик. Отсутствие божественной предопределенности, стохастический фактор случайности «открывает» жизненную ситуацию, делает ее амбивалентной, способной разрешиться в результате творческой акции⁸⁸. **Появилась возможность выбора, возможность построения уникальной биографии, быть не как все.**

В процессе развития постхристианской, секулярной цивилизации открывалось все больше альтернативных браку форм сожителства мужчин и женщин, а со временем обретенная свобода постепенно распространяется не только на гетеросексуальных, но и на гомосексуальных партнеров. Постепенно историческое ослабление социокультурных норм брачности делает вступление в брак действительно проблемой выбора одной из нескольких моделей жизни. Сегодня социологи отмечают, что растет процент людей, которые вообще не вступают в брак. Среди французов, родившихся около 1960 г., их число составляет уже 30%, тогда как до того на протяжении многих десятилетий оно составляло 10%.

Никогда, с тех пор как существует соответствующая статистика, не отмечалось столь высокого процента мужчин и женщин, которые не вступают в брак⁸⁹.

На первый взгляд подобное положение вещей кажется удивительным, но, как мы уже заметили выше, сегодня человек, как мужчина, так и женщина, может быть столь же социально успешным, как в браке, так и вне его. Когда вступление в брак было жестко определено социокультурной традицией, когда в брак вступали практически все, само инструментальное изучение мотивов брака лишалось смысла и было фикцией, хотя, конечно, в разных стратах разные индивиды могли по-разному трактовать свое конформистское следование нормам⁹⁰.

Сегодня изучение семьи и брака таковой фикцией не является. Научные исследования позволяют обращаться к изменяющейся социокультурной эмпирике, разнообразным мотивационным особенностям все менее предсказуемого поведения индивидов.

Возвращаясь ко времени раннего европейского модерна, заметим, что тогда происходило разрушение простых, теплых,

---

⁸⁸ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 194.

⁸⁹ Изложено по: Сокулер З.А., Фести. П. Упадок института брака? // Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2001. № 4. С. 62.

⁹⁰ Антонов А.И. Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 250.

личностных человеческих связей. Человек традиционных обществ, европейского Средневековья, не знал одиночества, имея смутные представления о частной, приватной жизни и праве на уединение. С рождения присутствовал аскриптивный статус, включенность в строго определенную социальную общность, где человек был своим по факту рождения, происхождения.

«Семья и более широкие родственные группы оказывались очень важным инструментом для достижения их членами высокого положения в обществе и поддержания преемственности этих позиций на аскриптивной основе»⁹¹. Но в современном обществе залогом социального успеха становится не столько социальное происхождение индивида, прежде определявшее его судьбу, сколько его личные достижения, обусловленные уровнем образования и степенью профессионализма.

Именно в эпоху модерна меняется традиционная предопределенность социального положения человека, которая заменяется его «принудительным и обязательным самоопределением»⁹². Происходит длительный, меняющийся мир процесс адаптации к имманентности индивидуального выбора и самоактуализации человека посредством этого выбора.

Изначальная семейная принадлежность, происхождение из различных социальных страт все меньше определяют социальный статус человека, личные устремления начинают превалировать над обязательствами перед любыми социальными группами, в том числе начинают доминировать над традиционными (патриархальными) семейными обязательствами.

Именно свободный и отрефлексированный выбор лежит сегодня в основе определения партнера по браку, выбора местности для будущей семейной жизни и профессиональной специализации индивида.

Уже в начале XX века известный российский правовед С.Н. Гессен писал о том, что новый человек воспринимает в первую очередь не Вселенную и не Бога, а себя, преходящую во времени личность; не целостность, а часть, осколок бранный. Он уже не

---

⁹¹ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; Под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 196.

⁹² *Бауман З.* Индивидуализированное общество: Пер. с англ. / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 182.

чувствует себя всего-навсего точкой прохождения вечных сил, а видит себя в центре Вселенной⁹³.

Человек новой эпохи все больше становится материалистом, он уже не верит в саму возможность посмертного существования и старается максимально продлить единственно известную ему форму жизни – жизни в земном человеческом теле. Отсюда и всепоглощающая забота о теле, здоровом образе жизни, правильном, рациональном питании, посещение оздоровительных центров, спортивных клубов. Именно в эпоху модерна тело впервые осознается как главная ценность, которой обладает человек.

Позволим себе несколько слов о теле, точнее, о биологически обусловленных различиях мужского и женского в теле. Итак, половые хромосомы (XX у женщин и XY у мужчин) не только обуславливают различное строение гениталий. Мужчины в среднем выше ростом, чем женщины; у мужчин больше мышечной и меньше жировой ткани, их грудная клетка шире.

У женщин более широк таз, по-другому устроены, как у многих млекопитающих, суставы бедер, женское тело более эффективно использует полученную из пищи энергию. Женщины выносливее мужчин. Прогресс цивилизации постепенно снижает ценность специфических мужских преимуществ (например, физической силы) и повышает ценность женских качеств⁹⁴.

Большая свобода выбора, возможность не следовать канонам, задаваемым социокультурной традицией, модульность человека модерна расширили границы сознания и используемых поведенческих моделей, раздвинули границы нормы, открыли путь для интенсивного инновационного развития, в том числе в сфере семьи и семейных отношений.

Несколько забегаая вперед, отметим, что процесс освобождения человека не завершился в эпоху модерна, начало нового этапа освобождения было обусловлено переходом к постиндустриальной экономике и связанной с ней новой форме социальной организации общества. Сегодня обществу более не нужны ни массовый промышленный труд, ни массовая, основанная на воинской обязанности армия. Эпоха, на протяжении которой фабрики и войска

---

⁹³ Шубарт В. Европа и душа Востока / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Русская идея: Альманах (Вып. 3, 2-е, исправленное издание), 2000. С. 49.

⁹⁴ См.: Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские политологические и практические аспекты. М.: ЦОП ИФРАН, 2001. С. 284–285.

были основными институтами поддержания порядка (по крайней мере в нашей части земного шара), закончилась.

Но то же самое произошло и с всевидящей властью как главным средством социальной интеграции, и с нормативным регулированием как главной стратегией поддержания порядка. Большинство людей – как мужчин, так и женщин – объединены сегодня скорее благодаря обобщению, а не администрированию, рекламе, а не индоктринации; они нуждаются в творчестве, а не в нормативном регулировании. Большинство выросло и сформировалось в социальном и культурном отношении как искатели и коллекционеры чувственного опыта, а не как производители и солдаты⁹⁵.

Человек современной эпохи в определенной мере сохранил это живое человеческое участие и эмпатию в отношении членов своей первичной группы, но ему все больше приходится иметь дело преимущественно с бюрократическими, формальными, «безличностными» структурами, самому постепенно приобретая «модульный характер», встраиваясь в различные социальные, профессиональные, культурные группы, выбирая свою карьеру, жизненный путь, варианты самореализации, особенности гендерной идентичности, семейного и репродуктивного поведения.

Именно в рамках цивилизации модерна постепенно формировался новый тип человеческой личности, характеризуемой такими качествами, как открытость, диалогичность, суверенность, уважение к праву и свободе, как своей собственной, так и других людей, в том числе и людей близких, своих партнеров по семейным отношениям. Трансформации в различных областях социальной жизни, в том числе и в сфере семейных отношений, легитимизации новых форм семьи во второй половине XX века наложились на более глубокие и длительные социокультурные трансформации, истоки которых восходят еще к цивилизации Античности. Их более явственная экспликация произошла на рубеже перехода от европейского Средневековья к Новому времени, великого исторического перехода от традиционного к современному обществу – обществу модерна.

Этот исторический переход привел и продолжает вести к ускорению и радикализации трансформаций традиционных семейных отношений, гибкости и многозначному, вариативному содержательному наполнению современных моделей семьи, все более полноценному и радикальному выделению индивида

---

⁹⁵ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 283.

сначала из природного, а затем и из социального окружения, движению к формированию все более автономной личности.

Как же все это начиналось? Мы знаем, что возникновение новых семейных отношений начиная с конца XV века было отнюдь не единовременно и всеобъемлюще, поскольку вплоть до XVIII века оно не оказывало серьезного влияния на уклад общественной жизни. Более того, новые семейные отношения, служащие большему раскрепощению, освобождению человека, были преимущественно распространены среди обеспеченных слоев населения – дворянства, городского и сельского, высшего нобилитета, нарождающейся буржуазии, в меньшей мере среди ремесленников и торговцев. Начиная с XVIII века новые семейные отношения, оставляющие большее пространство личной свободы для индивида, начинают распространяться на все сословия, в определенной мере приобретая черты нормативности в ареале западноевропейской цивилизации.

Уже в конце XVIII века наблюдатели констатируют в Англии изменение в семейных отношениях. Работники стремятся устроить собственное жилье вместо того чтобы поселиться у работодателя, а закат практического обучения в этой области позволяет заключать более ранние браки, а значит, благотворно влияет на появление более многочисленных семей. «Длительная отсрочка женитьбы, раннее начало трудовой деятельности, жилищные проблемы, живучесть традиций обучения в людях – все это препятствия идеальному способу существования в буржуазной семье, постепенно разрушенные эволюцией нравов. Семейная жизнь распространилась отныне во всем обществе и мало кто теперь помнит о ее аристократическом и буржуазном происхождении»⁹⁶.

Мы вполне признаем всю сложность и тернистость пути, пройденного человечеством за последние несколько веков в процессе эмансипации личности, ее большей рациональности и автономности от природы и общества, амбивалентности и сложности многих социальных макро- и микропроцессов.

В эпоху европейской модерности получило достаточное распространение представление о том, что личность имеет собственные, отличные от интересов группы, интересы. Посредством активной автономной деятельности индивид способен сам отстаивать эти интересы наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокупность индивидов, когда

---

⁹⁶ *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при уч. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 1999. С. 404.

общественные интересы являются производными от частных. И лучшим постепенно стало считаться общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы.

Но при всей неоднозначности этих процессов нельзя не признать, что семья и брак переживали и продолжают переживать фундаментальные перемены в направлении, которое ряд исследователей определяют как историческое движение в направлении от патриархальности > консерватизму > либерализму > модернизму, что в конце пути может привести к новому матриархату. Мы знаем, что само название «матриархат» в исторической науке получила та первая устойчивая форма социально-экономической организации, характерной чертой которой является господствующее положение женщины в первобытном родовом обществе. Матриархат (от лат. mater – мать и греч. αρχη – начало, власть) буквально означает «материнская власть».

Сегодня радикальные феминистки утверждают, что только исчезновение патриархата и разрушение мужского контроля (дискриминации) способно освободить женщин.

Феминистки полагают, что «все начинается от оскорбления на улице до невинной шуточки, которую отпускает по твоему поводу муж, от меньшей заработной платы за равный труд с мужчиной до пошлых телевизионных передач, изобилующих сексуальной лирикой, от розовых и голубых одеялок, в какие в больнице заворачивают младенцев, до преисполненных мужского превосходства речей революционеров-мужчин. Все это наполняет твой болезненно сжимающийся мозг, и он не может от этого избавиться. Ты начинаешь осознавать, что же на самом деле представляет собой сексизм? Это – дискриминация одной половины человеческих существ другой половиной»⁹⁷.

Что же делать, каким образом можно избавиться от патриархата? Очевидно, что это задача не из легких. Очевидно, что необходимо начинать с уничтожения гендера, особенно полового статуса, роли, темперамента и социальных конструкторов, которые были сформированы в условиях патриархата⁹⁸.

---

⁹⁷ Изложено по: *Шибарина Е.М.* Феминизм как одно из идеологических направлений международного женского движения // *Женщины в современном мире.* М.: Наука, 1989. С. 322–323.

⁹⁸ *Эллиот П., Менделл Н.* Теории феминизма // *Введение в гендерные исследования: Хрестоматия.* Ч. II / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 106.

Для нас важно и то, что матриархат уже был в истории человечества. Существует несколько убедительных доказательств того, что патриархальное общество, как оно было представлено в Китае и Индии, в Европе и Америке на протяжении прошедших пяти-шести тысячелетий не является единственной формой, в которой оба пола организовали свою совместную жизнь. Многие свидетельствуют о том, что если не везде, то во многих местах патриархальные общества, в которых власть принадлежала мужчинам, уступали место матриархальным. Это выражалось в том, что женщины и матери были опорой семьи и общества. Женщина занимала господствующее положение в общественной и семейной жизни⁹⁹.

Мы полагаем, что трансформация семьи и семейных отношений в рамках западной по своей генеалогии цивилизации модерна неразрывно связана с процессом женской эмансипации. Так, выдающаяся американская феминистка и общественный деятель Элизабет Кэди Стенсон, борясь за гражданские права женщин и изменения гендерных ролей в рамках современной ей американской семьи, обосновала свои требования следующим образом.

Самая веская причина требования, чтобы женщине был предоставлен голос в правительстве, под властью которого она живет, и в религии, в которую она должна верить, чтобы ей было обеспечено равенство в общественной жизни, где она является главным фактором, и доступ к профессиям, чтобы она зарабатывала себе на хлеб, заключается в том, что от рождения она имеет право на свой суверенитет, что как индивид она должна полагаться на собственное Я.

Ровным счетом ничего не значит, насколько сильно желание женщины опереться на кого-либо, быть защищенной и обеспеченной, ровным счетом ничего не значит, насколько сильно желание мужчины, чтобы она так поступала, женщина должна проходить свой жизненный путь в одиночку¹⁰⁰.

Иными словами, женщина должна стать более автономной личностью, все более выделяясь из своего природного и социального окружения. В течение этого длительного макросоциального процесса меняется содержательное наполнение гендерных ролей, которые предписываются обществом как мужчине, так и женщине, меняется роль человека в семье.

---

⁹⁹ Фромм Э. Мужчина и женщина // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной; Сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 114.

¹⁰⁰ Изложено по: Майроф Б. Лики демократии. Американские лидеры: герои, аристократы, диссиденты, демократы: Пер. с англ. М.: Весь Мир, 2000. С. 182.

Заметим, что несмотря на преимущественно социокультурную обусловленность наблюдаемых сегодня изменений в содержательном наполнении гендерных ролей, которые играют женщины и мужчины, сама возможность этих трансформаций обусловлена также социобиологически, поскольку мужчина имеет не только собственно мужские гормоны, но и женские, а женщина мужские. Кроме того, по свидетельству классиков европейской психологии и психотерапии, эти изменения имеют под собой вполне определенные психологические основания. Так, К.Г. Юнг выделяет женское начало в мужской психике и мужское начало в психике женской. Он утверждает, что анима¹⁰¹ является олицетворением всех проявлений женственного в психике мужчины, а олицетворением мужского начала в женском подсознании является анимус¹⁰². Женское и мужское становится все более амбивалентным, постепенно теряя железобетонный статус нормы: «Женское замещает мужское, но это не значит, что один пол занимает место другого по логике структурной инверсии. **Замещение женским означает конец определимого представления пола, перевод во взвешенное состояние закона полового различия**»¹⁰³.

---

¹⁰¹ «Анима – это олицетворение всех проявлений женственного в психике мужчины: таких как смутные чувства и настроения, пророческие озарения, восприимчивость к иррациональному, способность любить, тяга к природе и – последнее по порядку, но не по значению – способность контакта с подсознанием. Не случайно в древности для разгадывания воли богов и установления связи с ними использовались именно жрицы (подобно греческой Сивилле). Особенно наглядный пример восприятия анимы как внутреннего персонажа мужской психики мы обнаруживаем у знахарей и прорицателей (шаманов) эскимосов и других северных племен. Некоторые из них даже носят женскую одежду либо изображают на своей одежде женские груди, чтобы показать женскую сторону своей природы, позволяющую связываться со “страной духов” (то есть с подсознанием)». См.: Юнг К. Концепция коллективного бессознательного // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. редакцией С.Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 174.

¹⁰² «Олицетворение мужского начала в женском подсознании – анимус – имеет, подобно аниме у мужчин, и позитивные, и негативные черты. Но анимус не так часто проявляется в форме эротических фантазий или настроений. Для него более характерна не явная, но непреклонная убежденность. Когда такая убежденность изливается трубным, настойчивым мужским голосом или навязывается окружающим посредством грубых скандальных сцен, то нетрудно распознать за этим женскую мужеподобность. Но даже у женщины с очень женственной внешностью анимус может представлять в не меньшей степени жесткую, неумолимую силу. Иногда в женщинах открывается нечто упрямое, холодное и совершенно недоступное». См.: Там же. С. 187.

¹⁰³ *Бодрийяр Ж.* Соблазн / Пер. с фр. А. Гараджа. М.: Ad Marginem, 2000. С. 32.

Однако некоторые специалисты в области социологии семейных отношений сдержанно относятся к изменению содержательного наполнения гендерных ролей мужчины и женщины, в том числе и их семейных ролей, полагают, что речь скорее идет о снятии нормативных запретов и ограничений, что позволяет проявиться индивидуальным свойствам, не обязательно связанным с полом. Половые различия при этом не столько исчезают, сколько становятся менее обязательными и более тонкими¹⁰⁴.

А Т. Парсонс задает вопрос об инстинктивных, биологических основах существования семьи, и отвечает на него. **Остается открытым вопрос, насколько глубоки инстинктивные основы человеческой семьи.**

Однако, по-видимому, существует очень мощный комплекс сил на уровне действия, который стремится упрочить уже возникшую семью. Существенно также, что условия социализации внутри единицы родства подготавливают ребенка к принятию им на себя либо материнской, либо отцовской роли на соответствующей стадии его собственной жизни. Это все никоим образом не отвечает на вопрос о возможности разрушения этого основного комплекса социальных структур и мотивирующих человека сил.

У нас нет достаточных знаний для того, чтобы сказать нечто конкретное о том, какие условия необходимы, чтобы комплекс этот мог быть нарушен, и каковы будут результаты такого нарушения для социальной структуры и личности. Но, несмотря на огромное разнообразие, которое дает структура родства сама по себе, и на исключительное значение этого разнообразия, устойчивость комплекса родства во всех разновидностях социальных структур, различающихся другими аспектами, указывает на мощную комбинацию сил, действующих в направлении сохранения этой структуры¹⁰⁵.

Т. Парсонс также полагает, что традиционная дифференциация половых ролей скорее позитивна, поскольку ведет к специализации мужчины и женщины в рамках семьи: мужчина выполняет инструментальную роль, то есть поддерживает в основном финансовую связь семьи с внешним миром, женщина выполняет

---

¹⁰⁴ Кон И.С. Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 35.

¹⁰⁵ Парсонс Т. Социальная система // О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 247.

экспрессивную роль, значение которой заключается в регулировании взаимоотношений внутри семьи¹⁰⁶.

В процессе как обыденного, так и научного рассмотрения эволюции семьи и семейных отношений в Европе в период модерна и постепенного перехода к постмодерну проявляется специфическая абберрация исследовательского взгляда на рассматриваемые процессы эмансипации личности. Чаще и охотнее всего говорится об изменении роли женщины, ее ускоренной эмансипации. Да, женская эмансипация в обществе вообще и в рамках семьи в частности действительно имеет место, и мы вполне солидарны с усилиями по дальнейшей эмансипации женщины. Мы также солидарны с позицией Ф. Энгельса, который с одобрением отметил суждение Ш. Фурье о том, что «в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации»¹⁰⁷.

Но для нас не менее важным является и параллельный, возможно не столь наглядный и яркий, процесс эмансипации мужчины. Еще в 1970 г. Д. Сойер писал о том, что мужское освобождение стремится помочь разрушить поло-ролевые стереотипы, рассматривающие «мужское бытие» и «женское бытие» как статусы, которые должны быть достигнуты с помощью соответствующего поведения... Мужчины не могут ни свободно играть, ни свободно плакать, ни быть нежными, ни проявлять слабость, потому что эти свойства фемининные, а не маскулинные¹⁰⁸.

Аналогичного мнения придерживается и П. Бурдьё, который полагает, что мужская привилегия оказывается таким образом ловушкой, обрекающей на постоянное напряжение и постоянное, иногда доходящее до абсурда, усилие ...в любой ситуации доказывать свою мужественность, включающую сексуальную и социальную продуктивность, а также постоянную готовность к борьбе и применению насилия¹⁰⁹.

---

¹⁰⁶ Более подробно см.: *Чернова И.И.* Тенденции развития гендерных процессов на пороге XXI века (опыт сравнительных исследований России и Канады) // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 65.

¹⁰⁷ *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2. Т.19. М.: Политиздат. С. 117.

¹⁰⁸ Изложено по: *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 35.

¹⁰⁹ Изложено по: *Сокулер З.А.* Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник /

Новое представление о возможностях и границах проявления мужского и женского включает в себя амбивалентность в оценке как мужчин, так и женщин. Представители обоих полов могут быть как сильными, так и слабыми, как активными, так и пассивными. Новизна подхода к человеку как таковому заключается в том, что определенные конфигурации человеческих свойств уже не принадлежат исключительно одному полу. Мы эволюционируем в своих взглядах на роль мужчины и на роль женщины, мы далеко ушли от тех взглядов, которые были характерны даже для самых талантливых и демократически настроенных авторов прошлых эпох.

В качестве характерного примера можно вспомнить взгляды А. де Токвиля, изложенные в его знаменитой книге «Демократия в Америке». В Европе имеются люди, которые, путаясь в различных особенностях полов, заявляют о возможности установления между мужчиной и женщиной не только равенства, но и тождества. Они наделяют обоих одними и теми же функциями и правами, возлагая на них одни и те же обязанности; они хотят, чтобы мужчины и женщины сообща трудились, развлекались, занимались делами. Легко можно понять, что, пытаясь подобным образом уравнивать между собой два пола, мы придем к их обоюдной деградации, ибо из подобного грубого смешения столь различных творений природы никогда ничего не выйдет, кроме слабых мужчин и неприличных женщин¹¹⁰.

Суммируя позицию А. де Токвиля, защищающего элементы традиционной гендерной роли женщины, изложим основные пункты его аргументации:

▼ женщина, занимающаяся семейными делами, поступает в соответствии с природой и моральными принципами, потому что дом – это место, где господствуют согласие и спокойствие, в отличие от эгоизма и аморальности, царящих в сфере наемного труда и общественной деятельности. Кроме того, в профессиональной сфере господствуют элементы соревновательности и жесткой социальной борьбы, содержание которой заключается в достижении успеха, иногда любой ценой;

▼ роль женщины в семье – это роль служения, семья является убежищем от поражений и неудач, полученных в обществе, тихая защитная гавань;

РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003.– С. 48.

¹¹⁰ Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. С. 435.

▼ женское служение семье и дому позволяет ей воспитывать детей, прививая им основные моральные ценности, воспитывая их настоящими американцами¹¹¹.

Сегодня «слабыми мужчинами и неприличными женщинами», которыми пугал современников А. де Токвиль, никого удивить невозможно, длительный макропроцесс освобождения человека из природного и социального окружения, в том числе выделение индивидуальных интересов и их приоритетность над любыми групповыми интересами, предполагает эмансипацию всех участников процесса: мужчин, женщин и детей.

Но любой процесс несет в себе как потенциальные плюсы, так и потенциальные и реальные минусы, издержки сопутствуют достижениям. «В эпоху переоценки ценностей и пересмотра исторически сложившихся привычек никакая норма человеческого поведения не может быть принята как данное, и ничто долго не остается неоспоримым.

Погоня за удовольствием пронизана страхом, на укоренившиеся формы социального опыта смотрят с подозрением, в то время как новых, особенно тех, которые были бы признаны общепринятыми, еще нет в достаточном количестве, и они не торопятся появляться¹¹².

Один из основателей чикагской социологической школы Э. Берджесс полагает, что «нестабильность семейных отношений, несоответствие образцов семейного поведения принятым в обществе нормам и ценностям свидетельствуют о процессе качественного социального изменения; стабилизация внешних и внутренних функций семьи связывается с окончанием процесса социального изменения и социальной дезорганизации¹¹³. Сегодня общество в странах

---

¹¹¹ Токвиль Алексис де. Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. С. 425–436. (См. главы: Глава VIII. Влияние демократии на семью; Глава VIII. Влияние демократии на семью; Глава IX. Воспитание девочек в Соединенных Штатах; Глава X. Как девушка становится супругой; Глава XI. Каким образом равенство в Америке способствует поддержанию нравственности; Глава XII. Как американцы понимают равенство между мужчиной и женщиной).

¹¹² Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. С. 298.

¹¹³ Более подробно см.: История теоретической социологии: В 4 т. Т. 3 / Ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. С.137. Отметим также работы Э. Берджесса, посвященные социологии американской семьи, «Предсказание удачного или неудачного брака» (1939, в соавторстве с Л. Котреллом), «Семья» (1945, в соавторстве с Дж. Локком), «Ухаживание и брак» (1953, в соавторстве с П. Уолином).

христианской/постхристианской цивилизации постепенно переходит к постиндустриальному типу социальной организации, это сложный и болезненный процесс освобождения от регламентации, тюрьмы и казармы индустриальной эпохи¹¹⁴.

Теперь представим некоторые характеристики амбивалентной ситуации, сложившейся в сфере семьи и семейных отношений на примере Североамериканских Соединенных Штатов конца XX века. Рассматривая современное состояние и перспективы трансформации американской семьи и семейных отношений, известный социолог и футуролог Д. Коатс дает следующие характеристики наличного и возможного в будущем положении вещей в этой сфере жизни.

Итак, рассмотрим некоторые обобщенные характеристики семьи и семейных отношений в конце XX века на примере США.

▼ Многие пары сожительствуют без заключения брака. В 1988 году 1/3 всех женщин США в возрасте от 15 до 44 лет имели такого рода отношения со своими партнерами.

▼ Нормой становятся смешанные семьи. Смешанные семьи – это результат развода родителей, которые вступают в новый брак, но поддерживают отношения со своим прежним партнером и его новой семьей или соединяют под одной крышей детей от разных браков. Около 16% детей, живущих в полной семье, имели второго неродного родителя.

▼ Изменение социальных отношений приводит к созданию семей нового типа. Они могут включать в себя приемных детей, подобранных с учетом определенных наследственных признаков, детей от суррогатных родителей и в будущем, возможно, детей, полученных от клонированных эмбрионов.

▼ Гомосексуальные семьи являются результатом открытости общества. Общественное признание сделало семейную жизнь доступной для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией.

▼ Группы, живущие в половой близости или без нее, – это своего рода переходное состояние для все большего числа людей, избравших такой способ жизни как альтернативу одиночеству.

▼ Для всех социальных слоев становится все более характерным наличие семей с одним родителем... Часть семей с одним родителем – это результат того, что родители развелись или разошлись.

---

¹¹⁴ Мы хотели бы обратить внимание читателя на ставшие классическими труды М. Фуко, посвященные детальному рассмотрению, обобщению и анализу обозначенной проблематики: *Фуко М. История безумия в классическую эпоху.* СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.; *Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 477 с.*

▼ Уровень разводов, составлявший менее 10% замужних женщин от 15 лет и старше в интервале с 1953 до 1964 г., затем увеличился до 23% в 1978 г. и удерживается на уровне 20–21% в последние 10 лет.

▼ Приверженность браку сохраняется, о чем свидетельствует тот факт, что большая часть переживших развод снова вступают в брак. Треть всех браков в 1988 г. были повторными для одного или обоих партнеров. Между разводом и новым браком при этом проходило в среднем около двух с половиной лет.

▼ Непродолжительность семейной жизни во многих случаях ведет к серийным бракам. Есть люди, которые имеют 3, 4 или 5 бывших супругов, при этом ни разу не пережив вдовства. Похоже, что общество смирилось¹¹⁵ с моделью, предполагающей более поздний брак, раннюю половую жизнь вне брака и тщательный выбор супруга.

▼ Рост продолжительности жизни свидетельствует о том, что родители ведут полноценную жизнь и после того, как завершается процесс воспитания детей. В то же время увеличение срока жизни сопровождается таким явлением, как кризис общения: один супруг, умирая раньше другого, оставляет его в одиночестве.

▼ Сексуальное поведение все более отделяется от репродуктивной функции благодаря как новым знаниям об особенностях репродуктивного цикла женщины, так и контрацептивам.

▼ Новые формы труда и досуга учащают случаи, когда некоторые члены семьи практикуют такие виды деятельности, которые чужды другим ее членам. Это приводит к конфликту интересов – чаще, чем к одобрению и поддержке семьи. Как результат – под все большей угрозой находится такая функция семьи, как общение.

▼ Телевидение и пресса создают представление о стиле жизни, влияющее на те надежды, которые люди возлагают друг на друга, а также на роль семьи в целом.

▼ Анонимность жизни в крупных городах исключает многие формы социального давления на семью. Здесь нет всезнающих и все

---

¹¹⁵ В этом отношении пройден большой путь. Вспомним, как в 1909 г. З. Фрейд оценивал сексуальную мораль американцев, примерно за полвека до их большего сексуального раскрепощения: «Сексуальная мораль как ее определяет общество – и самой крайней степени американское общество – вызывает у меня только презрение. Я стою за большую свободу сексуальной жизни». См.: *Лауретис де Т.* Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С.25.

видящих соседей. Это оказывает влияние на изменение поведения членов семьи.

✓ Чем старше дети в семье, тем чаще ее члены ищут новых форм общения вне семьи. Одна из наиболее популярных – общение через Интернет. Школа, государственные и негосударственные учреждения все в большей степени берут на себя выполнение тех функций, которые ранее были свойственны прежде всего семье: забота о здоровье, воспитание детей, забота о престарелых, материальное обеспечение безработных и т.п.

✓ Наблюдается дальнейший рост популярности групп, в которых люди объединяются по интересам. Участие в работе таких групп помогает человеку решить многие свои проблемы и найти новые формы внесемейного общения.

✓ Предпочтение все чаще отдается тем формам сексуального общения, которые не имеют своим следствием деторождение. Растущий доступ к информации о здоровом и безопасном сексе позволяет людям, включая очень молодых и очень старых, заниматься сексом без опасений.

✓ Наиболее значимая тенденция – увеличение числа семей, где оба супруга работают.

✓ 65% женщин США, имеющих детей до 18 лет, работают. В Дании эта цифра составляет 86%, а в Швеции – 89%. Среди женщин, имеющих детей до 3 лет, в США работает 53%, в Дании – 84%, в Швеции – 86%.

✓ Женщины вступают в брак и рожают первого ребенка во все более зрелом возрасте. Они откладывают создание семьи до тех пор, пока не получают образования и не найдут свою первую работу. В 1988 году средний возраст первородящих матерей составлял 26 лет, самый зрелый возраст за всю историю США.

✓ Увеличение числа семей, где оба супруга работают, позволяет значительно повысить средний доход семьи.

✓ В такой семье оба кормильца имеют больше возможностей для бизнес-инициативы или карьеры.

✓ Женщина, занятая на работе, мало бывает дома, ее редко можно увидеть в магазине, у соседей и т.п. В будущем, например, днем в магазине можно будет встретить только очень пожилых людей, маленьких детей с матерями или нянями и подростков.

✓ В перспективе ожидается усиление маскулинизации домашнего хозяйства. Развитие телекоммуникаций позволяет одному или обоим работающим супругам выполнять свою работу, находясь дома. Многие мужчины используют эту возможность, чтобы быть

более полезными своей семье: готовить, убирать, отводить детей на занятия. Мужчины имеют также возможность более активно включаться в такие инициативы, как соседские группы по предотвращению преступности, которые приносят непосредственную пользу их собственным семьям.

▼ Стиль жизни «работающих семей» сказывается на их пристрастиях в еде, развлечениях, покупках и т.п. Многие семьи согласны платить за те удобства, которые раньше обеспечивались личным трудом.

▼ Семья и брак станут разновидностью бизнеса. Семья все больше и больше будет превращаться в интегрированное бизнес-объединение, в интересах которого работают оба партнера. Развод в этой ситуации будет рассматриваться как простое прекращение партнерства и разрыв деловых отношений.

▼ Ожидается также активизация подросткового секса. При этом подростки, подражая родителям, будут всячески стремиться избежать беременности.

▼ Фирмы будут предоставлять своим сотрудникам возможность обучиться экономике и менеджменту домашнего хозяйства, а также консультироваться по поводу семейного права и разводов.

▼ Движение в защиту семьи приобретет новое направление. Одной из наиболее существенных причин разводов в США является то, что ни школа, ни церковь, ни скаутские организации не учат тому, что значит состоять в браке. Стремление укрепить семью должно быть обеспечено соответствующими средствами, необходимыми для такого укрепления. Именно на этом общество должно сосредоточить свое внимание в ближайшие десять лет.

▼ Новое движение в защиту семьи поддержит новые, более эффективные формы сватовства, точно так же, как более совершенные формы обучения жизни в браке¹¹⁶.

Мы вполне осознаем, и это подтверждают данные различных социологических исследований, что степень и темпы изменения формы организации семьи и гендерного порядка очень неравномерны – в разных странах; в разных социально-экономических слоях; в разных социально-возрастных группах. Так, в конце прошлого века в США сложилась ситуация, при которой 87% людей живут в нуклеарных семьях. Из них 77% живут в семье с двумя партнерами

---

¹¹⁶ См.: Коатс Д. Будущее семьи // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999. Ред.-сост. и автор предисловия академик РАО И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia, 2000. С. 452–455.

(муж–жена), 10% – неполные семьи, 7% – одинокие люди, 6% поддерживают другие формы отношений. Разрыв в возрасте между супругами, как правило, составляет 2–3 года. Средний возраст вступления в первый брак у мужчин – 24 года, у женщин – 22 года.

Мы знаем, что в эпоху модерна произошла великая демографическая революция, включившая в себя так называемые первый и второй демографический переход, – революция, которая была частью освобождения женщины от служения церкви, кухне и детям.

Переход к сознательному контролю воспроизводства – это, прежде всего, революция, осуществленная женщинами. В рамках этого эволюционного сдвига женщины произвели тройную революцию – против церкви, против государственной власти и против мужчин. Они освободились от навязанного им удела и обязанностей принудительного деторождения¹¹⁷.

Революционный документ «Всеобщая декларация прав человека», принятый 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН, гласил, что «совершеннолетние мужчины и женщины, независимо от расовой, национальной и религиозной принадлежности, имеют право вступать в брак и создавать семью. Последнее означает право свободно решать вопрос о продолжении или непродолжении рода. Принцип репродуктивной свободы предполагает также право на то, чтобы не иметь ребенка, включая право на использование контрацептивов и право на аборт»¹¹⁸.

О направлении, в котором развивается современная семья, свидетельствует состав домашнего хозяйства в ФРГ: все больше людей живут одни. Доля домашних хозяйств из одного человека составляет ныне более четверти (30%). В 1900 году приблизительно 44% всех частных домашних хозяйств включали по 5 и более человек. В 1981 году соответствующая цифра составляла лишь около 9%¹¹⁹. Заметим, что данные тенденции характерны не только для Германии, но и для Франции, практически для всей Западной Европы, при этом в Швеции они даже более выражены, чем во Франции. Доля людей, вообще не вступающих в брак, достигает там 40%. В это же время в Северной

---

¹¹⁷ Кууси П. Изложено по: Киселева Т.Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: Монография. М.: МГУКИ, 2002. С. 210.

¹¹⁸ Изложено по: Летов О.В., Стронгк К. Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции // Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М.: РАН. ИНИОН, 2000. С. 81–82.

¹¹⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 150.

Европе наблюдается существенное уменьшение числа заключаемых браков¹²⁰.

Демографическая революция, радикальное уменьшение детности является благом как для женщины¹²¹, так и для человечества в целом. Несмотря на то, что процесс ограничения рождаемости приобретает все большую масштабность и радикальность, уменьшая общую численность населения, столь же **радикально возрастает его человеческое качество, в том числе уровень образования, доходов, возможность свободно передвигаться по миру, получать любую информацию.** Это, безусловно, позитивный процесс, вектор, по которому развивается человечество. В авангарде этого процесса идет человек, социализированный и инкультурированный в рамках христианской/постхристианской цивилизации, в арьергарде этого мегапроцесса человек, относящий себя к исламской цивилизации и мусульманской культуре.

Лыбопытна позиция знаменитого итальянского философа и психолога А. Менегетти. Женщина должна думать о своём будущем с эгоистических, индивидуалистических позиций, определить свое место, быть уверенной в себе и свободной, иметь деньги и всё то, что позволит ей наилучшим образом жить в этом мире. Женщина, конечно, может обзавестись семьёй, родить детей и подготовить их к социальной жизни, но она должна учесть, что дети отнимут у нее, как минимум, от двух до пяти лет жизни.

Если женщина сумеет сохранить себя в прекрасной форме, то и в сорок пять лет она способна заняться карьерой, поступить в университет или научиться какой-либо профессии. Важно понять, что семья – это не всё, не наивысшее жизненное достижение, а лишь одна из множества игр. Головокружительный успех женщин, которые оставили след в истории, – святых, королев, политиков или финансистов – никогда не зависел от их семьи¹²².

---

¹²⁰ *Фести. П.* Упадок института брака? // Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М., 2001. № 4. – С. 63.

¹²¹ «Так, раньше только молодым мужчинам... разрешалось накапливать сексуальный опыт. Ныне много больше половины всех девушек (61%) открыто выступают за то, что для женщин важно накопить сексуальный опыт. Так или иначе, каждая вторая усматривает некую прелесть в том, чтобы иметь одновременно двух друзей». См.: *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 150.

¹²² *Менегетти А.* Женщина третьего тысячелетия: Пер. с итальянского. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2003. С. 47–48.

Отметим, что перечисленные сдвиги и тенденции являются более или менее глобальными, всеобщими и закономерными. Но сложный, неравномерный в различных странах и субкультурах, противоречивый процесс эмансипации женщины и ее большей социальной востребованности имеет под собой вполне объективные основания. Сегодня человеческие качества, традиционно маркируемые как женские, приобретают большую инструментальную эффективность в сравнении с качествами, традиционно маркируемыми как мужские: «Женское замещает мужское, но это не значит, что один пол занимает место другого по логике структурной инверсии. Замещение женским означает конец определимого представления пола, перевод во взвешенное состояние закона полового различия»¹²³. Как тут не вспомнить массовое распространение стиля «унисекс» в одежде, в конце прошлого века захлестнувшего не только Европу и Северную Америку, но и другие регионы мира.

В современных условиях традиционные мужские качества (агрессивность, способность к самоутверждению) играют меньшую роль в различных видах социальной деятельности, чем вербальные способности, позволяющие прекрасному полу легче овладевать иностранными языками, быстрее и полнее понимать представителей других наций и культур, использовать свои более развитые вербальные и логические способности. В числе многих исследователей американский писатель и историк Г. Уилс писал о революционном характере изменений в статусе женщины в семейной и общественной жизни: «За последние 40 лет статус женщины изменился так, как он не изменялся за последние четыре столетия. Ни одно изменение не затронуло так глубоко социальную сферу. Изменились отношения жены к мужу, матери и ребенка, женщины к женщинам. Этого достаточно, чтобы считать данный период революционным, высвобождающим ресурсы половины человеческой расы»¹²⁴.

У. Бек замечает, что сегодня все мы являемся свидетелями метаморфозы общества в рамках модерна и перехода к постмодерну, в ходе которого люди освобождаются от социальных форм индустриального общества – от деления на классы и слои, от традиций, семейных отношений и отношений между полами, точно так же, как в ходе Реформации они освобождались от господства церкви и переходили к формам жизни светского общества¹²⁵.

---

¹²³ Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Тараджи. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 32.

¹²⁴ Изложено по: *Elshtain J.B.* Public man, private woman. – Oxford, 1981. – P. 125.

¹²⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну: Пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 106.

Радикально меняется экономическая среда обитания как отдельного человека, так и семьи. Зигмунт Бауман приводит данные, содержащиеся в докладе ООН, посвященном «Программе развития», которые свидетельствуют о радикальном росте потребления за последние пятьдесят лет. С 1950 года совокупное мировое потребление товаров и услуг выросло более чем в шесть раз¹²⁶. Основной рост пришелся на страны модерна, наиболее развитые в экономическом отношении. В постиндустриальном обществе семьи становятся все более мобильными и более оснащенными сложной техникой, так что их члены гораздо чаще вступают в отношения обмена с другими людьми. **Расширение сектора услуг создает основу для экономической независимости женщин, чего раньше не было**¹²⁷.

Мы полагаем, что наличие хорошего образования и профессиональной подготовки женщин создает необходимую базу материальной независимости от мужчины, когда вопрос о создании семьи и о разводе решается только исходя из наличия или отсутствия любовного чувства, но отнюдь не по материальным соображениям. Именно наличие материальной независимости позволяет женщине минимизировать социальные последствия развода. Кроме того, как показали социологические исследования, развод не оказывает негативного воздействия на карьеру женщины, но оказывает такое влияние на карьеру разведенного мужчины.

Если раньше семья существовала на заработок мужа и предоставляла именно ему наибольший комфорт и возможности для отдыха, то теперь муж и жена оба делают карьеру и зарабатывают на существование, поэтому комфорт и удобства брака или домашние обязанности теперь тоже распределяются между мужем и женой более равномерно.

Но несмотря на все перемены в рамках семьи и семейных отношений благами новых возможностей и технологий, предоставляемых новой постиндустриальной экономикой, смогут воспользоваться как традиционные (гетеросексуальные), так и авангардные (гомосексуальные) семьи, так называемые неполные семьи с одним родителем и т.д.

Певец новых технологий и вдумчивый социолог, рассматривающий последствия этих изменений в отношении социума вообще и семьи в частности, Э. Тоффлер, говорит о том, что позволяя

---

¹²⁶ Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 144.

¹²⁷ Там же.

большому числу людей работать дома (или в близлежащих центрах занятости), новые технологии могли бы способствовать более теплой атмосфере в семье¹²⁸. Еще раз подчеркнем – любому типу семьи, как уже сформировавшемуся, так и находящемуся на стадии инновации, семьи, стереотипизация которой сегодня лишь вероятна.

Еще в 60-е годы XX века семья, брак и профессия как соединение жизненных планов, положений и биографий были во многом обязательны. Теперь же по всем позициям выявились возможности выбора. Уже нет ясности, вступает ли человек в брак и когда он это делает, живут ли люди вместе, не вступая в брак, или не живут вместе, состоя в браке, начинают ли и воспитывают ребенка в семье или вне семьи, с тем, с кем вместе живут, или с тем, кого любят, но кто живет с другой женщиной, до или после профессиональной карьеры или в разгар ее. Как все это краткосрочно, долгосрочно или временно увязывается с принуждениями или амбициями обеспечения, карьеры, профессиональной деятельности всех участников.

Подобные планы и договоренности в принципе расторгимы, а тем самым, что касается более или менее неравных нагрузок, которые в них содержатся, зависят от легитимации. Это можно истолковать как разъединение и расчленение элементов жизни и поведения, сосредоточенных (некогда) в семье и браке. В итоге становится все труднее сопрягать понятие и реальность¹²⁹.

Подытоживая сказанное, мы бы хотели поддержать позицию научного сотрудника Национального института демографических исследований (INEDX, Франция) П. Фести, который полагает, что упадок института брака не является ни следствием моды, ни даже результатом неблагоприятной экономической конъюнктуры. Он не зависит от изменения законов о браке и разводе. В его основе лежат глубокие и долговременные тенденции, которые должны привести к изменению отношений между полами и между родителями и детьми¹³⁰.

В то же время заметим, что сложный макросоциальный процесс эмансипации также может быть подвергнут критике. Так, автор книги «Сексуальные маски» американский философ и культуролог Камилла

---

¹²⁸ Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. / Науч. ред. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 1999. – С. 588.

¹²⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 149.

¹³⁰ Сокулер З.А., Фести П. Упадок института брака? // Социология: РЖ/ РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. – М., 2001. № 4. – С. 65.

Палья пишет о том, что все великое в западной культуре возникло в борьбе с природой, Запад, а не Восток сумел увидеть пугающую брутальность природного процесса, оскорбление, бросаемое разуму тяжелым, слепым ворочанием природы.

В отказе от себя, от индивидуализированного «я» мы не Бога обнаруживаем, а изначальную убогость. Это откровение явилось западному мужскому началу, не пожелавшему подчиниться ритмическим приливам бытия, затягивавшим его в лоно океанической матери. Его отталкиванию от этих потоков обязаны мы грандиозными свершениями нашей культуры. Аполлонический принцип, в его холодной абсолютности, – мужская четкая линия, проведенная в ограждение от бесчеловечной громады женщины – природы¹³¹.

Мы полагаем, что вектор развития современной семьи направлен на ограничение диктата сильного пола, деконструкцию иерархических отношений в ее рамках, переход от властных вербальных и невербальных монологов «большака», как называли главу семьи в патриархальных семьях, к диалогу всех со всеми.

Семья как взаимовыгодное партнерство равных участников, поддерживающих партнерство до тех пор, пока это поддержание способствует личностному, в том числе профессиональному/карьерному росту. В общих чертах можно говорить о переходе от «социально-страховой» к эгалитарной достижительной семье. Но если человек сможет также успешно развиваться как личность вне рамок семьи, то это сделает ее лишь одной из форм человеческого общежития, симптомы этого процесса мы и наблюдаем сейчас. Именно на этом основываются многочисленные заявления о кризисе современной нуклеарной семьи.

Глава III. Семейные отношения в России: от преמודерна к модерну

Параграф 1. Семья в контексте традиционного российского общества

Исторически сложилось так, что в дореволюционной, дооктябрьской России, а в определенной мере и в постреволюционном

---

¹³¹ Изложено по: *Парамонов Б.М.* Воительница //Конец стиля. М.: Аграф, СПб.: Алетей, 1999. С. 236.

Советском Союзе были сильны патриархальные воззрения. Они вбирали в себя взгляд на мир традиционного русского мира, крестьянства, мещанства небольших российских городов. Это был патриархальный мир традиционного житейского уклада, который включал в себя и веками отработанный механизм социализации, воспитывающий соборность, работу на благо семьи, подчиненность детей и женщин главе семьи - мужчине.

Очень хорошо традиционный взгляд на семью выразил русский философ Павел Флоренский. «Прежде всего требуется оздоровить семью. Вопреки взглядам, составляющим задний фон многих высказываний современности, общество слагается не из индивидов-атомов, а из семей-молекул. Единица общества есть семья, а не индивид, и здоровое общество предполагает здоровую семью. Распадающаяся семья заражает и общество. Государство должно обязательно (создать) наиболее благоприятные условия для прочности семьи, для (прочности) должна быть развита система мер, поощряющих крепкую семейственность»¹³².

В традиционной российской семье торжествовал и усваивался главный принцип соборного, холистского мира, господствующей холистской идеологии. Мы знаем, что холистическая идеология придает значение социокультурной тотальности, целостности и пренебрегает человеческим индивидом или же подчиняет его. Такая идеология относится к иерархическому обществу, в котором, как в случае с индийской системой каст, порядок является результатом установления ценности, а именно ценности целого. Из этого следует, что части или элементы, в частности, индивиды, оказываются подчиненными целому или тому, что воплощает, выражает, представляет целое¹³³.

Для понимания особенностей и социокультурных оснований жизни и самого широкого распространения патриархальной семьи в России отметим, что холистскую идеологию с большей или меньшей степенью рефлексивности, а в абсолютном большинстве случаев без всякой рефлексивности вообще, разделяла не только масса необразованного крестьянства, но и значительная часть русской интеллектуальной элиты. Особенности мировоззрения интеллектуальной элиты российского общества, в частности

---

¹³² Флоренский П.А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 670.

¹³³ Рено А. Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. С.Б. Рындина. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 91–92.

славянофилов, мы подробно разбирать не будем, отметим лишь ее вполне сочувственное отношение к патриархальному народному быту, патриархальной крестьянской семье.

Уже в середине XIX века И. Киреевский писал о том, что если мы захотим... «вникнуть во внутреннюю жизнь нашей избы, то заметим, что каждый член семьи никогда в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти. Мысли о собственной выгоде совершенно отсек он от самого корня своих побуждений. Цельность семьи есть одна общая цель и пружина»¹³⁴. Человек для семьи и во имя семьи – таков описываемый и защищаемый Киреевским идеальный принцип семейной солидарности, основа вековых российских семейных устоев.

Патриархальная семья в России – это особый мир теплых человеческих взаимоотношений, взаимоподдержки и защиты, мир, в котором каждый вносил свою посильную лепту в общее семейное дело. Патриархальная семья прежде всего экономическая ячейка общества, содружество соратников. Тот, кто работал для общего семейного блага, был в почете и уважении, а того, кто по тем или иным причинам не работал, рассматривали на периферии семьи.

Вот как основоположник российской земской статистики Ф.А. Щербина в вышедшем в свет в 1897 г. «Сводном сборнике по 12 уездам Воронежской губернии» отметил, что в крестьянском хозяйстве определяющим была не степень родства, а степень участия в труде и потреблении. Кто сполна со всеми работал и «хлебал щи из одной миски» со всеми, – того не забывали.

А вот тех, кто еще (дети) или уже (старики) не был в состоянии работать, – «нечаянно» могли и пропустить в перечне членов семьи. Земские статистики иногда раздражались: как же это глава многодетного семейства способен вообще не упомянуть о малом ребенке, зато точно знает, сколько у него всех телят и поросят. Если двенадцатилетний ребенок по своей сметке и силам уже мог работать как взрослый или семидесятилетний старик продолжал пахать наравне со всеми, о таких членах семьи всегда помнили точно¹³⁵.

Как жены были подвластны своим мужьям в семье, так и женщины в общине подчинялись мужчинам, чьи властные позиции в локальном сообществе поддерживались формально – правом и неформально – общепринятыми правилами повседневной жизни, обычаями и культурными традициями.

---

¹³⁴ Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 284.

¹³⁵ Изложено по: Никулин А. Столетние обороты путанных сведений // Знание – сила, 2000. № 8 (878). С. 73.

В основе всех частных и общественных отношений лежит один прототип, из которого все выводится, – именно двор или дом, с домоначальником во главе, с подчиненными его полной власти чадами и домочадцами... Этот начальный общественный тип играет большую или меньшую роль во всех малоразвитых обществах; но нигде он не получил такого преобладающего значения, нигде не удержался в такой степени на первом плане во всех социальных, частных и публичных отношениях, как у великорусов¹³⁶.

Иными словами, патриархальная семья и патриархальные семейные отношения воспроизводятся и одновременно воспроизводят национальную социокультурную традицию.

Известный монархический автор начала прошлого века Н.И. Черняев указывал на то, что при первом историческом появлении великорусского племени уже можно было подметить его отличительные черты: энергию и предприимчивость, дар устройства и организации, способность, сплотившись в одну артель, всецело подчиниться ее большаку. Эти качества – удалая энергия, дух устройства, артели и подчинения – помогли великорусскому племени совершить его великую историческую миссию – создать из раздробленной Русской земли одно государство, претворив ее рассеянные племена в одну нацию посредством самодержавной царской власти, которая была единственным средством для совершения такого дела¹³⁷.

Политическое и экономическое положение отца отражается в его патриархальном отношении к остальным членам семьи. В лице отца авторитарное государство имеет своего представителя в каждой семье, и поэтому семья превращается в важнейший инструмент его власти. Подобного же мнения придерживается и известный французский социолог П. Бурдьё: «Социальный порядок функционирует как огромный символический механизм, утверждающий ту мужскую гегемонию, на которой основан и он сам»¹³⁸.

---

¹³⁶ Кавелин К.Д. Мысли и заметки о русской истории // Наш умственный строй. М.: Современник, 1989. С. 197.

¹³⁷ См.: Черняев Н.И. Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. С. 112. (Пути русского имперского сознания).

¹³⁸ Изложено по: Сокулер З.А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдьё: (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С. 41–42.

Что же касается проводимых исследований взглядов самого крестьянства на семью, семейную жизнь, гендерные роли мужчины и женщины, то они глубоко патриархальны. Муж, по исконному взгляду народа, неизменно должен главенствовать в семейном быту. Только при соблюдении этого условия будет в семье все идти по-доброму, по-хорошему...

Вот некоторые примеры из русских пословиц и поговорок, собранных А.А. Коринфским: «Не скот в скоте коза, не зверь в зверях еж, не рыба в раках рак, не птица в птицах нетопырь, не муж в мужах – кем жена владеет» – гласит строгий приговор народной мудрости, создававшейся многовековым опытом жизни. «Бабе волю дать – не унять», «Кто бабе над собой волю дает – себя обкрадывает», «В дому женина воля – тяжкая мужнина доля: удавиться легче», «От своевольной бабы за тридевять земель сбежишь», «Хуже бабы тот, кем жена верховодит», «Возьмет баба волю, так и умный мужик в дураках находится вволю», «Дура-баба и умного мужа дурее себя сделает, коли на нем ездить, его кнутом погонять зачнет!», «От своевольной жены – Господь упаси и друга, и недруга, и лихого татарина!»¹³⁹.

Для русского крестьянина патриархальная семья представляет собой не только высшую ценность, но и самое естественное положение вещей. При заключении брака, как правило, обязательным было венчание, оформлявшее брак официально («законный брак»). Исключение составляли т.н. браки сводные, чаще всего у старообрядцев-беспоповцев и некоторых сектантов¹⁴⁰. В брак в конце XIX века вступали мужчины в 24–25 лет (после службы в армии), женщины – между 18 и 22 годами¹⁴¹.

Но такое вполне благоприятное и современное положение в сфере семейных отношений сложилось лишь к концу XIX века, то есть всего немногим более ста лет назад! Да и касалось это лишь возраста вступления в брак, когда в семейные отношения вступали уже достаточно взрослые люди. Да и не везде, несмотря на утверждения автора энциклопедии «Народы России», положение было столь благостно, хотя развитие капиталистических отношений, процессы

---

¹³⁹ *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Моск. рабочий, 1994. С. 337.

¹⁴⁰ «Женатые – разженитесь, неженатые – не женитесь» – таково было требование наиболее последовательных беспоповцев. См.: *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. Т.2, ч.1. М: Прогресс–Культура, 1994. С. 79.

¹⁴¹ *Шмелева М.Н.* Русские // Народы России: Энциклопедия / Гл. ред. В.А. Тишков. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 302.

урбанизации постепенно размывали представления о патриархальной семье как о социокультурной норме.

Мы знаем, что в конце XIX века женщина продолжала оставаться «детородной машиной», что изнашивало женский организм, вело женщину к преждевременной гибели, но, самое главное, практически не оставляло ей шанса стать личностью: получить образование и хорошо оплачиваемую профессию. В среднем крестьянки беременели «не через два с лишним года, а до истечения первого года после родов. Если же здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода, то она рожала доношенных детей с интервалом в 12–15 месяцев, рожая за 20–25 лет до 20 детей, что и фиксировал учет родильных отделений, но не могли отразить метрики»¹⁴². Эти данные также относятся к концу XIX – началу XX века, то есть ко времени не самого плохого положения российской женщины.

Многочисленные свидетельства современников событий, а начиная с XVIII–XIX веков и все более возрастающий массив статистических материалов, со всей наглядностью показывают, что патриархальная семья была традиционно структурированной хозяйственной ячейкой общества, но отнюдь не всегда сосредоточением христианской морали и высоких нравственных норм. Но и патриархальная семья средневековой Европы в этом отношении была несколько не лучше, если не хуже. Подкрепляя это утверждение, мы можем еще раз обратить внимание читателя на длинный список грехов-преступлений и денежной платы за них, своеобразный преискуронт, введенный римским папой Иоанном XXII, и представленный нами по сочинению Э. Даэнсона «О боге и черте» в заключительной части параграфа «Эволюция семьи в обществе доиндустриального типа социальной организации».

Справедливо отмечая, что Москва и особенно Петербург накануне революции были «совершенно западными городами», со всем букетом их социальных пороков, не следует забывать, что кроме жителей Москвы, Петербурга и некоторых других крупных городов, по многим параметрам сопоставимых с европейскими, в остальной России народ жил в другой исторической эпохе, обладая соответствующей ей ментальностью. Деревни, которые зимой

---

¹⁴² Дьячков В.Л. О нашем месте под солнцем, или О том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история: Ежегодник, 2000. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 65.

заносило снегом так, что между ними не было никакого сообщения, с трудом можно назвать обществом в собственном смысле этого слова.

Мы знаем также, что в 90-е годы XIX века российская деревня вступила в полосу острой экономической и социокультурной нестабильности. Деревенские люди семьями и поодиночке стали в массовом порядке перебираться на жительство в города. Жизнь в быстро модернизовавшемся городе с деревенским количеством детей в семьях с гораздо большей долей безотцовщины и сиротства (и это было лишь малой частью разворачивавшегося системного конфликта) не оставалась без глубоких культурно-психологических и социально-политических последствий, имевших основной источник – исторически стремительное столкновение деревенского и городского миров.

В результате развития амбивалентных процессов, в том числе и массового переселения крестьян, захлестнувшего города и городскую культуру, в стране сложились три основные формы моногамной семьи – патриархальная, детоцентристская и супружеская.

▼ Патриархальная семья характеризуется доминированием мужчины в домохозяйстве. Он является главой семьи. В такой семье младшие ее члены и женщины должны подчиняться старшим и мужчинам. Лишь в конце XVIII – начале XIX века с развитием индустриального производства обозначился распад патриархальной семьи как доминирующего института. Но патриархальная семья была наиболее распространенной в России до Второй мировой войны.

▼ В детоцентристской семье взрослые придают очень большое значение благополучию детей и прикладывают усилия, чтобы при любых обстоятельствах сохранить брак в их интересах. В супружеской семье доминируют эгалитарные отношения, стабильность брака зависит от желаний и качества отношений между супругами. В послевоенные годы начиная с конца 40-х вплоть до 80-х годов XX века доминирующей стала детоцентристская семья.

▼ Все большее распространение получает и супружеская семья, которая становится более заметной, но пока еще не основной.

Следует обратить особое внимание читателей на то, что именно в рамках супружеской нуклеарной семьи происходит ускорение процесса освобождения человека из-под определяющего влияния авторитарной социокультурной традиции.

В России рассмотрение темы семьи и семейных отношений в контексте взаимоотношений мужчины и женщины, любви и полового чувства стало популярно в конце XIX – начале XX века, особенно после поражения первой русской революции. Именно тогда начался

процесс перехода от патриархальной к современной форме организации семьи, в России, в рамках рассматриваемой нами проблематики, появился целый ряд значимых научных публикаций.

В стране впервые так открыто в научных публикациях, научно-популярной и художественной литературе, общественных диспутах, на уровне обыденного сознания обсуждаются вопросы семьи и брака, отношений между мужчиной и женщиной.

Так, например, философ, психолог и литератор Л. Войтоловский в работе «Текущий момент и текущая литература. (К психологии современных общественных настроений)», анализируя распространение любовно-эротической тематики в современной ему русской литературе начала XX века, отмечает, что в наплыве эротических настроений есть не только минусы, но и плюсы: они позволяют восстановить силы русскому обществу, растратившему их в эпоху общественных потрясений, этот наплыв – результат тех мучительных дум и переживаний, которые лихорадочным роem осаждают российского обывателя.

Л. Войтоловский говорит о возрастном, сезонном и социальном ритмах любви. Если в стабильных, развитых европейских обществах ее сезонный характер подчинен социальному регулированию, люди хотят освобождения от природы и одновременно доминирования над ней. В менее стабильных и успешных обществах, подверженных ломкам и потрясениям, чувственность играет роль лекаря, возобновляющего энергию и восстанавливающего утраченные общественные силы¹⁴³.

После первой русской революции страна стояла на пороге сексуальной революции, уже тогда влияние православной церкви как социального института, христианских по своей генеалогии ценностей и норм во все большей мере элиминировалось материалистическим, научным мировоззрением. В России появляются социологи, занимающиеся проблематикой семьи и семейных отношений. Здесь, прежде всего, следует выделить работы Н.К. Михайловского, М.М. Ковалевского, а также выдающегося ученого, психиатра и психотерапевта В.М. Бехтерева.

Вопросы к параграфу

---

¹⁴³ См.: *Войтоловский Л.* Текущий момент и текущая литература. (К психологии современных общественных настроений). СПб.: Общественная польза, 1908. С. 34.

1. Человек во имя семьи и для семьи. Как вы относитесь к этому идеалу семейных отношений И. Киреевского?
2. Какова оценка М.В. Ломоносовым современной ему практики семейных отношений?
3. Какова взаимосвязь патриархальной семьи и авторитарной власти?
4. Как воспринимали быт и нравы российской патриархальной семьи иностранные наблюдатели?
5. Что происходило в сфере семейных отношений в России после поражения первой русской революции 1905–1907 годов?

Параграф 2. Семья и брак в Советской России

Перейдем теперь к анализу эволюции/революции семьи и семейных отношений в период после Октябрьской революции 1917 года. Социокультурные изменения XX века отличались тотальным, всеобщим характером, распространяясь практически на все сферы человеческой жизни, включая систему ценностей, модели поведения, адаптационные стратегии личности, формы семьи, модели семейных отношений, гендерные роли мужчины и женщины.

Интенсивность динамики социокультурной среды превышала исторические аналоги, требуя новых адаптационных стратегий, превращая в «музейные экспонаты», бессмысленные на новых отрезках исторической динамики нормы, ценности, социальные позиции, модели повседневного существования. Для характеристики России как переходного общества вполне применим термин известного исследователя общества модерна У. Бека «*halbmoderne Gesellschaft*» – полусовременное общество¹⁴⁴.

В связи с этим вполне уместным представляется и характеристика, данная российскому социуму А.С. Ахиезером. Существуют традиционные общества, которые пытаются сохранить основы традиционализма, веру в возможность жить по мифологическим циклам, пытаясь их сочетать с достигнутыми ценностями. К этим странам можно было причислить и Россию, но с одной важной оговоркой. В России не сложились эффективные институты, способные обеспечить бесконфликтное сотрудничество, диалог между ценностями сообществ, ставших на путь модернизации

---

¹⁴⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 234.

традиционного типа, и ценностями идеологического общества, не выявилась достаточно развитая способность преодолевать исторически сложившийся в стране раскол между архаичной и достижительной культурами¹⁴⁵.

В постреволюционной, советской России/СССР огромные массы людей оказались затронуты процессом массовой маргинализации, заключавшемся преимущественно в утрате прошлого социального статуса и неопределенности статуса нынешнего, более или менее резком разрыве с социокультурной традицией, проявившемся, в том числе в отношении семьи, содержательного наполнения гендерных ролей и модели репродуктивного воспроизводства человека.

Социальный институт семьи в России в послереволюционный период претерпел существенные изменения. После Октябрьской революции 1917 года в России/СССР стали распространяться идеи женского равноправия, которые наиболее четко артикулировали две «музы» русской революции – Инесса Арманд и Александра Коллонтай¹⁴⁶. Они говорили о браке как о любовном и товарищеском союзе двух равных членов коммунистического общества, свободных и одинаково независимых.

Коллонтай писала, «что современная семья утратила свои традиционные экономические функции, а это означает, что женщина вольна сама избирать себе партнеров в любви». В 1919 году вышел ее труд «Новая мораль и рабочий класс», основанный на сочинениях немецкой феминистки Греты Майзель-Гесс. Коллонтай утверждала, что женщина должна эмансипироваться не только экономически, но и психологически. Идеал «великой любви» («grand amour») трудно достижим, в особенности для мужчин, поскольку он входит в противоречие с их жизненными амбициями. Чтобы стать достойной идеала, личности следует пройти период ученичества, в виде «любовных игр» или «эротической дружбы», и освоить сексуальные отношения, свободные и от эмоциональной привязанности, и от идеи превосходства одной личности над другой.

---

¹⁴⁵ *Ахиезер А.С.* Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 116.

¹⁴⁶ *Коллонтай* (урожд. Домонтович) *Александра Михайловна (1872–1952)*. Советский дипломат, имела ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Член коммунистической партии с 1915 года. В 1917–1918 годах – нарком социального обеспечения. В 1920–1921 годах – завотделом по работе среди женщин в ЦК РКП (б), затем в Исполкоме Коминтерна. Но под давлением более консервативной части советского и партийного руководства уже в 1921 г. А.М. Коллонтай была снята с должности завотделом по работе среди женщин в ЦК РКП (б).

Коллонтай полагала, что только свободные и, как правило, многочисленные связи могут дать женщине возможность сохранить свою индивидуальность в обществе, где господствуют мужчины (обществе патриархата). Приемлема любая форма сексуальных отношений, но предпочтительнее «последовательная моногамия», каждый раз основанная на любви или страсти смена брачных партнеров, серийных отношений мужчин и женщин.

В качестве наркома государственного призрения она устраивала общественные кухни как способ «отделить кухню от брака». Заботу о воспитании детей она тоже хотела возложить на общество. Она предрекала, что со временем семья отомрет, и женщины научатся заботиться о всех без разбора детях, как о своих собственных¹⁴⁷.

Да и лидер РСДРП (б) и Советского государства В.И. Ленин, хотя и не разделял теорию и практику свободной любви, придавал большое значение обобществлению материальной стороны быта, созданию общественных столовых, яслей, детских садов, которые он называл «образчиками ростков коммунизма». Это «те простые, будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной по ее роли в общественном производстве и общественной жизни».

Советское государство с первых дней своего существования приступило к активному реформированию гражданского законодательства, в том числе в части, регулирующей брачно-семейные отношения. Прежде всего из процесса этой регуляции была исключена Православная церковь. Так, уже в 1917 году «18 декабря отнята у церкви регистрация рождений и браков. 20 декабря введен гражданский брак как единственно имеющий юридическую силу»¹⁴⁸.

Хотя официально аборт не были узаконены, в первые три года Советское правительство относилось к ним достаточно терпимо. Поскольку эта операция часто производилась людьми неквалифицированными, в антисанитарных условиях, что приводило к тяжелым последствиям и летальным исходам, декрет от 18 ноября 1920 г. предписывал производить аборт под строгим медицинским контролем. Хотя к абортам был приклеен ярлык «пережитка прошлого», женщинам не возбранялось пойти на этот шаг, при

---

¹⁴⁷ *Пайнс Р.* Россия при большевиках / Пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1997. С. 399–400.

¹⁴⁸ *Миллюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – Т. 2, ч. 1. М: Прогресс–Культура, 1994. С. 209.

условии, что операция будет производиться врачами в больничных условиях. Это был тоже первый закон такого рода¹⁴⁹.

Говоря о новом законодательстве в области семьи и брака, В.И. Ленин подчеркивал его направленность на освобождение женщины и ребенка, на защиту их прав: «...законы (Советской России. – С.Г.) не освящают лицемерия и бесправного положения женщины и ее ребенка, а открыто и от имени государственной власти объявляют систематическую войну против всякого лицемерия и всякого бесправия»¹⁵⁰.

Обсуждение проекта нового кодекса законов о браке и семье в начале 20-х годов сопровождалось призывами к отмене любых форм регистрации брака, в том числе и светской государственной регистрации: «Уничтожая суеверие необходимости церковного венчания для законности брака, нет надобности заменять его другим суеверием – необходимости облечения свободного союза женщины и мужчины в форму зарегистрированного брака»¹⁵¹.

Второй советский кодекс законов о браке, семье и опеке был принят в 1926 году. В целом кодекс продолжал западную либеральную традицию в сфере семьи и семейных отношений, сложившуюся в первые послереволюционные годы. Так, например, регистрация браков стала необязательной, поскольку кодекс признавал легитимными существующие фактические браки. При этом фактическим признавался брак, которому соответствовали следующие условия: «Факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр.»¹⁵².

Заметим, что в первое десятилетие советской власти в нашу жизнь и соответственно в русский язык вошла гендерно ориентированная часть новояза, касающаяся, прежде всего, положения женщин и их участия в строительстве социализма/коммунизма¹⁵³. Это

---

¹⁴⁹ *Пайнс Р.* Россия при большевиках / Пер. с англ. Н.И. Кигаи, М.Д. Тищенко. М.: РОССПЭН, 1997. С. 398.

¹⁵⁰ *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // Сочинения В.И. Ленина, изд. 4-е. Т. 33. М.: Политиздат. С. 210.

¹⁵¹ *Ножкина Н.А.* По поводу проекта нового кодекса законов о браке, семье и опеке // Коммунистка. 1924. № 4. С. 26.

¹⁵² О браке, семье и опеке. М., 1927. С. 25–26.

¹⁵³ Немного из гендерно ориентированного новояза советской эпохи: Женделегатка, и, ж. Делегатка-женщина, представительница какой-л. женской организации. Историзмами стали: политпросветчик, женделегатка; Женкомиссия,

замечание важно, поскольку изменения в языке являются индикатором изменений в повседневной жизни.

Мы знаем, что марксистская идеология не содержит никаких доказательств в пользу сохранения семьи; скорее она приводит к противоположному выводу. В первые дни революции было распространено мнение, что семья – это не более как «буржуазный пережиток» и что процесс ее «устранения» неотвратим.

Так, видный российско-американский социолог П.А. Сорокин в статье «О влиянии войны», опубликованной в журнале «Экономист» № 1 за 1922 год, представил следующие данные по состоянию петроградской семьи после революции 1917 года: «На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2% разводов – цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1% были продолжительностью менее одного года, 11% – менее одного месяца, 22% – менее двух месяцев, 41% – менее 3–6 месяцев и лишь 26% – свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят о том, что современный легальный брак – форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям «клубники» «законно» удовлетворять свои аппетиты», чем вызвал неудовольствие В.И. Ленина¹⁵⁴.

Затем наступила столь сильная реакция, что посредством законодательства стало осуществляться гораздо более сильное принуждение граждан к выполнению своих семейных обязанностей, чем это имело место в большинстве стран Запада. Можно предположить, что возник некоторый комплекс сил, действующих в

ии, ж. Комиссия женсовета; Женолп, а, м. Женский отдел лагерного пункта; женский отдельный лагерный пункт; Женорг, а, м. Женский организатор; Женотдел, а, м. Отдел в партийных органах, на предприятиях, в учреждениях, организующий пропагандистскую работу среди женщин. Женотделы созданы по указанию ЦК РКП (б) в декабре 1918 г. для воспитания работниц и крестьянок в духе социализма; Женотделить, лю, лит, несов. Разг. Руководить женотделом; Женотделка, и, ж. Сотрудница, член женотдела; Женсовет, а, м. Орган общественной самодеятельности советских женщин. Женсоветы осуществляют контроль за соблюдением законодательства о правах женщин, охраны их труда и здоровья, материнства и детства. См.: *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: СПбГос. университет, Фолио-Пресс, 1998. С. 189.

¹⁵⁴ Изложено по: *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // *Собрание соч.* Изд. 4-е. Т. 33. М.: Политиздат. С. 208.

этом направлении, что могло совпасть с политикой правящей верхушки¹⁵⁵.

Институт семьи, пошатнувшись в 1920-е годы, когда в СССР были еще сознательные марксисты, а сам марксизм еще не прошел через полосу перерождений, на волне сталинского термидора уже в 1930-е годы не только полностью восстанавливает, но даже укрепляет свои позиции. В Советском Союзе не только не проявилось сколь-либо значимой тенденции к отмиранию государства, что должно было произойти согласно марксистской теории, но проявилась прямо противоположная тенденция к его укреплению. Уже в 30-е годы прошлого века советское государство сумело подняться в «предгорья» имперской организации и могущества, достигнув этих вершин уже после окончания Второй мировой войны¹⁵⁶.

Недаром во все времена, начиная с Античности, стабильные семейные отношения считались мощным политическим стабилизирующим фактором. Монархи и политические диктаторы, пытаясь консолидировать общество под своим руководством, взывали к семейным ценностям, сравнивая государство с одной большой семьей, рассматривая себя как «отца нации» или «Большого Брата».

В процессе установления сталинской диктатуры усилились политическая централизация и государственная ориентация на ускоренное строительство социализма. Жизнь граждан Советского Союза, как мужчин, так и женщин, контролировалась внеэкономическим принуждением к труду, политическими репрессиями¹⁵⁷, установлением жесткого контроля за сексуальным и репродуктивным поведением граждан страны. Но политика государственных репрессий в отношении семьи имеет лишь

---

¹⁵⁵ Парсонс Т. Социальная система // О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой; Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 247–248.

¹⁵⁶ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 114.

¹⁵⁷ В контексте нашего дискурса интерес представляет тот факт, что в годы Гражданской войны большевики активно использовали институт заложничества, построенный не только по классовому принципу, но и по принципу семейного родства. Так, в секретном распоряжении **Л.Д. Троцкий** «приказал собрать сведения о семейном положении всех бывших царских офицеров и государственных служащих, находившихся на советской службе: впоследствии должности были сохранены только за теми из них, чьи семьи проживали на советской территории. **Каждый бывший царский офицер был проинформирован о том, что судьба его ближайших родственников находится в его руках**». Изложено по: *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. С. 74.

ограниченную эффективность. Так, знаменитый автор романа-антиутопии «1984» Дж. Оруэлл определил семью как «очаг верности не партии, а друг другу». Но и это правило содержит в себе определенный процент исключений; советские люди хорошо помнили о выборе Павла Морозова, который сделал выбор не в пользу семьи, но в пользу Советского государства.

Находящемуся во врвждебном капиталистическом окружении СССР были нужны солдаты и бесплатная рабочая сила для осуществления «великих строек коммунизма», что предполагало сублимацию сексуальной энергии человека (как известно, в СССР секса нет) и использование ее для нужд советского государства. С другой стороны, в своем идеальном состоянии советская женщина фертильного возраста рассматривалась и как многодетная мать, и как экономически дешевая, готовая работать за идею рабочая сила. Права женщин, как, впрочем, и права человека вообще, советское руководство 30-х годов особенно не беспокоили, и в 1930 году в стране были закрыты женотделы. И.В. Сталин объявил об окончательном разрешении женского вопроса. «Кульминации это достигло в 1936 г., когда был принят новый семейный кодекс, запрещающий аборт... государство стало бороться за укрепление семьи: “свободную любовь” заклеямили как антисоциалистическую»¹⁵⁸.

Советское правительство во второй половине 30-х годов, как осознанно, так и неосознанно обратилось к российским социокультурным традициям, отойдя от одержимости идеей практического воплощения мировой революции, полной и повсеместной переделки мира. В армии вводились погоны и офицерские звания старой русской армии, красных командиров учили танцам и правилам поведения в обществе, в общественных садах заиграли духовые оркестры. Это был частичный поворот к прошлому, к тому старому миру, который пользовался столовыми приборами и танцевал на балах. Оказалось, что переделать мир и быт человека во всех его проявлениях не всегда нужно, часто старое лучше. Это был, как говорят историки, «консервативный откат», который означал кроме всего прочего, переход к консервативной, охранительной политике в отношении семьи.

Этот откат, наступающий рано или поздно после любой революции, был лишь частичный, церковное венчание как обязательный элемент социокультурной легитимации брака, не

---

¹⁵⁸ *Пайнс Р.* Россия при большевиках / Пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1997. С. 402.

восстановили, но семью стали защищать на заседаниях парткомов и профкомов¹⁵⁹, в стране были запрещены аборт, чуть ли не единственная тогда форма регулирования рождаемости и планирования советской семьи.

Вообще в истории наблюдается общая закономерность, связывающая степень традиционализма политического режима со степенью поддержки большой патриархальной семьи.

В этом вопросе совершенно непримеримо встечаются интересы, симпатии и антипатии социальных консерваторов и либералов. В качестве одного из наиболее чистых примеров консервативного, охранительного, мы бы даже сказали сохранительного подхода к семье, можно отметить подход немецких консерваторов и консервативных революционеров.

Мы позволим себе процитировать внушительный отрывок из статьи, опубликованной 14 октября 1931 года в ежедневной национал-социалистической газете «Фолькишер Беобахтер» («Народный обозреватель»): «Сохранение уже существующих больших семей определяется социальным чувством, сохранение формы большой семьи определяется биологической концепцией и национальным характером. Большую семью необходимо сохранять... потому что она является важной и необходимой частью немецкого народа.

Большая семья важна и необходима не только потому, что только она может обеспечить сохранение населения в будущем, но еще и потому, что национальная мораль и национальная культура находят в ней самую сильную поддержку. Сохранение существующих больших семей и сохранение формы большой семьи суть две нераздельные проблемы. Сохранение формы большой семьи диктуется национальной, культурной и политической необходимостью... Прекращение беременности противоречит смыслу существования семьи, чья задача заключается в воспитании будущего поколения. Кроме того, прекращение беременности приведет к окончательному уничтожению большой семьи»¹⁶⁰.

Да, это размышления немецких социальных консерваторов, реноме которых изрядно подпорчено самой историей Германии того периода, но опровергнуть их трудно, в них заложена не только забота о выживании нации, но и самого человека как биологического вида.

---

¹⁵⁹ Защищать почти дословно по советскому анекдоту: муж – подлец! Верните мужа!

¹⁶⁰ Цит. По: Райх В. Психология масс и фашизм / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб.: Университетская книга. М.: АСТ, 1997. С. 123–124.

В послевоенной Германии постепенно повышается уровень жизни, а с ним и уровень массового социального эгоизма. Сегодняшние немецкие газеты пестрят объявлениями о сдаче внаем квартирантам без детей и домашних животных. Их раздражает детский плач и собачий лай. Это признак заката нации, изнеженного геданизма, за которым последует лишь медленный уход в небытие, растворение в сохранившем социокультурные основания-традиции своей жизни океане незападного человечества.

Большая патриархальная семья стала исчезающим историческим анахронизмом. Немцы стали в большей мере думать о своих личных интересах, а не об интересах нации, стали гедонистами, а не милитаристами, одной из самых «свободных» в отношениях между полами страной в Европе. Сегодняшняя «реальность скачкообразно возросшего числа «незарегистрированных браков» (вероятно) далеко превосходит данные официальной статистики браков и разводов. По оценкам, в ФРГ ныне живут в незарегистрированном браке примерно 1–1,5 млн. человек¹⁶¹.

Но о немецкой семье мы еще поговорим в нашем следующем параграфе, сейчас же вернемся к эволюции советской семьи и семейных отношений в контексте нашей не столь далекой истории. Возвращение к некоторым элементам революционной политики 20-х годов мы видим уже после смерти И.В. Сталина в 1953 году. Н.С. Хрущев инициировал реформы, которые, в частности, привели к открытию большего количества новых школ, детских садов и к увеличению выплачиваемых государством субсидий на детей, в стране были вновь легализованы аборты.

Эти меры государственной поддержки человека, принимаемые вне зависимости от его семейного положения, в том числе и поддержка так называемых неполных семей, улучшение медицинского обслуживания и усиление социальной защиты, в том числе постепенное распространение пенсионной системы на крестьян-колхозников, вкупе с вовлечением в производственную сферу, науку, образование, здравоохранение огромного количества женщин – подорвали экономические и социальные функции патриархальной семьи в РСФСР.

И это начавшееся освобождение от груза авторитарно-патриархальной социокультурной традиции куда более длительной, чем несколько десятилетий советской власти, было воспринято советскими людьми вполне позитивно. Вспоминая атмосферу,

---

¹⁶¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 149.

царившую в советском обществе в 60-е годы XX века, П. Вайль и А. Генис обобщают свои воспоминания следующим образом: «Родина была абсолютно прекрасна. У нее не было пороков. Вся она была, как старший брат, как отец, как мать, как одна большая семья. И своя, личная, семья казалась всего лишь филиалом общегосударственного единства»¹⁶². По большому счету это и был тот желаемый результат, к которому стремилось советское руководство со времен Октябрьской революции.

Кратко рассмотрев эволюцию семьи, нравов, демографических особенностей в Советской России, подведем теперь некоторые итоги. В результате революционных преобразований советской эпохи были решены некоторые проблемы, стоявшие перед Россией, проведены индустриализация, урбанизация, совершен переход от патриархальной к эгалитарной семье, в том числе и демографический переход, достигнут невероятный прогресс в обеспечении всеобщей грамотности, медицине, социальной сфере вообще. Но цена революционного пути для страны оказалась невероятно высокой, свершения в своей основе амбивалентны, достигнуты на основе мобилизации, перенапряжения всех жизненных сил общества, что во многом предопределило цивилизационный слом постсоветской эпохи.

Параграф 3. Современная Россия: переходное общество – переходные формы семейных отношений

Итак, по ряду важнейших направлений, в том числе урбанизации, индустриализации, демографической революции переход от общества доиндустриального типа социальной организации к современному обществу во многом уже состоялся, другой вопрос, что удалось достигнуть определенных количественных показателей нового общества, тогда как их качественное наполнение во многом отличается от референтного для общества модерна. Российское общество по-прежнему представляет собой сложное переплетение элементов отсталости и развития, традиционализма и модернизации, динамики и застоя. Сосуществование этих противоречивых элементов создает амбивалентную социокультурную среду, в которой протекают социальные и политические процессы новейшей российской истории.

---

¹⁶² Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 368 с. С. 113.

В то же время в течение XX века в России сформировалась традиция модерна и стала частью повседневной жизни – модерн перестала быть частью будущего.

Современное российское общество сохраняет внутреннюю амбивалентность, его нельзя характеризовать как сугубо традиционное, но в полной мере оно не является и обществом модерна, что отчетливо проявляется в нормах, ценностях, моделях поведения и образе жизни в наименее успешных, образованных и доходных стратах общества: «Значительная часть выпавших из общинно-государственной системы индивидов не связывается рыночной и гражданской связью, а превращается в “перекати-поле“, оставаясь по сути элементами старой распределительной (но уже не жестко регламентированной, а хаотизированной) системы»¹⁶³. Заметим, что следование традиционалистским стратегиям жизненного поведения человека, обращение к опыту прошлого как источнику для решения сегодняшних частных и социальных проблем происходит в моменты резкого ускорения социокультурной динамики, проявляясь в спонтанных архаических по своей генеалогии адаптационных реакциях личности.

Для значительной части российского общества продолжает оставаться традиционным восприятие необходимой и излишней меры труда и потребления, представление о мере естественных человеческих потребностей. В традиционном обществе человек работал для удовлетворения первичных, ограниченных потребностей, не проявляя, как правило, склонности к производству и потреблению сверх этой минимально необходимой нормы, перманентное расширение потребностей, использование в повседневной жизни различных, в том числе технических, новшеств могло восприниматься как патология, свойственная узкому кругу аристократии. Характерен взгляд крестьянина на труд как единственно справедливый источник собственности, признание принадлежности права на землю крестьянской общине, приоритет общинного блага и признание общей семейной собственности.

Известный русский писатель, экономист, теоретик кооперативных форм развития народного хозяйства А.В. Чаянов писал о том, что «огромная область народного хозяйства в виде сельскохозяйственного производства построена в большей своей части не на капиталистических началах, а на началах трудового семейного

---

¹⁶³ *Кара-Мурза А.А.* Сотворение России. Лабиринты национального самосознания // Между «Империей» и «Смутой». Избранная социально-философская публицистика. – М.: ИФРАН, 1996. – С. 61–62

хозяйства, которому свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгоды»¹⁶⁴.

Выгодность – это прежде всего все то, что способствует элементарному биологическому и социокультурному воспроизводству патриархальной семьи, бесчисленной смене поколений людей, ее темпоральной трансляции в вечности¹⁶⁵. Докапиталистическая (натуральная) форма ведения семейного хозяйства оказалась массово востребованной в постсоветский период.

Так, крестьяне развили в себе виртуозные способности к выживанию, к противостоянию обстоятельствам и вызовам судьбы. Эти способности бесценны именно в экстремальных условиях, когда семейная экономика вынуждена развернуться на самое себя, замкнуться в кругу родственных социально-экономических структур, стремительно нарастить сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами. Эти способности буквально из ничего сотворили сегодня некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой – физическое и социальное выживание¹⁶⁶.

Именно такая судьба ожидала значительную часть населения России, обратившуюся в постсоветский период к докапиталистическим технологиям выживания, когда во имя гарантированного сохранения минимума ресурсов, необходимых для простого биологического воспроизводства жизни, отвергаются более рискованные, инновационные модели поведения. В постсоветский период до 70–80% наших соотечественников выбрали модель адаптации к реформам, которая находится за рамками капиталистической рыночной экономики, до предела уменьшив потребляемый пакет товаров и услуг, перейдя к натуральным формам самообеспечения¹⁶⁷. Семейная экономика этой, к нашему сожалению, подавляющей части российского общества складывалась как экономика выживания, основу

---

¹⁶⁴ Изложено по: *Мяло К.* Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // *Новый мир*. М., 1988. № 8. С. 254.

¹⁶⁵ «Если бы они (крестьяне. – С.Г.) могли найти подходящие слова, они сказали бы, что им не нужна история, а довольно и своего крестьянского быта и что они просят сохранить за ними быт на вечные времена». См.: *Вейдле В.* Три России // *Умирание искусства* / Сост. и авт. послесл. В.М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. С. 139.

¹⁶⁶ *Виноградский В.* Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики // *Знание – сила*, 2000. № 7 (877). С. 70.

¹⁶⁷ *Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Назимова А.Э.* Динамика социального самочувствия россиян // *Россия: трансформирующееся общество* / Под ред. В.А. Ядова. – М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 253.

которой составили натуральные формы самообеспечения и максимальная экономия на всем.

Именно в этой, социально незащищенной и низкодоходной части российского общества в течение большей части 90-х годов прошлого века происходил процесс горизонтальной сегрегации, означающий сосредоточение женщин в определенных профессиях и сферах деятельности при их относительной выключенности из других сфер.

Так, женщины, как правило, составляют большинство специалистов в образовании, здравоохранении, социальном обеспечении. Они преобладают среди армии офисных клерков, торговых служащих, работников общественного питания и бытового обслуживания, значительная часть женщин трудится на монотонных конвейерных линиях. Именно на такое положение вещей указывают результаты ряда исследований, проведенных и российскими социологами.

Видный специалист по теории организации У. Ханди рекомендует, чтобы при составлении портфеля трудовых усилий и вознаграждения за них должно было быть учтено по меньшей мере пять форм труда, пять составляющих профессиональной жизни.

1. Работа по найму – вам платят деньги за время, проведенное на работе.
2. Работа за гонорары – вам платят за результат.
3. Работа по дому – приготовление пищи, уборка, ремонт, покупки и т.д.
4. Неоплачиваемая работа – добровольный труд.
5. Работа, связанная с обучением, – образование, профессиональная подготовка, учеба¹⁶⁸.

Как мы знаем, и наше знание подтверждается репрезентативными социологическими исследованиями, проводившимися как российскими, так и западноевропейскими социологами, третий пункт этого списка в рамках семейных отношений практически полностью ложится на плечи «слабого пола», кроме того, существует как профессиональная специализация по отраслям экономики, так и некоторый разрыв по оплате труда мужчин и женщин в рамках одной и той же отрасли экономики.

Разделение труда по принципу половой принадлежности и традиционной гендерной роли, которые играют мужчина и женщина, распределение, в результате которого внешняя по отношению к семье

---

¹⁶⁸ *Бойетт Джозеф Г., Бойетт Джимми Т.* Путеводитель по царству мудрости: лучшие идеи мастеров управления / Пер. с англ. А.А. Калинина. 2-е изд., стер. – М.: ЗАО «Олимп – Бизнес», 2002. С. 328.

хозяйственная деятельность была делом мужчин, а домашнее хозяйство – делом женщин, привело к экономической зависимости женщин от мужчин, что нашло отражение в характере распределения обязанностей между ними.

Женщина... выступает как представительница мира частного, внутреннего, влажного, нижнего, непрерывного. Поэтому ей пристала домашняя работа, т.е. занятия частные, скрытые, зачастую незаметные или унизительные.

Самая грязная и самая монотонная работа является женским делом... практика разделения труда, диктуемая мужской гегемонией, формирует как у мужчин, так и у самих женщин габитус, способствующий оправданию и закреплению этой гегемонии. В результате и сами женщины проникаются андроцентрическим видением мира и самих себя. Отношение женщин к самим себе и к своему положению пронизано символическими значениями, на которых зиждется мужская гегемония, являясь, таким образом, неотъемлемой частью того символического насилия, жертвами которого они становятся¹⁶⁹.

Сохранение подобного положения вещей, пролонгация гендерно обусловленного материального неравенства тормозит достижение женской частью российского населения экономических основ для независимой социальной и личной жизни, создание семьи преимущественно по любви, но не по материальному расчету. Это торможение не фатально, оно способно лишь на временное замедление гендерной динамики, содержательное наполнение которой, несмотря на все локальные различия, совпадает в разных регионах земли.

Следует также учитывать, что львиная доля статистических данных, показывающих ухудшение материального положения женщины и сосредоточенности ее профессиональных усилий в низкодоходных секторах экономики относится к тем примерно 70% наших соотечественников, чье материальное положение либо стагнировало, либо, в той или иной форме, ухудшилось в постсоветский период. В этих социальных стратах и положение мужчины оставляет желать лучшего.

Но есть еще и группа наших более успешных соотечественников, группа, которая в состоянии дать своим детям хорошее образование,

---

¹⁶⁹ Сокулер З.А. Социальное и географическое пространства в концепции П. Бурдье: (Научно-аналитический обзор) // Социальное пространство: Междисциплинарные исследования: Реферативный сборник / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. Отв. ред. Гирко Л.В. М.: ИНИОН, 2003. С. 46.

востребованную и хорошо оплачиваемую на отечественном/мировом рынке труда профессию. Иными словами, эта часть общества может вкладывать необходимые материальные средства в биологическое и социокультурное воспроизводство новых поколений. Но если много вложено, то можно и ожидать адекватную отдачу, и отдача эта заключается в том, что радикально повышается качество этой части российского социума. Индивид становится личностью, следуя по пути, по которому уже прошли общества наиболее развитых стран Европы и Северной Америки. Там, где женщина в массовом порядке может добиться успешной профессиональной карьеры, достигнув должного уровня материальной независимости, она часто просто не спешит вступать в брак.

За сравнительно короткий исторический отрезок времени женщина вышла за рамки своей традиционной ролевой семейной функции, начав работать вне дома, получая образование, профессиональную квалификацию, активно пополняя не только ряды наемных работников, но и создавая собственные предприятия, главным образом в сфере услуг. Для современной женщины как в России, особенно в выигравшей от постсоветских реформ части общества, преимущественно сконцентрированной в российских мегаполисах – Москве и Петербурге, так и в «старой Европе», труд является не вынужденной необходимостью, а ценностью, причем едва ли не основной. Так, согласно опросу, проводившемуся в январе 1985 г. среди француженок, «53% их них заявили, что женщина чувствует себя счастливее, если она работает, и только 12% предпочитали не работать. Девочки-подростки, наблюдая за работающими матерями, говорят о том, что “труд украшает женщину“; “работающая женщина привлекательна, полна жизни“; “лишить женщину работы – значит превратить ее в подобие полумертвого автомата“»¹⁷⁰.

В самые последние годы в России произошло некоторое сокращение разрыва доходов мужчин и женщин, объясняемое большей социокультурной адаптивностью, гибкостью моделей поведения, которое во все большей степени демонстрируют представительницы «слабого пола» России. И здесь лидируют стремление к получению образования, востребованного на современном российском рынке труда, профессиональная переподготовка. Согласно социологическим исследованиям, в рамках которых рассматривался феномен повышенной социальной адаптивности российских женщин, вступление в новый рынок труда сопряжено с освобождением от все

---

¹⁷⁰ См.: Айвазова С.Г. Участие в общественно-политической жизни // Женщины в современном мире. – М.: Наука, 1989. – С. 187.

новых и новых форм отношений в семье, с соседями, с коллегами по профессии, а также от привязанности к региональной культуре и ландшафту... они ведут к высвобождению индивида из социальных классовых связей и устоявшихся отношений между мужчинами и женщинами¹⁷¹.

Если несколько абстрагироваться от российской социокультурной эмпирики по низкодоходным группам населения, которая в избытке была представлена в течение пореформенного периода, а рассматривать освобождение женщины, достижение участницами семейных отношений эгалитарных позиций как длительный исторический макропроцесс, то вырисовывается следующая картина. Впервые перед массой женщин открылся широкий выбор возможностей, появилась альтернатива бесплатному домашнему труду, которая позволила изменить складывавшиеся веками жизненные стереотипы.

Женщина становится все более независима от мужчины материально, занимая высокие позиции в социальной и профессиональной иерархии. Это путь к большей свободе от представителей противоположного пола, ведь именно на материальной зависимости и на внеэкономическом принуждении к труду держалась патриархальная семья, с ее коллективизмом и жертвенностью женщины, ограниченной пространством «церкви, детей и кухни». Освобождение от абсолютного диктата этих символических, социобиологических и профессионально специализированных пространств становится великим шагом на пути к обретению личной свободы, формированию независимой, гедонистической личности «конца истории».

Еще один важный аспект рассматриваемой нами проблематики трансформации семейных отношений в контексте все большей автономизации человека в отношении природного и социального окружения. Прежде всего, для того чтобы в условиях современного общества добиться политического, экономического и социального равенства, женщина должна в полной мере руководствоваться принципом репродуктивной свободы.

Равенство для женщин означает помимо всего прочего обретение влиятельных позиций во всех сферах общественной жизни. Поскольку процесс воспитания детей требует много времени и энергии, чем в большей степени женщина вовлечена в этот процесс, тем труднее для

---

¹⁷¹ Козырева П.М., Герасимова С.Б., Киселева И.П., Назимова А.Э. Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество. С.253.

нее получить хорошее образование и добиться успеха в карьере. Социальные традиции не способствуют тому, чтобы мужчина активно участвовал в процессе воспитания детей, и неудивительно, что основной груз в этом деле ложится на плечи женщины.

Сегодня в ареале западной цивилизации женщина преимущественно свободно принимает решение о том, иметь или не иметь детей и если иметь, то когда и в каком количестве.

Теперь обратимся к истории и современному состоянию данного вопроса. Распространены утверждения о том, что сокращение детности и, как следствие, сокращение населения России происходило лишь начиная с 90-х годов XX века. Это утверждение мифологично. В течение XX века, отличающегося радикальным ускорением социокультурной динамики, произошло резкое снижение рождаемости, прежде всего у народов, исторически придерживавшихся различных направлений христианства. Одной из причин распространения демографической революции в России стало ускоренное заимствование западноевропейской модели семьи.

Первые признаки снижения рождаемости в России появились к началу XX века, но они были едва заметны. Революция, Первая мировая и Гражданская войны значительно понизили уровень рождаемости, но уже к середине 20-х годов XX века она практически вышла на уровень, характерный для Российской империи до начала Первой мировой войны. Строго говоря, только коллективизация смогла окончательно разрушить массовую крестьянскую патриархальную семью, как, впрочем, и уничтожить крестьянство центральных областей России. В результате большевикам понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы совершить демографическую и санитарно-гигиеническую революцию, пройдя путь, который на Западе занял куда большее время.

После окончания Второй мировой войны процесс сокращения рождаемости в славянской части бывшего СССР происходил сопоставимыми темпами с Западной Европой, с ее динамичной экономикой, высоким уровнем жизни, медицинского обслуживания и образования, значительно опережая мусульманские регионы страны и наших ближних и дальних восточных и южных соседей. Депопуляционные тенденции в России стали особенно наглядны начиная с 60-х годов XX века.

К концу 50-х – началу 60-х годов прошлого века Россия и другие европейские республики СССР по уровню рождаемости практически не отличались от стран западного мира. В Советском Союзе средняя величина семьи колебалась от трех человек в прибалтийских

республиках (Латвии и Эстонии) до 7–9 среди сельского населения Туркменистана и Таджикистана. В распределении семей по величине выделялись три региона: с преобладанием малых семей – Прибалтийские страны, Украина и большая часть России; с преобладанием средних семей включает Белоруссию, Грузию, Молдавию; с преобладанием больших семей включает страны Средней Азии, Армению, Азербайджан¹⁷².

Именно тогда тенденции отрицательного естественного прироста населения стали нормой сначала для российского села, прежде всего в Центральной России, в Нечерноземье, и постепенно распространились и на города центральной части страны. Несмотря на то, что в селе дольше сохранялись патриархальная семья и диктуемые ей нормы детности, село в массовом порядке подпитывало населением российские города, само постепенно приходя в полное запустение.

Уже к концу 70-х годов XX века источники поддержания положительного демографического баланса и в сельской, и в городской местности исчерпали себя... быстро стареющая возрастная структура населения на фоне низкой рождаемости, не уменьшающейся смертности и стабилизации миграционных потоков подготовила тенденцию к отрицательному приросту почти на всем пространстве России. К началу 90-х годов большинство российских регионов оказалось перед лицом неотвратимой реальности отрицательной демографической динамики¹⁷³. Коэффициент суммарной рождаемости в России не только достиг, но и опустился значительно ниже уровня замещения убывающего населения. В других регионах бывшего СССР эти процессы смягчались высокой рождаемостью¹⁷⁴.

В стране свершился так называемый «второй демографический переход», характеризующийся меньшим количеством и более поздним возрастом вступления в брак, более поздним рождением ребенка, значительным количеством детей, родившихся вне брака. В настоящее время в России преобладают нуклеарные семьи, имеющие детей или без них. Традиционные, патриархальные семьи, состоящие из двух или

---

¹⁷² Летов О.В., Стронг К. Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции // Философия: РЖ/РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отдел философии. – М.: РАН. ИНИОН, 2000. С.130.

¹⁷³ Более подробно см.: Полян П. Двадцатое столетие: путем демографических катастроф // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник. – М.: ОГИ, 2001 (Серия ОГИ / Полит.ру). С. 57.

¹⁷⁴ Более подробно см.: Жиромская В.Б. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 365.

более супружеских пар, составляют сегодня порядка 4,3% от общего числа семей¹⁷⁵.

Мы наблюдаем значительный рост числа семей, состоящих из 2-х человек, стагнацию, с небольшой тенденцией к росту семьи из 3–4-х человек и радикальное уменьшение количества многочисленных семей, состоящих из пяти и более человек. Мы видим увеличение количества неполных семей (один ребенок и один родитель) и семей бездетных, а количество патриархальных и многодетных семей постоянно сокращается.

Явно наметившаяся тенденция к доминированию нуклеарной семьи с одним ребенком, дополняющаяся ростом количества неполных семей, распадом патриархальной и многодетной семьи обусловлена следующими факторами:

- ✓ ростом числа ранних браков вследствие снижения возраста вступления в брак и общего изменения половозрастной структуры населения;

- ✓ тенденцией к обособлению молодых семей;

- ✓ тенденцией к малодетности;

- ✓ накоплением в населении семей с одним родителем (неполных).

Сегодня в России преобладающим является тип нуклеарной семьи, состоящей из супружеской пары с детьми или без них (82%). Сравнительно велика и выросла за 80–90-е годы доля семей, состоящих из одного родителя с детьми. Такие семьи образуются в связи с разводом или смертью одного из супругов, а также в результате рождений вне брака. Абсолютное число одиноких и отдельно проживающих членов семьи составляет, по данным переписи 1989 г., 17 млн. человек, или более 12% населения. **В общем числе семейных образований одиночки составляют почти треть.** При этом наибольшее количество людей, живущих вне семьи, сосредоточено в городах, особенно в крупных, в российских мегаполисах Москве и Петербурге, а также в городах-«миллионниках»¹⁷⁶.

Ситуация в демографической сфере приобрела еще более острый характер начиная с 1992 г. В 1994 г. смертность в стране увеличилась вдвое¹⁷⁷ по сравнению с относительно спокойным и трезвым,

---

¹⁷⁵ Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000. С. 132.

¹⁷⁶ Более подробно см.: Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е гг. / Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: РИК, 1996. С. 2–3.

¹⁷⁷ Россия в цифрах: Краткий статистический сборник (Госкомстат России). М.: Госкомстат России, 1996. С. 174.

вследствие развернутой по инициативе М.С. Горбачева в 1986 г. антиалкогольной компании, временем перестройки. Важнейшей причиной происходящего явился социокультурный шок, возникший от необходимости ускоренной адаптации к постсоветским условиям жизни, в том числе и меньшей степени патернализма со стороны государства. Своими следствиями этот социокультурный адаптационный шок имел и значительное снижение продолжительности жизни мужчин, ухудшение здоровья у значительной части слабых и социально неконкурентоспособных россиян, в том числе и тех из них, которые еще/уже находятся в состоянии фертильности, то есть биологически и социально способны к репродукции человека¹⁷⁸.

Постсоветские социально-экономические реформы резко ускорили процесс депопуляции не только русских, но и других Славянских народов. Но это не только и не столько следствие реформаторского волонтаризма, для этого есть и вполне объективные основания. **Сложившаяся демографическая ситуация в России, прежде всего касающаяся русских и других славянских народов, аналогична сложившейся в странах Западной Европы.**

Мы можем выжить, получить приток жизненных сил так же, как и страны западной цивилизации, составляющие основу модерна, т.е. за счет эмигрантов. Эмиграция уже является существенным фактором жизни Российского государства и общества, и этот процесс усилится по мере экономического роста. Сегодня в развитии России намечился исторически детерминированный тренд к усилению гетерогенности, т.е. движение к многонациональному, многорасовому, мультикультуралистичному и мультikonфессиональному, плюралистичному обществу.

Семья является достаточно консервативным институтом, и сегодня в постсоветской России, как и в Западной Европе, на первом плане находится идеал стабильного партнерства, когда «практическая верность зачастую представляется совершенно естественной – только без официальных легитимации и принуждений государственного права»¹⁷⁹.

В результате анализа характера взаимоотношений в современной российской семье возможно констатировать следующее:

---

¹⁷⁸ Так, в конце прошлого века в стране 34% беременных женщин страдали анемией, 28,5% рожали больных детей // Россия в цифрах: Краткий статистический сборник (Госкомстат России). М.: Госкомстат России, 1996. С. 174.

¹⁷⁹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс–Традиция, 2000. С. 150.

✓ отношения равенства между супругами становятся преобладающей тенденцией;

✓ для супружеских отношений специфичен эгалитарный характер;

✓ вопрос о главе семьи трансформируется в проблему лидерства. При этом в одних семьях лидером может быть женщина, в других – мужчина, т.е. лидерство экстраполируется на определенный вид жизнедеятельности семьи;

✓ мужчина зачастую является главой семьи чисто формально, согласно сложившейся традиции¹⁸⁰.

По данным социологических опросов, в каждой пятой семье властные полномочия у жены, в каждой шестой – у мужа. Наличие в 36% семей одного субъекта властных полномочий создает условия для внутрисемейного конфликта. Особого обсуждения и углубленного изучения заслуживает вопрос о так называемой феминизации современной семьи. В ряде случаев, как свидетельствуют материалы исследований, женщина занимает в семье лидирующее положение:

✓ именно она, в основном, распоряжается бюджетом семьи;

✓ женщине-матери принадлежит ведущая роль в воспитании детей;

✓ основная часть домашнего труда и труда по уходу за детьми лежит на плечах женщины;

✓ заработок женщины во многих случаях существенно не отличается от заработка мужчины или является более высоким;

✓ женщина часто является настоящей домоправительницей, т.е. распределяет между членами семьи те или иные обязанности и заботы по домашнему хозяйству.

Все это позволяет говорить об устойчивой тенденции феминизации семьи и усилении этого процесса в ближайшие годы¹⁸¹.

Мы полагаем, что наиболее близкими к российским трансформациям семьи и семейной жизни являются аналогичные процессы, происходящие в странах бывшего социалистического лагеря. Сравнение трансформационных процессов, происходящих в семейной жизни россиян, наиболее корректно в отношении стран Восточной Европы. Здесь интересен, в частности, опыт Польской Республики, которая, как и Россия, переходит к новым/старым

---

¹⁸⁰ Баскакова М.Е. Замужняя женщина: семья или работа // *Семья в России*. 1995. № 3–4. С. 104–105.

¹⁸¹ Бодрова В.В. Семья в переходный период: социально-психологические проблемы // *Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения*. Информационный бюллетень ВЦИОМ. М., 1995. № 2. С. 48–50.

капиталистическим отношениям, переживает все многообразие социокультурных трансформаций, в том числе и в сфере семьи и семейных отношений.

Так, профессор Института социологии Познаньского университета им. А. Мицкевича З. Тышка в книге «Семья в современном мире» следующим образом определяет особенности современной европейской и североамериканской семьи: «Основной ее формой является малая (состоящая из двух поколений) семья, имеющая отдельную жилую площадь, ведущая обособленное домашнее хозяйство. Жена, как и муж, занята на работе (вне дома), хотя это не является обязательным правилом. Участие в совместном семейном производстве больше не является доминирующей формой семейных отношений, т.е. преобладают не экономические факторы и обстоятельства, отсюда, в частности, и контроль в рамках семьи над рождаемостью. Целенаправленная активность семьи концентрируется на отдельных, выборочных функциях, которые при этом реализуются более “углубленно“.

Связи малой (состоящей из двух поколений) семьи с другими микроструктурными социальными институтами (например, отношения с соседями) ослабевают. Семья становится более интимным образованием. Возрастает внутрисемейная толерантность, утверждается внутрисемейный эгалитаризм (особенно это касается отношений мужа и жены) при гораздо большей чуткости и идеологических различиях между поколениями. Значительно уменьшается роль институционального аспекта в семейной жизни.

Проявление личностных особенностей в семье становится более значимым, чем приспособление к нормам и ролевым особенностям членов семьи. Сами роли и нормы уже не так строго и четко очерчены, как в традиционной семье. Практически исчезает дистанция между мужем и женой, значительно уменьшается и дистанция между родителями и детьми. К детям, особенно старшим, все чаще относятся по-товарищески, как к коллегам. Стирается специфичность ролей мужа и жены. Мужской и женский “миры” в семье все больше унифицируются. Существенно меняется ранжир неинструментальных факторов, все больше в семье на первый план выходит фактор эмоциональности. Личностные отношения преобладают над опредмеченными вещественными отношениями»¹⁸². И ситуация в современной (сегодняшней) польской семье рассматривается лишь как частный пример европейской семьи, на которую в полной мере

---

¹⁸² *Tyszka Zb. Rodzina we wspolczesnym swiecie.* – Poznan: Wydawnauk. UAM, 2003. 135 s.– (Ser. Sociologia; N 31). S. 26–27.

распространяются все достижения и издержки радикализирующегося процесса эмансипации личности.

Следует отметить, что согласно проводимым в последние годы социологическим опросам среди взрослых респондентов 50,6%, а среди молодых – 50,4% согласны, что семейная жизнь предпочтительнее во всех отношениях; среди взрослых 45,6% и 29,9% среди молодежи согласны в том, что рождение и воспитание детей является целью семейной жизни; 72,6% молодых людей и 48% взрослых не видят ничего плохого в совместной семейной жизни до официального вступления в брак¹⁸³.

Под эгидой английского благотворительного фонда Leverhulm Trust в России были проведены комплексные социологические исследования по изучению молодежной среды и ее включенности в процессы культурной глобализации, рассмотрения степени усвоения западных по своей генеалогии норм, ценностей, моделей поведения, образа жизни, в том числе и отношения к семье и семейным отношениям.

По итогам этих исследований был опубликован коллективный труд британских и российских социологов из Центра русских и восточно-европейских исследований Бирмингемского университета и научно-исследовательского центра «Регион» Ульяновского государственного университета. Данные исследования показали определенную степень совпадения того, что наблюдается в трансформации семейной жизни в Европе, в частности в Польше.

Так, родители представлены в описаниях молодых людей как довольно толерантные люди, понимающие и просвещенные, готовые даже слушать «рэп, хаус и брейк-бит»¹⁸⁴. В то же время российская молодежь отмечала и дисциплинирующую роль семьи, наличие семейных отношений как некоей преграды в отношении девиантного поведения, в частности культуры употребления наркотиков: «Наркотики преобладают... в сфере молодежи, но со временем это уйдет, конечно, с возрастом, потому что это какая-то мода, это какая-то культура все-таки... когда человеку 30 лет, он уже всерьез задумывается о создании семьи, у него даже есть семья и это как-то естественно... а когда ты учишься, легче употреблять наркотики»¹⁸⁵. В

¹⁸³ *Ogryzko-Weiewiorowska M. Rodzina polska u progu nowego wieku // Ibid., S. 37–45, 41–42.*

¹⁸⁴ *Пилкингтон Х. Обратная Сторона Луны? Глобальные и Локальные Горизонты // Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко, У. Блюдиной. СПб.: Алетей, 2004. С. 173.*

¹⁸⁵ Там же. С. 179.

целом авторы исследования отмечают, что степень распространения западных ценностей и моделей поведения в российской молодежной среде велика настолько, что этого нельзя себе было представить десять лет назад.

Рассмотрев определенный массив социокультурной эмпирики как таковой, научных публикаций, в том числе содержащих значительные массивы статистических данных, приступим теперь к некоторым обобщениям по теме параграфа.

В течение большей части прошлого века не только в Западной Европе, но и в России современники событий не только наблюдали, но и были самыми активными участниками мегапроцесса, заключавшегося в количественном уменьшении семьи, сокращении детности и одновременно резком росте уровня образования, повышения качества и уровня жизни новых поколений землян. Речь идет об исторически очень быстром переходе от архаичных стереотипов семьи к современной модели в условиях, когда такой переход был еще не вполне подготовлен в социально-экономическом плане, в определенной мере продолжая оставаться в контексте идейной, моральной и конфессиональной системы представлений о должном состоянии семьи и деторождения.

Традиционные роли, когда женщина вела домашнее хозяйство, воспитывала детей, а муж был хозяином, собственником имущества и обеспечивал экономическую самостоятельность семьи, изменились. С течением времени практические результаты обретения новой демографической и социальной свободы становились все более явственными, благодаря ей радикально менялось и продолжает меняться положение мужчин, женщин и детей, появились новые возможности самореализации личности в семейной, профессиональной и личной жизни.

Традиционная схема «общество – семья» в семейных отношениях даже в наиболее продвинутых в направлении их трансформации российских мегаполисах, таких как Москва и Санкт-Петербург, постепенно уступает место новой схеме, новому положению вещей, при котором семья выступает в двух ипостасях социального института и малой социальной группы, постепенно превращается в схему «общество – индивид, диада, неполная семья». **Растворение семейного в индивидуальном, разумеется, обусловлено историческим ослаблением посреднической роли**

семьи между обществом и индивидом¹⁸⁶. Последнее заявление вполне укладывается в рамки нашей теоретической модели о все большей автономизации человека в отношении природы и общества.

Мы также полагаем, что говорить о положении российской семьи, ее трансформациях, демографических проблемах российского общества следует в более широком контексте нашей исторической и социокультурной динамики. В течение всего постсоветского периода российское общество училось жить на сугубо материальных основаниях, когда государство не регламентировало, не карало и не вознаграждало за следование и неследование благодати и пороку, моральным нормам, религиозным системам, духу патриотизма, различным формам социокультурной солидарности, в том числе и традиционным семейным отношениям.

Потому и навязанный народам аскетический образ жизни, навязанное самопожертвование ради величия государства пробудили в людях неудержимую жажду личной жизни, для которой второй ребенок – уже избыточно большое и длительное бремя, фактически отнимающее у женщины право на молодежный образ жизни и на профессиональную карьеру. Взрыв притязаний, потребностей создает высокий разрыв между ними и реальным уровнем жизни, то есть депривацию первого рода, вызывающую высокую неудовлетворенность и достигательную активность. Не страх, не депрессия, а оптимизм становится психологическим фоном, на котором зиждется, из которого вырастают социально-экономическая активность и низкая рождаемость¹⁸⁷.

Заметим, что в нашей стране уровень эмансипации женщин еще далек от западных стандартов, что можно объяснить как общим отставанием России в темпах построения постиндустриального общества, так и некоторыми историческими традициями, ментальностью, заметной долей мусульманского населения в стране и т.п. В то же время этот пониженный, по сравнению с западноевропейским, уровень женской эмансипации в определенной мере способствует и сохранению в отдельных, прежде всего мусульманских регионах страны, преимущественно традиционной семьи.

В последние десятилетия наблюдаются процессы депопуляции различных, в том числе славянских, групп населения России. Этот феномен был обусловлен, по меньшей мере, двумя основными

---

¹⁸⁶ Более подробно см.: *Антонов А.И.* Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 34–35.

¹⁸⁷ *Баранов А.* Депопуляция // *Знание – сила.* 2001. № 3. С. 74.

причинами. Первой причиной является ускорение заимствования западноевропейской модели семьи, характеризующееся меньшим количеством детей, более поздним возрастом вступления в брак, значительным количеством детей, родившихся вне брака. Второй важнейшей причиной происходящего является шоковая реакция человека на необходимость ускоренной адаптации к новым реалиям в культуре и обществе.

Согласно прогнозам, представленным в Восьмом докладе о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации, вышедшем в рамках программы развития ООН, к 2050 году в России может проживать порядка 120–90 миллионов человек¹⁸⁸.

В наибольшей мере это сокращение затронет русскоязычные области, поскольку в индустриальных (Урал, Норильск и т.д.) и постиндустриальных регионах (Москва, Санкт-Петербург) страны демографический переход уже произошел, в отличие от аграрных регионов, которые, как правило, являются национальными республиками. В аграрных регионах сохраняется архаическая модель демографического воспроизводства, семьи более многочисленны, с большим количеством детей.

Нетрудно предположить, что эти процессы в недалеком будущем приведут к значительным изменениям привычного этнического ландшафта, где этнические русские составят если и не явное меньшинство, то и не доминирующую группу. Углубление этого процесса может сопровождаться всплесками национализма, требованиями переделить собственность по этническому и религиозному принципу, росту политического влияния противников эмиграции.

Вопросы к параграфу

1. Как вы понимаете воздействие переходного состояния российского общества на эволюцию семьи?
2. Эволюция семьи в России и Восточной Европе. Каковы совпадения и различия?
3. Какова демографическая ситуация в стране, каковы ее тенденции и перспективы?
4. Что можно сделать для улучшения демографической ситуации?

---

¹⁸⁸ Власова О. Без воли к жизни // Эксперт, 8–14 декабря 2003. № 46 (399). С. 92–93.

5. В каком направлении эволюционирует современная российская семья?

Заключение

Западная цивилизация модерна, нацеленная на взрывное развитие, жизнь, как безграничную экспансию, является локомотивом мирового развития, ускорения социокультурной динамики в планетарном масштабе. Решающую роль в мировом развитии сегодня играет распространение западной цивилизационной модели – модерна. В различных регионах мира, отнюдь не относящихся к западной цивилизации, постепенно меняется характер семейных отношений во многом благодаря тому, что западное образование, а с ним и стиль отношений, стали доступны элитным слоям населения всех стран мира, сумели достигнуть вершин политической власти и своей личной карьеры женщины, как, например, И. Ганди.

Эти женщины достигли вершин политической карьеры в консервативных странах третьего мира. Однако народы и элиты этих стран сделали нетрадиционный для себя выбор в пользу женского лица своих политических систем, так как, очевидно, поняли, что высококачественное образование и полученные благодаря нему связи могут принести гораздо больше пользы, чем принадлежность к мужскому полу и дословное следование канонам, задаваемым национальной социокультурной традицией.

Объясняя эти процессы, ряд исследователей полагает, что более развитые вербальные и логические способности у женщин позволяют рассматривать XXI век как век женской политики. В современных условиях традиционные мужские качества (агрессивность, способность к самоутверждению) играют меньшую роль в политической деятельности, чем вербальные способности, позволяющие прекрасному полу легче овладевать иностранными языками, быстрее и полнее понимать представителей других наций и культур¹⁸⁹.

А американские социологи все чаще говорят о формировании новой префигуративной культуры, где не предки и не современники, а сам ребенок определяет ответы на сущностные вопросы бытия. В этом случае старшие не видят повторяющимся в жизни молодых их собственный опыт, жизнь родителей не является моделью для детей, происходит естественный и радикальный разрыв поколений: «Еще совсем недавно старшие могли говорить: “Послушай, я был молодым,

---

¹⁸⁹ Олескин А.В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: ЦОП ИФРАН, 2001. С. 287.

а ты никогда не был старым”. Но сегодня молодые могут им ответить: “Ты никогда не был молодым в мире, где молод я, и никогда им не будешь”».

Благодаря радикальному ускорению исторической и социокультурной динамики на рубеже XX–XXI веков человечество оказалось в новой, никогда ранее не переживаемой ситуации: продолжая работу по перестройке материального мира, мы подходим ко все более радикальному изменению реалий повседневного человеческого существования, изменению формы семьи и семейных отношений, которое в среднесрочной исторической перспективе может быть подкреплено технологическими возможностями по манипулированию антропологическими параметрами человека.

Разделить воздействие объективных и субъективных факторов в ситуации продолжающейся демографической и семейной революции непросто, понятно, что это соотношение может меняться с течением времени и от места к месту, но с полной определенностью можно утверждать, что и те, и другие действуют в едином направлении, способствуя замедлению роста численности народонаселения во всем ареале христианской/постхристианской цивилизации, в том числе и в России, и **переходу к принципиально иному типу его воспроизводства, со всеми его плюсами и минусами.**

Говоря о теоретических обоснованиях происходящих процессов, мы полагаем уместным вспомнить прогностическую картину нерепрессивной цивилизации будущего, которую дает Г. Маркузе. Эта новая цивилизация будет основана на освобождении человеческих инстинктов от контроля «репрессивного разума». Это приведет к регрессу сравнительно с достигнутым уровнем цивилизации и разумности.

Итак. Будут реактивированы ранние фазы либидо, которые были уже пройдены в развитии Я, и подвергнутся разложению те институты общества, в которых осуществляется Я... Регресс, связанный с этим распространением либидо, проявится в реактивации эрогенных зон и, следовательно, в возрождении предгенитальной полиморфной сексуальности и в упадке генитального доминирования... **изменение в ценности и объеме либидозных отношений приведет к разложению институтов, которые регулировали личные межиндивидуальные отношения, в частности, моногамной и патриархальной семьи**¹⁹⁰.

Новые принципы человеческой жизни состоят в постепенном освобождении человека от давления и служения своему виду – гомо

---

¹⁹⁰ Изложено по: *Шафаревич И.Р.* Социализм как явление мировой истории. М.: Эксмо, 2003. С. 336.

сапиенс. Отдельная личность во все большей степени начинает предпочитать свои личные интересы интересам вида в целом, что наиболее наглядно можно проследить на примере взрывного уменьшения деторождения в ареале христианской/постхристианской цивилизации. Человек все более выделяется из природы, становится чужим природе, создает свой защитный кокон – техносферу.

Мы приближаемся к постчеловеческому будущему, оказавшись в новой, никогда ранее не переживаемой ситуации: продолжая работу по перестройке, утилитарному использованию окружающей среды, материального мира, мы подходим к возможности манипулирования антропологическими параметрами человека при помощи современных средств науки и техники. Развитие науки и техники носит все более ускоряющийся, экспоненциальный характер. Благодаря новым научным открытиям и технологиям становятся возможны практические решения, снимающие трагичность основ жизнеустройства. Уже сегодня существуют крионика, генная инженерия, способные изменить индивидуальную и видовую продолжительность жизни, улучшить ее качество¹⁹¹. Динамика научно-технической сферы может вызывать определенную межвидовую конкуренцию между видом гомо сапиенс и его творениями. Так, быстродействие человеческого мозга уступает компьютерным системам, но возможно движение к их симбиозу, способное радикально увеличивать возможности человека.

Открывающиеся возможности перестройки, самомодификации человека открывают новые варианты будущего, вероятность которых ранее либо вообще не рассматривалась, либо не относилась к жанру научных исследований и прогностики. И в этом внеочередном «дивном новом мире» на **«набивший оскомину вопрос, принадлежат**

---

¹⁹¹ Так, Э. Керр и С. Каннингхэм-Барли из Эдинбургского университета Великобритании полагают, что риск и противоречивость являются ключевыми понятиями рефлексивной модерности, рассматривая ее в связи с новой генетикой человека. Они разделяют точку зрения, согласно которой новая генетика человека во многом коррелирует с наукой о рефлексивной модерности, которая включает в себя союз глобального капитала (прежде всего в биотехнологической индустрии), врачей, ученых и политиков. Кроме того, генетические тесты и обсуждение связанных с генетикой вопросов способствуют вовлечению все более широких слоев общества в сферу действия научных, технологических и биомедицинских социальных институтов. См.: Kerr A., Cuninghame-Burley S. On ambivalence and risk: reflexive modernity and the new human genetics // Sociology. Cambridge, 2000. Vol. 34, N 2. P. 283–304.

ли брак и семья уходящей эпохе, можно со всей серьезностью ответить: и да, и нет»¹⁹².

Известный американский социолог и футуролог Э. Тоффлер говорит о том, что мир, в который мы быстро вступаем, настолько далек от нашего прошлого опыта, что все психологические гипотезы выглядят сомнительно. Однако абсолютно ясно, что мощные силы совместно воздействуют на изменение социального характера – развитие определенных черт, подавление других и, таким образом, изменение всех нас... индивиды будут гораздо сильнее отличаться друг от друга, чем сегодня.

Многие из них будут взрослеть раньше, раньше брать на себя ответственность, лучше адаптироваться и проявлять больше индивидуальности. Они будут более склонны, чем наши родители, ставить под сомнение авторитеты¹⁹³. Над ними в меньшей степени чем в индустриальном, а тем более в доиндустриальном обществе будет довлеть груз социокультурной традиции. В отношении многих санкционированных ею элементов общественной жизни, норм, ценностей, моделей поведения многое может быть разрешено заново, интерпретировано с учетом минимальных экономических (хозяйственных) ограничений.

Уже сегодня в рамках всего ареала христианской/постхристианской цивилизации наблюдается возрастающий уровень эгалитаризма в семейных отношениях, происходит взаимообусловленный процесс феминизации мужчин и маскулинизации женщин, характеризуемый текучестью и подвижностью казавшихся ранее незыблемыми, как сама половая принадлежность человека¹⁹⁴, его гендерными ролями.

Кроме того, все большим объемом прав наделяются дети и подростки. Тем не менее следует отметить, что если процесс маскулинизации женщины не встречает серьезного общественного сопротивления, то в отношении встречного процесса феминизации мужчин сегодня существует прямая настороженность, подкрепленная воспоминаниями о совсем недавнем табуировании этого процесса.

---

¹⁹² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 150.

¹⁹³ Тоффлер Э. Третья волна: Пер. с англ. / Науч. ред. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 1999. С. 616.

¹⁹⁴ Ибо «нет сегодня менее надежной вещи, чем пол – при всей раскрепощенности сексуального дискурса... Что до пола, то и здесь пролиферация близка к полному распылению». См.: Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Гараджа. М.: Ad Marginem, 2000. С. 32.

В качестве небольшой, но важной в контексте нашего дискурса иллюстрации сказанного приведем пример из области моды, где сегодня активно переплетаются генеалогически «мужские» и «женские» элементы, разрушается бинарная оппозиция «мужского» и «женского»: «Женская одежда может вобрать в себя почти всю мужскую одежду, а та “отвергает” лишь некоторые черты женской (мужчина не может носить юбку, тогда как женщина может носить брюки); дело в том, что в первом и втором случае табу на иной пол имеет неравную силу: феминизация мужчины – под социальным запретом, которого практически нет для маскулинизации женщины; в частности, мода признает “бой-лук”»¹⁹⁵.

Перемены, представляющие собой отход от апробированных на протяжении длительного времени жизненных практик, норм, ценностей, моделей поведения являются необходимым условием успешных изменений в рамках семьи и семейных отношений. Важную роль в возникновении новаций в сфере семейной жизни играет девиантное (отклоняющееся) поведение, нарушающее установленный образ жизни. Однако степень приемлемости данного отклонения от освященных социокультурной традицией общепринятых норм во многом определяется потребностями адаптации данного социума к изменяющимся условиям существования, как внешним, так и внутренним. Сегодня то, что еще совсем недавно воспринималось как девиантное, общественно осуждаемое поведение, например однополые браки, приобретает в ряде стран Европы вполне конвенциональный статус.

Формирование нового глобального мира во многом основано на трансляции западных по своей генеалогии норм, ценностей, моделей поведения, модели семьи и семейных отношений на регионы незападного мира. В контексте нашего дискурса важно то обстоятельство, что все легализованные на западе новации в сфере семейной жизни также транслируются за пределы Западной Европы и Северной Америки.

Еще в 1938 году Вирджиния Вульф писала о наличии некоего космополитического женского начала, которое позже пришлось так кстати для глобализующегося мира: «Я женщина – и потому у меня нет страны, я женщина – и мне не нужна страна, я женщина – и моя

---

¹⁹⁵ См.: Барт Р. Система моды // Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых. С. 292.

страна это весь мир»¹⁹⁶. Сегодня слова В. Вульф могут повторить многие наши современники.

Мы полагаем, что сегодня, после семидесяти лет советской власти, постсоветский человек стремится к полноте жизни. Уместно вспомнить здесь оценку Ф. Степуна, данную им в середине 20-х годов прошлого века, но удивительно актуальную и сегодня. «Оспаривать интуитивную уверенность каждого замученного, замызганного советского человека, что Царствие Небесное – это, прежде всего, тихая чистая квартира, долгий, спокойный сон, хорошо оплачиваемый труд, законом обеспеченный отдых, отсутствие административного произвола и, главное, – глубокий идеологический штиль – сейчас не только бессмысленно, не только преступно, но просто безбожно»¹⁹⁷.

В то же время за этот период накопилась огромная неудовлетворенная страсть к самовыражению во всех сферах человеческой жизни, в том числе и в сфере семьи и семейных отношений. И здесь российское общество также становится частью христианского мира, причем ничего нового самим изобретать не нужно, инновации приходят с Запада, не меняя семейную жизнь основной массы людей, но скорее представляя ей некоторую умозрительную альтернативу.

В любом случае можно уже быть не как все, постсоветский человек получает не только потенциальную/реальную возможность выбора, но и полноту ответственности за него. Постсоветский человек испытывает жажду жизни, он хочет жить здесь и сейчас, а не в умозрительном далеке. И это обостренное чувство настоящего около ста лет назад прекрасно выразил Генри Форд: «Мы хотим жить в настоящем, и единственная история, которая хоть что-то значит, – это та, которую мы делаем в данный момент»¹⁹⁸.

Мы не можем предугадать будущее, история человечества не закончилась, эволюция семьи продолжается сегодня, и будет продолжаться завтра, возможно не только возникновение новых моделей семейных отношений, но и коррекционные движения к более ранним формам семьи и семейных отношений. Нам лишь хотелось бы,

---

¹⁹⁶ Изложено по: *Брайдотти Р.* Путем номадизма // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Ч. II / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 143.

¹⁹⁷ *Степун Ф.* Мысли о России // Современные записки (Париж). 1928. Кн. 35. С. 388.

¹⁹⁸ Изложено по: *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. С. 26.

чтобы эти изменения вели к становлению более гуманного общества и человека.

Литература

1. Адам и Ева: Альманах гендерной истории / Под ред. Репиной Л.П. М.: ИВИ РАН; СПб.: Алетейя, 2003. 567 с.
2. Аналитический доклад «Женщина новой России: какая она, чем живет и к чему стремится»; подготовлен в рамках Института комплексных социальных исследований РАН, РОССПЭН, 2003. 239с.
3. *Андреев Е., Харьковская Т.* Демографические сценарии для России // Российский демографический журнал, 1998/1999, № 2(4). С. 5–19.
4. *Ан-Наим А.А.* На пути к исламской реформации (гражданские свободы, права человека и международное право) / Пер. с англ. О. Фадиной; Отв. ред. Д. Фурман. М., 1999. 283 с.
5. *Антонов А.И.* Микросоциология семьи. М.: ИНФРА-М, 2005. 368 с.
6. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я.Ю. Старцева при уч. В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
7. *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева и др. М.: Центр Ком, 1996. 672 с.
8. *Аусландер Л.* Женские + феминистские...// Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Ч.II / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 63–92.
9. *Ахиезер А.С.* Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 115–135.
10. *Барт Р.* Система Моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 29–356.
11. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002. 390 с.
12. *Безансон А.* Россия в XIX веке // Советское настоящее и русское прошло: Сборник статей / Пер. с фр. А. Бабича (главы IV–XI) и М. Розанова (главы I–III). М.: МИК, 1998. С. 11–28.
13. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

14. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.

15. *Бестужев-Лада И.В.* Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Финансы и статистика, 1986. 346 с.

16. *Биллингтон Дж.Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / Пер. с англ. М.: РУДОМИНО. 2001. 880 с.

17. *Блок М.* Феодальное общество // Блок М. Апология истории или ремесло историка / Пер. с фр. Е.М. Лысенко. М.: Наука, 1986. С. 122–181.

18. *Бодрийяр Ж.* Соблазн / Пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem, 2000. 318 с.

19. *Бродель Ф.* Структура повседневности: возможное и невозможное. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Вступ. ст. Ю.Н. Афанасьева. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

20. *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. Новое лит. обозрение, 2001. 368 с.

21. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 368 с.

22. *Васина Г., Горкина А., Никитина С.* Прогноз численности населения Российской Федерации до 2015 года // Вопросы статистики. 1998. № 8. С. 78–87.

23. *Вейдле В.* Три России // Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 132–143.

24. *Вернадский Г.В.* Россия в Средние века / Пер. с англ. Е.П. Беренштейн, Б.Л. Губман, О.В. Строганова. Тверь: ЛЕАН. М.: АГРАФ, 2001. 352 с.

25. *Виноградский В.* Орудия слабых: технология и социальная логика крестьянской семейной экономики // Знание – сила. 2000. № 7 (877). С. 66–70.

26. *Витсен Н.* Путешествие в Московию, 1664–1665 / Пер. со староголландского В. Трисман; Предисл. Р. Максимовой и В. Трисман. Рисунки и гравюры с рис. Н. Витсена. Комментар. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.

27. *Витте С.Ю.* Речь, произнесенная 10 января 1914 г. на заседании Государственного Совета при обсуждении законопроекта об изменении и дополнении некоторых, относящихся к продаже крепких напитков, постановлений // *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте –

финансист, политик, дипломат. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 1998. С. 444–451.

28. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

29. *Власова О.* Без воли к жизни // Эксперт. 2003. № 46. С. 92–93.

30. *Волков А.* Семья – объект демографии. М.: Финансы и статистика, 1986. 368 с.

31. *Высокий герметизм* / Пер. с древнегреч. и лат. Л.Ю. Лукомского. СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. 412 с.

32. *Габриэлян Н.М.* Пол. Культура. Религия // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 126–133.

33. *Гавров С.Н., Никандров Н.Д.* Образование в процессе социализации личности // Вестник УРАО, 2008, № 5 (43) С. 21-30.

34. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты российской модернизации. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 349 с.

35. *Гавров С.Н.* Социокультурные трансформации постсоветской России // Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое. М.: Наука, РАН, Научный совет «История мировой культуры», 2007. С. 505–530.

36. *Гачев Г.Д.* Русский эрос («роман» Мысли с Жизнью). М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 640 с.

37. *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; Под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.

38. *Гидденс Э.* Социология / Пер. с англ. В. Малашенко, Е. Крюкова и др.; Научн. ред. В.А. Ядов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.

39. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб.: Питер, 2004. 208 с.

40. *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2005. 676 с.

41. *Голод С.И.* Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 74–88.

42. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: Петрополис, 1998. 272 с.

43. *Градскова Ю.* Новая идеология семьи и ее особенности в России // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 181–185.

44. Губина С.А. Персоналитарная семья информационного общества // Тезисы докладов V международного форума по информатизации МФИ-96 Конгресс «Общественное развитие и общественная информация». Секция 3. Информатизация постперестроечного общественного развития. М., 1996. С. 11–13.

45. Гудков Л. Коммунальная дыра // Знание – сила. 2001. № 11. С. 59–63.

46. Гэлбrait Дж.К. Справедливое общество. Гуманистический взгляд / Новая постиндустриальная волна на западе. Антология // Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 223–244.

47. Даль В. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, говорок, прибауток, загадок, поверий и пр. Т. 1–2. СПб.: Издание поставщиков Двора Его Императорского Величества Товарищества М.О. Вольф, 1904. 276 с.

48. Даэнсон Э. О боге и черте (памфлет) / Пер. с фр. А. Шпицберга. М.: Красная новь, 1923. 160 с.

49. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. М.: Логос, 2000. 184 с.

50. Демографические перспективы России. М.: Финансы и статистика, 1993. 367 с.

51. Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Две модели адаптации к социальным изменениям // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 609–620.

52. Дьячков В.Л. О нашем месте под солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история Ежегодник, 2000. М.: РОССПЭН, 2000. С. 219–228.

53. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 434 с.

54. Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века. Проект «Таганрог» / Под ред. Н.М. Римашевской. М., 2001. 200с.

55. Жиромская В.Б. Особенности демографического развития народов России в 20-е годы XX века // Россия XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 361–365.

56. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. М.: Едиториал УРСС, 2003. 571 с.

57. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia, 1999. 640 с.

58. Иноземцев В.Л. Испытание культурой // Бенхаbib С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. С. VII–XXX.

59. *Иноземцев В.Л.* Расколота цивилизация: наличествующие предпосылки и возможные последствия постэкономической революции. М.: Academia-Наука, 1999. 724 с.

60. *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки о русской истории // Наш умственный строй. М.: Современник, 1989. С. 343–416.

61. *Карамзин Н.М.* История государства Российского (Репринтное воспроизведение издания 1842–1844 годов). Книга III. Т. XI. М.: Книга, 1989. С. 1–183.

62. *Кёнигсбергер Г.Г.* Средневековая Европа, 400–1500 годы / Пер. с англ. А.А. Столярова, Предисл. Д.Э. Харитоновича. М.: Весь Мир, 2001. 384 с.

63. *Коатс Д.* Будущее семьи // Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики. 1952–1999 / Ред.-сост. И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia, 2000. С. 452–458.

64. *Кожев А.* Введение в чтение Гегеля. Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе / Подборка и публикация Реймона Кено / Пер. с фр. А.Г. Погоняйло. СПб: Наука, 2003. 792 с.

65. *Козырева П.М., Герасимова С.Б. Киселева И.П., Назимова А.Э.* Динамика социального самочувствия россиян // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С. 243–256.

66. *Кон И.С.* Маскулинность как история // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. ред. И.М. Семашко. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 9–37.

67. *Коринфский А.А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М.: Моск. рабочий, 1994. 560 с.

68. *Костомаров Н.И.* Русские нравы. Исторические монографии и исследования. М.: Чарли, 1995. С. 101–123.

69. *Коукер К.* Сумерки Запада / Пер. с англ. А.А. Арзуманова. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 272 с.

70. *Крылова Н.Л., Прожогина С.В.* «Смешанные браки». Опыт межцивилизационного общения. М.: Институт Африки РАН, 2002. 320 с.

71. *Кули Ч.* Первичные группы // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Международный университет бизнеса и управления, 1996. С. 328–333.

72. *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) / Пер. с

франц. С.Н. Голубева // Одиссей. Человек в Истории. М.: Наука, 1991. С. 25–47.

73. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

74. *Лебедева Л.Р.* Гендерные вызовы и реальность // США: экономика, политика и идеология, 1996. № 6. С. 28–42.

75. *Левин А.И., Левина Л.В.* Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу: Монография. Курск, 2001. 188 с.

76. *Ленин В.И.* Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. 5. Т. 26. М.: Политиздат. С. 43–81.

77. *Ленин В.И.* О значении воинствующего материализма // В.И. Ленин: Соч. Изд. 4. Т. 33. М.: Политиздат. С. 201–210.

78. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) Сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 94–155.

79. *Летов О.В., Стронг К.* Этические вопросы репродуктивной медицины: новые концепции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 3, Философия: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отдел философии. М.: РАН. ИНИОН, 2000. С. 79–87.

80. *Лисицын Ю., Харченко В., Иоффина О., Акоюн А.* Демографическая ситуация в России: состояние и перспективы // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 59–67.

81. *Ломоносов М.В.* О сохранении и размножении русского народа // М.В. Ломоносов. Избранные произведения. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1980. С. 131–148.

82. *Лучицкая С.И.* Ж. Баше. «Авраамово лоно (Авраам и структуры родства на средневековом Западе)». (Аналитический обзор) // Историческое знание на рубеже столетий: Сб. обзоров и рефератов / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. отеч. и зарубеж. истории; Редкол.: Ястребицкая А.Л. (гл. ред.) и др. М.: РАН. ИНИОН, 2003. (Сер.: Социальные и гуманитарные науки в XX веке). С. 85–101.

83. *Мангейм К.* Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции / Пер. с англ. Е.Я. Додина. М.: ИНИОН РАН, 2000. 164 с.

84. *Мердок Д.П.* Социальная структура / Пер. с англ. А.В. Кортаева. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
85. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. – Т.2, ч.1, 2. М.: Прогресс-Культура, 1994. 416с., 496 с.
86. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 548 с.
87. *Мишле Ж.* Женщина // Ведьма. Женщина / Вступ. ст., подгот. текста В. Сапова: Пер. с фр. М.: Республика, 1997. С. 244–446.
88. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Толковый словарь языка Совдепии. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 704 с.
89. *Мур Г.* Феминизм и антропология: история взаимоотношений // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 582–598.
90. *Мяло К.* Оборванная нить. Крестьянская культура и культурная революция // Новый мир. М.: 1988. № 8. С. 245–257.
91. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. 567 с.
92. Население и глобализация / Н.М. Римашевская, В.Ф. Галецкий, А.А. Овсянников и др. М.: Наука, 2002. 322 с.
93. Население России 2000: Восьмой ежегод. демогр. докл. / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Книжный дом Университет, 2001. 176 с.
94. *Никулин А.* Столетние обороты путанных сведений // Знание – сила. 2000. № 8 (878). С. 90–96.
95. *Новосельский С.А.* Смертность и продолжительность жизни в России. М: Научное слово, 1916. 297 с.
96. *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова, предисл. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
97. *Олескин А.В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские политологические и практические аспекты. М.: ЦОП ИФРАН, 2001. 423 с.
98. *Осипович Т.* Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186.
99. *Пайнс Р.* Россия при большевиках / Пер. с англ. Н.И. Кигай, М.Д. Тименчика. М.: РОССПЭН, 1997. 662 с.
100. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. В. Козловского. М.: Независимая газета 1993. 423 с.

101. *Парсонс Т.* К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. Часть 2. Ценности, мотивации и системы действия // О структуре социального действия / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 458–562.

102. *Парсонс Т.* Социальная система // О социальных системах / Пер. с англ. В.Ф. Чесноковой, Г. Беляевой, В. Герчикова, Н. Осиповой, под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. С. 73–520.

103. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

104. *Райх В.* Психология масс и фашизм / Пер. с нем. Ю.М. Донец. СПб: Университетская книга. М.: АСТ, 1997. 380 с.

105. *Рено А.* Эра индивида. К истории субъективности / Пер. с фр. С.Б. Рындина; под ред. Е.А. Самарской. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 473 с.

106. *Римашевская Н.М.* Две России – социальная поляризация постсоветского общества // Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / Серия «Теоретические проблемы прав человека». Вып. 3. М.: Референдум. С. 43–55.

107. *Римашевская Н., Ванной Д., Малышева М. и др.* Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году. М.: Academia, 1999. 272 с.

108. *Слотердайт П.* Критика цинического разума / Пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 584 с.

109. *Сокулер З.А., Фести П.* Упадок института брака? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер.11. Социология: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-нформ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. М.: РАН ИНИОН, 2001. № 4. С. 62–65.

110. *Стайте Р.* Женское освободительное движение в России: Феминизм, Нигилизм и Большеизм, 1860–1930: Пер. с англ. М.: ИСПП – РОСПЕН. 345 с.

111. *Степун Ф.* Мысли о России // Современные записки (Париж). 1928. Кн. 35. С. 365–412.

112. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека / Феномен человека: Сб. очерков и эссе / Пер. с фр. О.С. Вайнер / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. – М.: АСТ, 2002. С. 133–430.

113. Тенденции социокультурного развития России. 1960–1990-е годы / Отв. ред.: И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. М.: РИК, 1996. 520 с.

114. *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М.: ИФРАН, 2001. 177 с.

115. *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке: Пер. с франц. / Предисл. Гарольда Дж. Ласки. М.: Весь Мир, 2000. 560 с.

116. *Тоффлер Э.* Третья волна: Пер. с англ. / Науч. ред. П.С. Гуревич. М.: АСТ, 1999. 784 с.

117. *Трубников В.В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии // Сб. статистических сведений о России, издаваемый РГО, 1858. Кн. 3. 654 с.

118. *Флоренский П.А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем // Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 1996. С. 647–681.

119. *Фромм Э.* Мужчина и женщина // Мужчина и женщина / Пер. с нем. Т.В. Банкетовой, С.В. Карпушиной, сост.: П.С. Гуревич, С.Я. Левит. М.: АСТ, 1998. С. 111–128.

120. *Фрэзер Д.Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. 2-е изд. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

121. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб: Университетская книга, 1997. 576 с.

122. *Фуко М.* История сексуальности III. Забота о себе / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомя. Киев: Дух и литература; М.: Рефл-Бук, 1998. 282 с.

123. *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem, 1999. 477 с.

124. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. 349 с.

125. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.М. Беляева, К.В. Костина, Е.Л. Петренко и др. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

126. *Черняев Н.И.* Мистика, идеалы и поэзия русского Самодержавия / Вступ. ст. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1998. 432 с.

127. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева; Под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

128. *Шубарт В.* Европа и душа Востока / Пер. с нем. З.Г. Антипенко и М.В. Назарова. М.: Альманах «Русская идея». Вып. 3, 2-е исправленное изд. 2000. 448 с.

129. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Политиздат. С. 21–443.

130. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

131. *Юкина И.И.* История женщин России: Женское движение и феминизм в 1895–1920-е годы. Материалы к библиографии. СПб.: Алетейя, 2003. 456 с.

132. *Юнг К.* Концепция коллективного бессознательного // Юнг Карл Густав, фон Франц М.-Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С.Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 337–346.

133. *Якимова Е.В.* Социально-психологические аспекты семьи и брака: теория и эмпирия // Человек: Образ и сущность. Ежегодник 2007: Семья: Традиции и современные тенденции / РАН. ИНИОН. С. 215–243.

134. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований / РАН. ИНИОН; Саратов. гос. техн. унт. Центр соц. политики и гендерных исслед. М.: РАН. ИНИОН, 2001. 254 с.

Оглавление

Предисловие	4
Глава I. Модернизация и семья	11
Параграф 1. Модернизация: основные определения.....	
и характеристики.....	11
Параграф 2. Семья как социокультурный феномен	19
Глава II. Трансформация семейных отношений.....	
в рамках христианской/постхристианской цивилизации.....	39
Параграф 1. Семья в эпоху преמודерна.....	39
Параграф 2. Семья в эпоху модерна.....	56
Глава III. Семейные отношения в России:.....	
от преמודерна к модерну.....	82
Параграф 1. Семья в контексте традиционного российского общества	82
Параграф 2. Семья и брак в Советской России	90
Заключение	117
Литература.....	123

Table of Contents

Foreword	3
Chapter I. Modernization and the Family	10
Section 1. Modernization: basic definitions and characteristics of	10
Section 2. The family as a sociocultural phenomenon	18
Chapter II. The transformation of family relations, in the Christian / postchristianskoy Civilization	38
Section 1. Families in the Age of premoderna	38
Section 2. Families in the Age of Modernism	58
Chapter III. Family relations in Russia: from premoderna to the Art Nouveau style	85
Section 1. Families in the context of the traditional Russian society	85
Section 2. Family and marriage in the Soviet Russia	89
Conclusion	116
Literature	122

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Гавров Сергей Назипович, д.филол.н., профессор

Sergey Nazipovich **Gavrov**, dr. of sc. /philosophy/, Professor of
sociology and social anthropology

Компьютерная верстка Масалова В.А.

Ответственный за выпуск Морозов Р.В.

Бумага офсетная

Усл.-печ.л. 8,5   Тираж 3000   экз.   Заказ
№ 967

Историческое изменение институтов семьи и брака
The historic change in the institutions of family and marriage

Информационно-издательский центр МГУДТ
115998, Москва, ул. Садовническая, 33
Тел./факс: (495) 506-72-71
e-mail: frost@yandex.ru

Отпечатано в НИЦ МГУДТ